1
1918
T 106
N12

CDVI

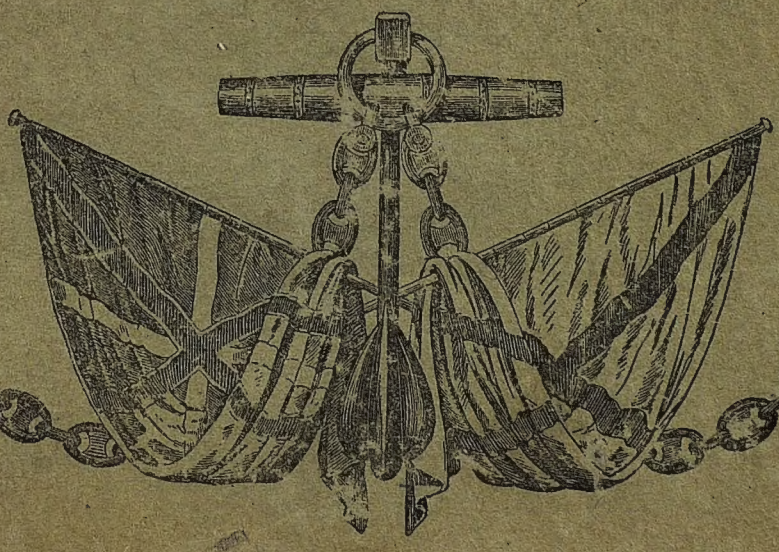
МОРСКОЙ

СБОРНИК

№ 12

ДЕКАБРЬ

1918



Проверено-85

МОРСКОЙ СБОРНИК.

Редактор — С. Лукашевич.

290841

Том CDVI.

1945

№ 12.

Бухгалтерская Библиотека Учебно-Технического Сектора У. С. П. П.
14573
Инв. №

ДЕКАБРЬ.

ПЕТРОГРАД.
Десятая Государственная Типография, в Главном Адмиралтействе.
1918.

1948–
1949

Петроград, 20-го декабря 1918 г.

Центральная В.-Морская
Библиотека ВМФ СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

№ 12 „Морского Сборника“ 1918 года.

От редакции 1

Морские силы и народное хозяйство России при Петре Великом. Перевод с немецкого. Бундас. 3

Из записок Д. Ф. Мертва́го. 45

Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный. Смоленской губернии. 63

Новая полярная экспедиция Роальда Амундсена. Е. . 85

Наша политика и высшая стратегия на Дальнемъ Востоке перед Русско-Японской войной 1904—1905 г.г. В. Новицкий. 89

Несколько слов о минном классе высшего командования. В. Подерни. 129

Матросы Франции. *_*. 139

Бреслау-Мидилли. С немецкого А. Холодняк. 145

Подъем американской подводной лодки в 260 тонн с глубины 90 метров. 153

Маслоохладители. М. Я. 159

Хроника. В. Новицкий 169

Иностранное обозрение. Борис Доливо-Добровольский. . 177

Библиография. 193

Приключение Е 11 и Е 14. Р. Киплинг Пер. А. Жихаревой 1—12

Систематический указатель статей, помещенных в „Морском Сбронике“ за 1918 год . . . . . 1—13

Безплатное приложение—„Библиотека Морского Сборника“.

История войны на море въ ея важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики. Част 4-я. Отставного капитана 1-го ранга А. Штенцеля . . . 1—16

ОТ РЕДАКЦИИ.

В предстоящем 1919 году в журнале сверх основной, утвержденной Морским Генеральным Штабом, программы, учреждается особый отдел, посвященный трудам вновь организованной «Военно-Морской Секции Комиссии по изучению мировой войны». Эти труды будут печататься по возможности непрерывно в каждом номере журнала.

Для прочих отделов намечен целый ряд крупных работ по истории, географии, морской статистике, различным специальным отраслям военно-морского дела и проч.

Кроме того, возобновляется выпуск отдельных технических приложений со статьями специального характера.

В книгах «Библиотека Морского Сборника» предполагается закончить в течение года труд А. Штенцеля—История войны на море с точки зрения морской тактики, а затем приступить к изданию посмертного полного собрания сочинений Н. Д. Каллистова.

По примеру прошлых лет, редакция обращается к личному составу флота и ведомства, а также ко всем лицам, интересующимся морскими вопросами, присылать материал, одновременно с этим доводя до сведения авторов, что гонорар с января 1919 года увеличивается в значительной степени.

Редакция пользуется случаем принести от лица старого, вступающего в 72-й год существования, морского журнала, сердечную благодарность всем сотрудникам и лицам, оказавшим в текущем году содействие журналу своей работой, особенно ценной в связи с переживаемыми событиями.

МОРСКИЕ СИЛЫ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ.

Предлагаемый очерк принадлежит к целой серии таких очерков, помещенных в ежегоднике «Nauticus», который является официозом германского генерального штаба. В особенности немцы обращали внимание на своих восточных соседей, и почти одновременно с исследованием о создании морской силы в России появились таковые-же исследования о флотах скандинавских государств.

Хотя очерк этот написан уже довольно давно, он, как относящийся к далекому прошлому, нисколько не утерял своего интереса. Интерес же его заключается в том — как оценивает именно германский морской генеральный штаб деятельность создателя русской морской силы. Притом в этом очерке создание военного флота Петром рассмотрено в связи с его деятельностью в области русского народного хозяйства, и это придает очерку особый интерес. Действительно, такой метод исследования вопроса о создании морской силы имеет особенное значение именно теперь, когда для всякого стало совершенно ясно, что во время войны воюет не военная только сила, а весь народ, вся страна, и что мощь страны и способность ее к победе обосновывается главным образом на экономической ее конструкции. Некоторые экономические неточности очерка и резкие суждения о русских, нисколько не умаляют этого интереса.

В заключение надо отметить, что напоминание об огромном напряжении сил и деятельности нашей родины, творившей

два века тому назад, под руководством Великого Петра, новую жизнь, особенно полезно теперь, когда тоже творится новая жизнь, и когда у многих, под влиянием мук этого творчества, опускаются руки и падает энергия. В особенности это имеет место по отношению к флоту, который разрушен, и от которого отнято главное—почти все русские моря. Но ведь и тогда Россия была почти отрезана от морей, и флот не существовал совсем. И все-таки, что было добыто и создано в какие-нибудь 20 лет! А значит не отнята надежда сделать это и теперь. Только не надо падать духом и надо трудиться изо всех сил, несмотря на все невзгоды. И вот для такой работы полезно иметь перед глазами пример неукротимой энергии и сверхчеловеческой трудоспособности великого создателя русской морской силы. А отзыв о нем именно иностранцев придает этому примеру характер беспристрастности.

I.

Первые планы России относительно морских сил.

Русская торговля. Юный царь, вступив в 1689 г. на престол после правления своей сестры Софии, регентствовавшей с 1682 г. во время его малолетства, получил в руки неподвижное, континентальное государство, лишенное мирового морского пути с его освежающим и обновляющим влиянием общения с иностранными государствами. К морю России еще не удалось пробраться: от Балтийского она была отодвинута шведами в 1617 году Столбовским договором, движению к Черному морю препятствовало могущество Турции, и только Волга и Северная Двина от истока до устья находились целиком в русских руках.

Взятие Астрахани открыло доступ к Каспийскому морю, и повело к попыткам политических и торговых сношений с Персией и Средней Азией. Единственно на крайнем Севере континента Россия примыкала к мировому морскому пути. Архангельск в устье Двины со второй половины 16-го столетия был единственной гаванью, при посредстве

которой Европа поддерживала торговые сношения с Россией. Еще отец и предшественник Петра на русском престоле, царь Алексей Михаилович, оценив важное значение Архангельска, распорядился в 1670 году постройкой там большого каменного торгового двора. Эта торговля находилась исключительно в руках западно-европейских государств. С Москвой Архангельск был связан большой торговой дорогой через Вологду, и во всех трех городах имелись в довольно значительном числе фактории и конторы иностранных купцов: пунктом сосредоточения торговли, обусловливавшей соприкосновение России с Европой была, так называемая, Немецкая слобода в Москве. Сами русские в этой торговле выполняли лишь функции транспортщиков товаров из Москвы до Архангельска. Другая часть пути, по которому велись через Россию крупные европейско-азиатские сношения, находилась в руках не русских, а армянских купцов, которые и поддерживали постоянно связь между Москвою и ближней и Средней Азией.

Планы России относительно судоходства. Еще царь Алексей, а на столетие раньше его Иоанн IV, делали попытки основать русское судоходство на Каспийском и Белом морях. Голландцы, тогдашние учителя Европы в деле навигации, судостроения и торговли, были приглашены в Россию и им была предоставлена торговля в бассейне Волги и на Каспийском море. Не малое число их отозвалось на приглашение, но возлагавшиеся на их деятельность надежды не оправдались. Уже царь Алексей подумывал о возрождении русского судоходства на Балтийском море, однако получил отказ от Курляндии, к которой он обратился с просьбой о предоставлении ему порта на Балтийском море для постройки и вооружения русских судов.

Первые опыты Петра. Известно, что еще в ранней юности Петр был заинтересован судоходством и судостроением. Управлению парусною шлюпкою он научился от голландских моряков, частью живших в Москве со времен Алексея Михаиловича, частью же приглашенных в Россию по желанию самого Петра из Саардама при содействии голландских куп-

цов. При помощи их он создал небольшую верфь в своем летнем местопребывании селе Измайловском, близ Москвы. При совместных работах с ними он и обучился голландскому языку. Впоследствии, в обществе голландских и английских купцов из Немецкой слободы в Москве, среди которых он более всего вращался, он мог с большим числом шлюпок упражняться в маневрировании последними на Переяславском озере. Первоначально это было для него серьезно организованной игрой, первыми шагами в области командования настоящим военным флотом. Затем он основал первые верфи для более крупных мореходных судов в Воронеже на Дону и в Астрахани в устье Волги, т. е. вблизи тех областей, откуда легко было доставлять потребный для судостроения дубовый лес. Желая ознакомиться с большим приморским портом и управлением кораблями, он в 1693—94 г.г. предпринял поездку в Архангельск. Но и там его общество составляли почти исключительно иностранные голландские купцы, которые в числе других национальностей часто посещали Архангельск. Первый русский торговый корабль был спущен в этом городе со стапеля в присутствии Петра.

Петр на Черном море. Перед Петром, желавшим облегчить сношения России с Западной Европой и ввести в культурном и политическом смысле свой народ и свою страну в ряд Европейских держав, открывались два пути: завоевательный натиск или на Балтийское или на Черное море. В войне с Турцией в 1696 году русскими был взят Азов в устье Дона. Царь с одушевлением принялся за осуществление крупного плана постройки в несколько лет на Воронежской верфи сильного флота из 60—80 пушечных судов, числом в 64 корабля. Для этого он частью начал расходовать свои средства, и кроме того установил налог на бояр, духовенство и купцов. Но эти круги выказали явное недовольство, вызванное не только денежною тягостью, но и изменением всех прежних порядков, а главным образом тем слишком ускоренным темпом государственной жизни, который был принят Петром.

Явились революционные стремления.

Движение в 1697 году Петр подавил кровью и жестокостями и после этого решил осуществить свое сильнейшее желание, посетить мировые центры торговли и судостроения. Уже в том же году он предпринял путешествие за границу через Шведскую Ригу и Нижнюю Германию в Голландию.

В Заандаме (Саардам), главном центре голландского судостроения, он ревностно изучал технику кораблестроения, ознакомляясь попутно с фабрично-заводской деятельностью страны. Окончательное образование он завершил в Англии в 1698 году. Когда в том же году он возвращался через Вену в Россию, за ним последовали сотни рабочих, мастеров и «сведущих людей» различного рода, в особенности же морских офицеров и матросов, которые, будучи приглашены и завербованы царем, захотели попытать счастья на русской службе.

Прежде всего Петр энергично принялся за создание Черноморского флота; командирами судов были назначены иностранные моряки, русские же должны были учиться у них. В Таганроге, в устье Дона, были возведены сильные укрепления, стоившие жизни сотням тысяч русских рабочих (их насчитывают до 300.000 человек), умерших от болезней и голода, вызванных дурным обращением и недостаточной заботливостью. Этот новый русский военный порт, первый на Черном море, был одним из безопаснейших и лучших в Европе. Там же были устроены арсеналы и спущенные в Воронеже корабли получили свое боевое вооружение.

Тяжелая война со шведами, начатая в 1700 году самими же русскими, вынудила царя вскоре приостановить свои начинания в Черном море и отдаться новым целям и задачам, вызванным войною на северо-западе его обширного государства.

Неудачный исход сухопутной кампании против турок, окруживших Петра и его армию на Пруте и вынудивших его к миру какой угодно ценой, снова закрыл в 1711 году доступ к Черному морю: Азов должен был быть возвращен Высокой Порте, дорого стоившие укрепления в Таганроге срыты и военный флот уничтожен. Дальнейшее судостроение в Воронеже явилось бесцельным. Предметы снабжения кораблей были на санях перевезены в Петербург и Архангельск.

Попытка Петра упрочить морское могущество на Черном море была покончена. Он увидел, что мечты и творения его юных лет погибли. Но продолжая уже в течение десяти лет политику своих предшественников по отношению к Балтийскому морю, царь тотчас же сосредоточил всю силу воли на создание в этом море сильного русского флота и на борьбу за обладание Балтийским побережьем, что открывало его стране другую значительную дорогу к морю. Решительный успех ожидал Петра здесь. Само собой разумеется, что, параллельно с этим, он проявил не меньшую деятельность для того, чтобы присоединить Россию к европейскому культурному кругу, поднять ее народное хозяйство до высоты производительной способности других государств и сделать последнее независимым от торговых стран Западной Европы.

II.

Основание Петром русского флота в Балтийском море.

Первые шаги Петра на Балтийском море. Во второй половине 17-го столетия Швеция достигла высшей степени территориального расширения и господства на Балтийском море. Главнейшими отдельными областями, подчиненными Швеции на восточном и южном побережьи, были: Финляндия, Ингерманландия, Эстляндия, Лифляндия, Восточная Померания около Штетина, острова: Эзель, Изедом, Воллин, Рюген и город Висмар. Сильный военный флот обеспечивал связь между этими областями и Шведской метрополией [1]). Для России доступ к Балтийскому морю, несмотря на то, что она неоднократно добивалась его, хотя и без продолжительного успеха, был отрезан Шведами в 1617 году; со стороны Польши и Дании не могло быть перевеса над шведским могуществом. Моментом, в который эти три державы решились поколебать положение Швеции, был 1697 год, когда Карл XII, почти еще мальчиком, вступил на шведский престол. В 1700 году

[1]) См. «Nauticus» 1900 г.

эти державы произвели нападение на шведские владения. На исходе войны, стоившей в течение 20 лет громадных жертв всем участникам, в особенности же Швеции, имело громадное влияние то обстоятельство, что Карл XII после первой победы над русскими под Нарвой обратил все свои силы против сравнительно не сильного польско-саксонского противника, вместо того, чтобы обрушиться на более опасного врага, царя. Движение Карла на юг развязало последнему руки, и он тотчас же возобновил свое нападение на Балтийское побережье. Шлиссельбург, ключ к Неве и Ладоге, перешел в руки царя, а вслед за ним в 1703 году и Нейшанц—в устье Невы; в том же году возникли Петербург и заграждающий вход в устье Невы—Кронштадт с фортом Кроншлот в Финском заливе. Как только в следующем году была взята Нарва, русское могущество прочно базировалось на юго-восточном побережьи Финского залива и Петр увидел себя у цели своих желаний, осуществления которых добивался путем войны. В тылу у Карла, лишенного возможности воспрепятствовать этому, и в то же время в тесной близости от шведской метрополии Россия выросла до морского могущества на Балтийском море. Только после победы над польско-саксонскими войсками Карл XII в 1707 году решил двинуться на прежний центр русского государства—Москву.

В 1708 году он перешел через Днепр и вместо того, чтобы решительно со всеми силами напасть на укрепления Петра на Балтийском море, вступил в Украйну. Уничтожение русскими войсками шведской армии под Полтавой в 1709 году, пятилетнее бездеятельное пребывание в Турции Карла, спасшегося бегством туда,—все это обеспечило Петру окончательное завоевание остальной части Финляндии, Лифляндии и Эстляндии. Петр настолько прочно основался на Балтийском море, что уже по возвращении Карла в Швецию в период 1715 по 1717 год предпринял второе более продолжительное путешествие за границу, главной целью которого опять была Голландия. Оттуда он на этот раз проехал еще в Париж, Карл XII за это время своей деятельностью вполне подтвердил ожидания Петра, предприняв с остатком своих

сил три неудачных похода против Норвегии, окончившихся в 1718 году смертельной раной короля в бою под Фредериксгаллем.

При таком положении вещей окончательное укрепление России на Балтийском море могло идти планомерно, шаг за шагом без того, чтобы шведская армия или флот хоть один раз могли серьезным нападением помешать этому.

Осуществив свое сильнейшее стремление и сделавшись хозяином побережья, царь мог продолжать наступательную войну и расширять ее зону от новых баз по направлению к Швеции. Этот план был осуществлен путем создания морских сил на Балтийском море.

До 1710 года главнейшей целью Петра было ускорение русского судостроения, т. к. к этому времени едва лишь были устроены примитивные верфи на Ладоге, выстроено всего несколько военных судов и только еще были переведены из Воронежа морские офицера и команды. Опасность со стороны Карла XII существовала вплоть до катастрофы 1709 года под Полтавой, и это мешало царю извлечь реальные результаты из своих приобретений на Балтийском море. Слова, заключающиеся в письме, написанном Петром через несколько часов после Полтавской битвы адмиралу Апраксину в Петербург, были сплошным радостным криком облегчения: *«неприятеля нашего постигла судьба Фаэтона, и наконец прочно заложен фундамент нашего Невского града»*. Лишь с этой минуты царь почувствовал себя истинным хозяином своих завоеваний и начал проводить в жизнь им предначертанные и глубоко продуманные планы, заставившие его народ почувствовать себя дома на Балтийском море и вызвавшие удивление всей Европы.

III.

Создание Русского флота на Балтийском море Петром Великим.

Рост русского флота со времени Полтавской битвы, т. е. с момента, когда Петр серьезно принялся за судостроение, показывает следующая таблица [1]).

[1]) В этой таблице показан только флот «открытого» моря. *Ред.*

ОРУДИЙ.	90	80	70	64	60	54—50	48—36	32—14
Состояние флота в 1710 г.	—	—	—	—	—	2	—	5
Флот, действовавший в 1713 г. против шведов в Финляндии.	—	—	—	—	1	4	—	6
Флот, стоявший на якоре в Ревеле в 1714 г.	—	—	1	1	1	10	—	—
Военные корабли, действовавшие в 1718 г.	—	—	4	3	4	9	—	7
Военные корабли, плававшие в 1721 г.	4	1	4	6	2	7	5	Большое число.
Военные корабли, плавшие в 1722 г.	6	1	5	6	2	6	6	Очень большое число.

Уже в 1716 году царь считал свой флот настолько окрепшим, что думал под его защитой высадить через Копенгаген целый армейский корпус в Южную Швецию. Эта операция могла быть произведена беспрепятственно через Копенгаген, но момент, благоприятный для нападения на Шонен, был упущен.

Однако к этому времени русские суда в водах и гаванях Балтийского моря считали себя как дома. Русские крейсера производили рекогносцировку вплоть до шведских берегов и были в состоянии воспрепятствовать всей морской торговле неприятеля. И это удалось в 1718 и 19 годах с таким успехом, что свыше 50 торговых кораблей, главным образом любекских и данцигских, сделались призами.

В последние годы войны русский флот служил для прикрытия от шведских кораблей русских войск, действовавших в Финляндии и в Аландских шхерах.

После заключения в 1721 году в Нюстадте мира с Швецией, по которому Россия стала обладательницей Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, Выборга и Кексгольма, царь продолжал увеличение своего флота. Его судостроительная программа преследовала смелую цель создания флота в 40 линейных, 50—100 пушечных кораблей. Это должно было сде-

лать русский флот сильней всех других флотов на Балтийском море, да и флотов всей Восточной Европы. В 1724 году число 50—90 пушечных линейных кораблей в Росси достигало 27-ми. Кроме того на стапеле находилось 6 кораблей и для следующих 30-ти в Казани был заготовлен строевой лес и частью уже находился на пути в Петербург. Однако из 27 кораблей 9 уже настолько устарели и были повреждены, что представляли опасность для плавания, а еще три корабля при мало-мальски ветренной погоде совсем не могли рисковать выходом в море. Петр был еще далек до полного выполнения своей судостроительной программы, когда 8 февраля 1725 года скончался. Но очевидность развития сильного флота не подлежит сомнению. Рост величины и вооруженія военных кораблей стал определенным фактом; единственной целью судостроения сделалось создание, насколько можно большего числа, крупнейших боевых кораблей [1]).

Строевой лес. По словам одного английского специалиста того времени [2]) русские корабли были отлично снабжены рангоутом, парусами, якорями, такелажем и т. п. Все это были произведения страны, из которых для Императорского флота выбирались наилучшие предметы. Россия находилась в счастливом положении, имея у себя внутри страны все материалы, необходимые для постройки и снабжения судов и будучи в состоянии обрабатывать все существеннейшие из этих материалов у себя дома. Тем не менее постройка военных судов обходилась очень дорого: корабль в 80 пушек стоил царю 60.000 рублей на тогдашние деньги. Это зави-

[1]) Та-же самая тенденция наблюдалась и в других европейских флотах за исключением Голландии. См. «Nauticus» 1902 года стр. 164 (Англия и Голландия) и стр. 185 (Швеция и Дания), а также года «Расцвет датского флота» конец II-й главы.

[2]) См. «History of the Russian fleet during the reign of Peter the Great» Bridge'a в «Publications of the Navy Records Society» (Граф Путятин, найдя в Лондоне рукопись неизвестного автора о русском флоте, перевел ее и издал в 1897 г. под заглавием: «История Российского флота в царствование Петра Великого». Т. о. граф Путятин издал перевод этого труда ранее чем оригинал появился на анг. языке *Ред.*) том XV. Лондон, 1899. Автор вполне заслуживает доверия, как бывший на русской службе морской офицер, написавший свою книгу уже по возвращении под английское подданство в 1724 году.

село от высоких цен на материалы и обработку их. Наибольшая стоимость падала на строевой лес. Именно ель и сосна имелись в большом количестве в окрестностях Петербурга, но в качестве строевого материала для кораблей они не годились по причине малого срока службы. В судостроении всех государств предпочтение всегда отдавалось дубу по причине его большей прочности и долголетия [1]). В России имелись обширные дубовые леса в районе Волги, откуда снабжались без особого труда верфи в Воронеже и Астрахани, но доставка из этих лесов строительных материалов к берегам Балтийского моря была сопряжена с затруднениями, требовала большой траты времени и обходилась очень дорого. Поэтому Петр решил строить из дуба лишь крупнейшие суда. Английские и голландские корабельные мастера были отправлены в Казань для выбора необходимых деревьев и рубки их. Десятки тысяч татар с тысячами лошадей по приказанию царя должны были доставлять деревья в течение зимы к ближайшим рекам. По этим водным путям, против течения, транспорты леса доставлялись до Волхова, затем через Ладожское озеро по Неве в Петербург; все это представляло большие затруднения и опасности. После трехлетнего пути, лишь в 1712 году, прибыли первые транспорты дубовых брусьев и тотчас же произошла закладка нескольких кораблей на стапелях Петербурга. Но и позднее двух-трех летняя доставка леса считалась правилом. Уже и после того, как царь нашел более удобный способ перевозки строевого материала на судах, стоимость одной доставки партии леса, необходимой для постройки 60 пушечного корабля, все-таки достигала 14.000—15.000 рублей.

Для постройки меньших судов и галер, число которых было очень велико, решено было применять имевшуюся кругом сосну, которую легко было доставлять и обрабатывать местными рабочими руками.

Организация снабжения кораблей. Больших затрат, кроме того, стоили Петру попытки сделать независимой от иностранцев свою страну в отношении снабжения необходимыми

[1]) Срок службы корабля из сосны считался самое большее в 7 лет, корабля из дуба—самое меньшее 10 лет.

материалами кораблей и укомплектование их русскими командами. Только неутомимая энергия царя и его вера в будущее преодолели большую часть препятствий. Из за-границы за высокое вознаграждение были призваны лица, знакомые с ремеслами, техникой и горнозаводским делом, и при их помощи были налажены задуманные царем фабрики и промышленные предприятия. Россия стала во всяком случае независимой от шведского железа и шведской меди, благодаря развитию и росту собственного горнозаводства. В области токарного, железоделательного и кузнечного, а равно и других ремесл, Петр обнаружил широкие и ясные практические взгляды. Достоин удивления завод для обработки железа в Сестрорецке, близ С.-Петербурга, с его целесообразным и практическим использованием водных сил для приведения в действие станков и машин. Здесь, под наблюдением английского якорного мастера, вырабатывались необходимые для флота предметы из железа, как то: якоря, железные части судов и оружие. Литье орудий велось в громадных размерах. Только выделку пороха не удалось поставить на ту же высоту, как и за границей; в боях на больших дистанциях русский порох оказался хуже шведского. С течением времени всеми этими мерами было достигнуто удовлетворение всех потребностей продуктами отечественного производства. В таком же положении оказалось производство парусов, такелажа, ручного оружия и обмундирования.

Национализация судостроения. Петербург, бывший центром и базой всех начинаний Петра, в 1710 году сделался лучшей судостроительной верфью России. По словам одного английского флотского офицера [1]) в 1724 году лишь немногие корабли иностранных держав могли померяться с русскими, особенно же выстроенными в Петербурге, по превосходному парусному вооружению.

В период от 1710 до 1724 года из 41 корабля, построенного исключительно в России на Петербургский порт приходится 30 и на Архангельский 9 судов.

---

[1]) См. ранее указанное английское сочинение о русском флоте.

Так как, начиная с 1710 года, царь лишь постепенно мог переходить к судостроению из дуба на Петербургской верфи, то и необходимая национализация судостроения, равно как офицерского корпуса и судовых команд, потребовала времени. Значительная часть русского флота состояла из купленных за границей готовыми судов или же приготовленных там к постройке частей судов. В промежутке от 1710—1724 г. в России был выстроен 41 корабль, за границею же куплено 30; из них 13 в Голландии и 11 в Англии. Но тенденция строить военные корабли исключительно на отечественных верфях год от году выступала все яснее и яснее и наконец привела к полному отказу от постройки и покупки судов за границею. На русских верфях в качестве руководителей имелись лучшие корабельные мастера-конструкторы из Англии и Голландии и в этом отношении Россия находилась в более благоприятных условиях, чем другие морские государства. Иностранцами были и мастера-судостроители, в Архангельске голландцы, в Петербурге же преимущественно англичане. Что же касается ремонта подводных частей судов, то в этом отношении встречались сильные затруднения за неимением сухих доков. Попытка одного французского инженера поднять в 1719 году на сушу нуждавшийся в ремонте подводной части корабль, больше не повторялась по причине чрезвычайных трудностей. Точно также произведенный в 1721 году осмотр и ремонт военных кораблей, при чем последние клались на бок, не сделал менее ощутительным недостаток в доках, так как подобная работа требовала 3-х летнего срока для каждого корабля. Тогда у Петра родился план вырыть в Кронштадте, главной стоянке флота, громадной ширины и глубины канал, и по обоим сторонам канала построить сухие доки для ремонта нуждающихся в нем кораблей.

Однако смерть Петра помешала осуществлению этой задачи, грандиозность которой даже трудно себе представить.

Русские военные порта и приморские укрепления. Кронштадт, расположенный на острове посредине устья Невы, образующего в этом месте род морского залива, сделался

главной военной гаванью и был защищен сильными береговыми укреплениями. Колоссальные форты с кронштадтской стороны защищали все входы, а поперечные Кронштотские бастионы увеличивали твердыню всего сооружения. В этой гавани производился ремонт всех кораблей. В то же время она служила бассейном для вооружения судов, так как Невские мели не позволяли вооружать крупные корабли в самом Петербурге. Однако Кронштадт обладал существенными недостатками. Вода в гавани пресная, и это обусловливало более быстрое разрушение деревянных судов, нежели соленая вода. Положение Кронштадтского рейда было неблагоприятно для плавания под парусами, так как корабли могли выходить в море лишь при восточных ветрах (?). Условия замерзания рейда были там менее благоприятны, чем в гаванях, расположенных у открытого моря. Поэтому уже в 1713 году началась постройка порта в Ревеле, целью которой было создание там опорного пункта (Stützpunkt) для флота. Зимою 1716 года возвращающийся из Копенгагена флот должен был зимовать в Ревеле, в том случае, если бы лед помешал ему добраться до Кронштадта. Но еще большими преимуществами обладала Роггервикская бухта в 4 милях от Ревеля. Быстро решившись, царь набросал план устройства там крупного военного порта и принялся за его осуществление еще во время войны со шведами. Громадный мол был возведен на море, но когда это сооружение, стоившее неслыханных денег и причинившее значительный ущерб Эстляндским и Лифляндским лесам, значительно уже подвинулось вперед, оно было разрушено ужасным штормом с запада. Проект так и не был приведен в исполнение и, хотя царь не отказался от мысли со временем продолжить и окончить начатое дело, преемники Петра сочли проект неудобоисполнимым, и Кронштадт остался главным военным портом.

Кронштадт с Кронштотом отлично защищали Петербург с моря, и царь захотел, кроме того, укрепить свою столицу со стороны суши, именно со стороны Финляндии, и приступил к постройке большой крепости в Петербурге. Из всех

областей Империи были тысячами собраны каменьщики и землекопы, которые должны были укрепить и засыпать землею болотистую почву и возвести на ней прочный фундамент для крепостных стен. Свыше 200.000 человек легли при этих земляных работах от голода и болезней, вызванных нездоровыми массовыми жилищами на болотах и недостаточной заботливостью.

Галерный флот. Необходимость для России в большом сильном флоте за границей скорее оспаривается чем признается. Широкое выяснение этого вопроса дает другое творение Петра — галерный флот. Массовое применение больших плоскодонных гребных судов для военных действий было собственной идеей Петра. Обстановка, в которой происходили военные действия, натолкнула его на это. Действия корабельного флота в Финляндии в Аландских шхерах и у шведских берегов были сопряжены с трудностями и даже опасны для него. В галерном флоте царь нашел средство, позволившее нападать на трудно достижимые, изрезанные фиордами и заливами берега неприятеля и предавать их пожару и разрушению. Галерный флот имел возможность проникать вглубь самых внутренних фиордов и заливов, куда он пробирался от бухты до бухты.

При участии галерного флота существенно повысилась подвижность сухопутных войск и облегчилось их применение. На галерах произошло их завоевательное вторжение от одной области к другой. Гребной флот проникал во все неглубокие и стесненные скалами и островами заливы и проливы, куда не могли пройти парусные военные суда. Он неожиданно появлялся где-нибудь в шведских владениях и при помощи высаженного десанта наводил ужас разрушения на прибрежные населения. В открытом же море галеры всегда были защищены парусным флотом от шведских кораблей. По такому плану действий было произведено в 1713 году нападение русских на Гильсингфорс. В следующем году под начальством генерал-адмирала графа Апраксина русский галерный флот произвел дальнейшее завоевание южной части Финляндии. В битве при Гангуте обнаружилась превосходная спо-

Центральная В-Морская Библиотека ВМФ СССР
У. О. П. П.

собность галер маневрировать на узком и ограниченном шхерами водном пространстве; результатом этого явилась блестящая, хотя и тяжело давшаяся русским, победа над сильным шведским корабельным флотом адмирала Эренскьольда [1]). Эта победа открыла русским доступ в Або и в ту часть Финляндии, где до тех пор еще не могли происходить военные действия. В следующем году последнее сопротивление Финляндии было сломлено, и разрушительные набеги русских распространились на Аландские шхеры и берега Ботнического залива. Ужасны были нападения галерного флота и на самую Швецию в 1719—1721 годах. В 1719 году Апраксин во главе 130—150 галер, вместе с транспортами и мелкими шхерными судами, имевшими 30—40 тысяч войска на борту под защитой корабельного флота произвел первое нападение на шведские берега. Опустошения, произведенные к северу от Стокгольма, не поддаются описанию. Восемь поместий, 141 дворянских замков, 1361 двор, 43 мельницы были сожжены, два медных рудника и большое число магазинов были разрушены, леса на протяжении многих квадратных миль сожжены, при чем погибли все находившиеся там железные медные рудники, 80.000 штук железных изделий было выброшено в море и 100.000 голов скота убито. Точно так же в 1720 году русская армия при участии галерного флота, имевшего опорные пункты в Або, Гельсингфорсе и Выборге, навела ужас на шведские берега. Нюстадтским миром (1721) Россия главным образом обязана этому страшному нападению 1100 судов, имевших на борту армию в 115 тысяч человек, нанесшую Швеции такие тяжелые поражения, каких она еще никогда не испытывала [2]). Шведы сами убедились за

---

[1]) При Гангуте был разбит не корабельный шведский флот, а небольшой отряд, состоявший тоже из гребных шхерных судов. Блестящее искусство, проявленное Петром при Гангуте, состояло в том, что он гениально оценил создавшуюся обстановку, и искусными маневрами сумел разделить силы шведов и обойти во время штиля шведский корабельный флот, отвлеченный им от берега, где он представлял неодолимую преграду для дальнейшего движения русского галерного флота. *Ред.*

[2]) См. Nauticus 1900 г. стр. 188. Факты все эти верные, но цифры очень сильно преувеличены. *Ред.*

время этой войны в том, что шхеры и фиорды могут быть защищены лишь специальной шхерной флотилией и пришли к решению постепенно выстроить галерный флот [1]),

Галера была типом судна средиземно-морской области. Со свойственной Петру остротой взгляда, отличавшее великое от малого, он сам оценил значение этого типа судна. Еще в Черном море, при ознакомлении с турецким флотом, он обратил внимание на галеры и с большим успехом сам стал применять их в боях с турками на Азовском море. Итальянцы, греки и далматинцы впоследствии в Балтийском море были учителями русских в этой области судостроения. Офицерский корпус галерного флота первоначально состоял также большею частью из итальянцев и греков. Свыше 300 галер было выстроено в несколько лет в Петербурге; самые большие были рассчитаны на 200, более мелкие на 70—80 человек. В качестве строительного материала для них применялась сосна, легко поддающаяся обработке. С точки зрения корабельной архитектуры, постройка галер первоначально выполнялась не важно, но знакомство с этой областью судостроения не являлось важным, русские со своими национальными ручными топориками скоро обнаружили такое исскуство, что вызвали удивление за границей. Очевидно, что постройка судов, благодаря издавна существовавшему обширному судоходству по безчисленным внутренним рекам, не была им чужда.

Не корабельный флот, любимое детище Петра, но галерный был существеннейшим залогом русских успехов на войне с Швецией.

Создание и обучение судовых команд. При быстрой и неограниченной постройке судов русского флота не малое затруднение встретилось со стороны необходимого для их укомплектования офицерского корпуса и судовых команд. Россия, как уже указывалось, была чисто континентальной, внутренней страной, до сих пор еще не приходившей в прикосновение и сношение с морем. Народ еще был во всех отноше-

[1]) Там же, стр. 190.

ниях совершенно неподготовлен, когда царь заставил его выйти в море. Недостаток в личном составе для укомплектования быстро возраставшего флота озобочивала Петра более всего. Сплошь и рядом крупные военные корабли были вынуждены по недостатку команд неподвижно стоять в гаванях и не могли действовать против неприятеля. Суждения иностранцев сходились в одном, что русский солдат на сухом пути превосходен, но к морской службе мало пригоден и не подготовлен.

Нелюбовь русских к морю была непреодолима. И хотя царь неоднократно значительными группами отправлял для изучения военно-морского дела за границу русских молодых людей, настоящими моряками они все же не сделались. Однако постепенно Петр достиг того, что его флот мог быть укомплектован прирожденными русскими. Целые полки сухопутных солдат были переведены в матросы. Кроме того, для морской службы были предназначены малолетние, как более способные к восприятию обучения, именно дети солдат и матросов, а также молодые татары, которые по своей природной ловкости казались особенно пригодными к этому. Рекрутский набор для флота производился преимущественно в областях, прилежащих к морю, озерам и большим рекам. Были открыты так называемые «навигацкие школы» (Navigatorenschulen) и их юные воспитанники для практического обучения назначались на торговые суда. По окончании войны со Швецией флот все время поддерживался в боевой готовности, что достигалось путем непрерывных обучений на отдельных кораблях и больших морских маневрах. Комплект команды на русских кораблях в общем был на $^1/_4$—$^1/_5$ больше, чем на однотипных английских [1]).

Состав офицерского корпуса. Офицерский корпус в значительно большей степени, чем командный состав, был укомплектован иностранными элементами. Еще в 1715 году большая часть офицеров, до высших чинов включительно, состояла

---

[1]) См. таблицу Bridge'a в «Rublication of the Navy Records Society» том XV, стр. 113.

из голландцев, норвежцев и датчан, равно как из русских, бывших перед тем на иностранной службе. В списке высших офицерских чинов 1724 года среди 84 имен значится лишь 19 русских, а на ряду с этим 23 английских, 17 датских и норвежских, 13 голландских и 5 немецких фамилий, однако тенденция к руссификации офицерского состава выступала совершенно ясно и имела своим основанием недоброжелательные отношения и те препятствия, которые создавали в достаточной мере русские офицеры иностранным. Именно, русские капитаны и лейтенанты, число которых в конце концев в достаточной степени возросло, все более и более настойчиво вытесняли своих иностранных товарищей. Для изучения артиллерийского дела русские офицеры в большом числе были командированы в Берлин. По возвращении они сотавили особый корпус бомбардиров, получавший очень хорошее вознаграждение, и были предназначены для обслуживания флота. В общем флот был укомплектован лучше, чем армия. Офицерский состав корабельного флота смотрел на корпус офицеров галерного свысока. Этот последний состоял из одного вице-адмирала, двух капитан-командоров, приблизительно из 20-ти капитанов и лейтенантов и 40 унтер-офицеров, при чем последние состояли из боцманов и боцманматов. Этот корпус представлял смешение южных, наполовину варварских элементов и это вместе с их чуждым языком и чуждыми нравами во многом привело к тому, что к службе и карьере в галерном флоте русские стали относиться отрицательно и избегать ее. Не меньшей причиной такого отношения была грубость и жестокость офицеров галерного флота, таким ужасным образом проявленная ими во время похода на шведские берега.

Общая характеристика русских офицеров, данная англичанином, служившим в русском флоте, заключается в следующих словах: «иностранцы хорошо делают, избегая их. В хорошую погоду их самомнение бесгранично. Но если им приходится нести службу в дурную погоду, они заболевают». В часы опасности, когда всего необходимее непосредственное присутствие духа для того, чтобы отвратить неизбежное

несчастие, мужество и способность действовать покидают их, и тогда ими овладевает свойственный малокультурным людям (примитивным натурам) фатализм.

Для того, чтобы дать морское образование сухопутным и флотским офицерам, Петр основал в Петербурге Морскую Академию. Научные математические силы были призваны в Академию из Москвы и из-заграницы. Учебный персонал в 1716 году состоял из 16 профессоров немцев, англичан и русских, и число воспитанников из молодых русских дворян доходило до 300. Указом от 12 декабря 1718 года был учрежден орган высшего Морского Управления, Адмиралтейств-Коллегия в Петербурге. В следующем же году, под председательством самого царя, состоялся ряд заседаний для рассмотрения морских уставов и регламентов, английских, голландских, французских, датских и шведских и для выборки из них и составления правил и уставов для русского флота и русского судоходства.

Образцы, служившие Петру. Образцами, коим следовал Петр, при решении затруднительных вопросов во время созидания морских сил,—не считая вопроса о галерном флоте,—были две первые в то время на земном шаре морские державы, Англия и Голландия... Последняя была ближе Петру по причине его личного субъективного тяготения к ней, а также и вследствие основательного личного с ней знакомства. Даже голландский флаг путем перестановки цветов красного-синего-белого он превратил в русский. Русская морская терминология в большей своей части взята с голландского языка. Но Петр уже предвидел, что морское могущество Голландии уступит свое первое место более молодому английскому флоту [1]). Он считал английский флот наилучше организованным. Французский флот, поднятый творческой силой Кольбера и и поставленный на третье место в Европе, Петр также не обошел своим вниманием.

Оценка творчества Петра в области флота. Из всех дел государственного строительства ближе всего к сердцу Петра,

[1]) См. «Nauticus» 1900 г., стр. 163.

как можно судить по всей его деятельности и по словам иностранных очевидцев, был флот. В этой области все до мельчайших деталей подвергалось его собственной оценке и испытанию. Целыми часами ежедневно он работал в Петербургском Адмиралтействе. Он сам конструировал большие военные корабли, и лично следил за работой своих корабельных мастеров. За время ревностного практического изучения судостроения на голландских верфях он постиг технику своего дела значительно лучше, чем любой из его подданных. Если встречалось важное затруднение в морском деле, все остальные государственные дела отступали на второй план. Судьбе своего флота в радостные и тяжелые минуты он посвящал все свои заботы и все свое участие так, как не посвящал ничему другому. Далеко опередив разум и понятия своих подданных, он был вынужден вести борьбу с их рутинностью, их противодействием всем новшествам, в особенности же с их нелюбовью к морю, еще более стесненный денежными обстоятельствами и недостатком природных богатств и экономической культуры в стране, Петр Великий поднял свое государство, до тех пор представлявшее тяжелую инертную массу, всячески отворачивавшуюся от моря, до высоты сильной морской державы и добился заветной цели сделать ее первой в Балтийском море. Чудовищного числа денежных трат и человеческих жизней потребовало создание русского морского могущества; но даже приблизительно далеко не во всех областях царю удалось осуществить свои планы. На войско и флот уходило около $^2/_3$ доходов государства. Год от году народу становилось все труднее и труднее переносить ту тяжесть, которая была возложена на его плечи всеми начинаниями царя. Повсюду, из всей народной массы, неслись к нему жалобы на все тягости, выпадавшие на долю народа, и на возраставшее обнищание.

За границей также считали необходимость в крупном Балтийском флоте более чем спорной. Там исходили из того соображения, что для любой державы нападение на Россию со стороны моря было бы бесцельным и что вторжение в страну невыполнимо, так как одна сухопутная армия вполне

могла бы воспрепятствовать этому. С другой стороны польза от большого флота для России не была велика, потому что Швеция была защищена от него опасными для плавания шхерами, а к прусскому побережью корабельный флот не мог подступить близко по причине мелководья. Для защиты русской морской торговли создавать флот не было никаких оснований, так как у России последней не было. Иностранцы самым решительным образом сомневались в том, что существование русского флота может быть продолжительным, так как денежных средств на содержание его и необходимого личного состава, не могло хватить в России надолго.

Отдавая должное отличным качествам русских кораблей, знатоки морского дела, как свои, так и иностранные, в корне осуждали проведение всех планов царя относительно морских сил и те ложившиеся на спину народа денежные расходы, которые были необходимы для поддержания русского флота, и находили эти траты совершенно непроизводительными. И поэтому они считали царя менее могущественным, чем это казалось при виде столь быстрого расцвета русской мощи.

Не смущаясь жалобами и сопротивлением своих подданных, а также заграничной критикой, царь продолжая идти той дорогой, которую он считал правильной и которая должна была укрепить и упрочить могущество его народа. Взгляд властителя смотрел далеко вперед на будущее своего народа через все временные заботы, вокруг которых естественно были сосредоточены мысли и дела его подданных. Ясно и определенно он сознавал необходимость дать своему народу права гражданства на море и вступить в борьбу с прежними властителями морей и с колоссальной энергией принялся за проведение тех мер, которые должны были привести его к высокой цели.

II.

Деятельность Петра в области народного хозяйства.

Меркантилизм Петра. Петр Великий, как и все правители европейских, за исключением Голландии, государств

времен Кольбера, склонился в сторону меркантилизма—той системы торгово-промышленной политики, которая была введена во Франции Кольбером и с 1661 года получила практическое осуществление. Меркантильная система сводилась к увеличению денежной наличности в собственной стране, к поднятию отечественной промышленности до той высоты, при которой произведения государства начинают становиться предметами экспорта, а также к основанию и поддержке новых предприятий в целях достижения независимости от иностранного ввоза, словом к тому, чтобы оставлять внутри страны все те денежные суммы, которые уходили за границу при оплате предметов произведений иностранной индустрии. Во многих отношениях эта система была лишь дальнейшим развитием прежних, давно уже применявшихся законов и правил, направленных к охране и укреплению отдельных отраслей промышленности. Особое покровительство со стороны этой системы государственного хозяйства оказывалось торговле, считавшейся одним из важнейших факторов, обеспечивавших благосостояние страны. Параллельно с этим проводилось стремление к уменьшению иностранных флагов в вывозе своего государства и к созданию национальной морской торговли. Достижение большего вывоза, чем ввоза являлось высшим триумфом этой системы. Промышленная торговля и таможенная политика должны были идти рука в руку с ней и опираться друг на друга. Конечной целью этих всесторонних усилий государства и национального хозяйства было освобождение государственной политики от денежных затруднений, которые увеличились в очень значительной степени в связи с растущим стремлением государства к политическому могуществу.

В России первый был Петр, применивший на деле меркантильные воззрения на систему народного хозяйства. Решительное влияние на развитие его взглядов оказало живое общение в юности с иностранными купцами из Немецкой слободы в Москве. Дальнейшее соприкосновение с нерусскими людьми всевозможных классов, равно как образовательные путешествия за границу привели позднее к тому, что взгляды

Петра на торговлю и народное хозяйство приняли меркантильную окраску.

Промышленность в России. Большая война с Швецией оказала громадное влияние на развитие и увеличение русской промышленности. Это явилось результатом насущной необходимости освободить русскую армию и флот от иностранной зависимости в деле снабжения и вооружения их. Добыча и обработка меди и железа стали необходимыми, и в 1714 году военно-пленные шведы в числе около 9.000 человек были отправлены в Сибирь на горнозаводские промыслы, к чему не были способны русские. Шведам обязан Тобольск своим ростом и развитием. Будучи прекрасно знакомы с горнозаводской техникой, благодаря обилию металлургических богатств у себя на родине, шведы оказались хорошими учителями русских. Кроме этого, царь пригласил в Россию из за границы лучших чужеземных знатоков горного дела, именно горных инженеров из Саксонских Рудных гор, бывших старой высшей школой горных наук для всей Европы. Основанная в 1719 году Горная Коллегия всячески поощряла всех, желавших заняться горнозаводством. Ревностные заботы Петра имели результатом то, что Россия фактически освободилась от ввоза шведского железа. Железо—и дерево-обрабатывающие заводы—первоначально в Олонце на Ладожском озере и в Сестрорецке, где учителями кузнечного дела у русских были также пленные шведы и другие иностранцы—кроме того оружейные и пороховые заводы дали частью хорошие результаты.

Постепенно они стали удовлетворять русскому спросу и даже оказался возможным экспорт. Точно такого же положения достигло такелажное и парусное производства.

Особое внимание в 1715 году царь обратил на производство сукна. До тех пор Россия могла удовлетворять свой спрос на сукно только за границей. Крупные суммы денег уходили, вследствие этого, ежегодно в Англию, Голландию и Германию. Однако для национального продуктивного суконного производства Россия отнюдь не находилась в неблагоприятных условиях. Овцеводство уже в течение долгих лет велось на

Украйне в довольно крупном масштабе. Чтобы улучшить получаемую оттуда шерсть, царь выписал овец и овцеводов из тех стран, где получалась хорошая шерсть. В целях введения в России европейской техники суконного производства он пригласил из за границы также и суконщиков; так например в 1716 году из Саксонии и Силезии в Россию прибыли пять овцеводов и 200 суконщиков. Борьба с иностранными шерстяными изделиями велась при помощи высоких пошлин. В 1717 году было опубликовано запрещение ввоза, имевшее целью быстрее поднять только то основанное русское суконное производство (лишь русские, персидские и китайские шерстяные материи могли быть впредь продаваемы в России). Однако это запрещение оказалось преждевременным и было отменено. В общем политика царя, относительно суконного производства, не дала крупных результатов. Зато под его покровительством развилось изстари имевшееся в России льняное производство и сделалось одной из отраслей российского экспорта и попечения, которые Петр оказывал льняному и пеньковому производству, принесли во всяком случае плоды. Англия сделалась особенно крупным потребителем русского льна.

Основанные Петром предприятия в других областях промышленности, как например сахароваренные заводы и стеклянные не имели успеха, игольное же и черепичное производство развилось более благоприятно. Добыча соли пошла в более широких размерах, на нефтяные источники в Баку было обращено большое внимание. Минеральные источники, подобные имеющимся в Спаа и Пирмонте, стали эксплоатироваться, а угольные шахты, вырытые в 1722 году, живейшим образом заинтересовали царя. Он полагал, что каменный уголь принесет громадную пользу, если не ему, то его преемникам.

Параллельно с основанием какого либо торгово-промышленного предприятия, устанавливалась высокая пошлина на соответственные предметы иностранного ввоза и на вывозимое из страны сырье, необходимое для данного производства.

Следствием такой торгово-таможенной политики явилось однако не оживление внешней торговли, а скорее уменьшение ее, и развитие контрабанды. Несмотря на то, что Петр привлек в громадном количестве в страну различных иностранных специалистов и «сведущих людей» всех родов, несмотря на разрешение иммиграции чужеземным элементам, как например гугенотам (а по указу 1702 года преимущественно немцам), несмотря на использование в этом смысле военно-пленных шведов и на частые посылки в европейские центры русской молодежи, по одиночке и целыми группами, для изучения различных отраслей промышленности, несмотря на все эти меры торгово-промышленное развитие России не соответствовало надеждам и ожиданиям царя. Для того недоставало очень большой суммы факторов, которые не могут возникнуть от сегодня на завтра и которые должны предварительно создаваться долгими годами,—только тогда образуется прочный фундамент, на котором могут возникнуть и расцвесть торгово-промышленные предприятия. Еще будучи за границей царь пришел к неутешительному выводу, что русские, к сожалению, не могут воспринять все хорошие и, с практической стороны, ценные стороны западно-европейского образования. Главнейшим образом русские в будущем не оправдали сангвинических ожиданий своего государя тем, что оказались неспособными ни к промышленной деятельности, ни к крупной торговле, ни к мореплаванию.

Изменение путей русской торговли. Значение Петербурга. Старые пути русской внешней торговли подверглись существенному изменению с того момента, когда центр тяжести русской политики был перенесен на Балтийское море. С этого времени у Петра созрел план создать там главный центр русской торговли и сношений с за границей и соединить в одном пункте все те функции, которые до тех пор приходились на долю Москвы и Архангельска. 27 мая 1703 года он положил основание своей будущей столицы, Петербурга [1]), среди безотрадной лесистой и болотистой местности, простиравшейся на громадное пространство. Лучшие русские фамилии по воле Петра должны были перенести туда свое местожитель-

[1]) Питербурх, а не Петербург—голландское, а не немецкое название. *Ред.*

ство из Москвы. Равным образом двор и все административные учреждения постепенно были переведены из Москвы в Петербург. Такая перемена вызвала всеобщее недовольство, не только со стороны лиц, в ней непосредственно заинтересованных, но и со стороны всего народа. Но эта-то перемена и была главным поворотным пунктом в жизни русского народа и его отношениях к иностранцам. Широкая дверь открылась для европейской культуры и через эту дверь началось ее победное шествие в (Европейскую) Россию, имевшее своим результатом европеизирование последней.

Центр тяжести Новой России, основные черты которой Петр Великий провел так резко и определенно, был перенесен им в только что завоеванную им северо-западную часть государства, где соседство германских государств и удобство сношений с торговыми и мореходными нациями начали оказывать все возрастающее разностороннее влияние на государство и народ.

Поднятие царем торговли в Петербурге. Определив свою новую столицу как пункт, долженствовавший связать Европу с Азией, царь для осуществления этого задания предпринял ряд мер, которые шли в разрез со всем укладом русской жизни. Но вполне очевидно, что до Полтавской битвы он не мог и думать об осуществлении тех надежд, которые возлагал на Петербург. Его попытки привлечь добровольно в Петербург из Москвы и Архангельска русских купцов, остались в главнейшем безуспешными. Они разбились о то сильное недовольство, которое сейчас же проявила эта часть населения по поводу перемены прежнего уклада жизни. Равным образом и у иностранных купцов, от которых он ожидал готовности переселиться в новую гавань, по крайней мере у тех, кои сами не были родом из Прибалтийских областей, он точно также встретил отклонение своих предложений. Тогда он был вынужден решиться на применение насильственных мер. Таможенными тягостями и все увеличивавшимися ограничениями вывоза товаров изнутри государства торговля Архангельска была сильно затруднена с 1713 года. С другой стороны в торговле через Петербург купцам были предоста-

влены льготы и таможенные облегчения; в 1720 году русским были воспрещены контракты с иностранцами, если только сделки совершались не через Петербургъ; в 1721 году последовал указ, ограничивший вывозную торговлю через Архангельск лишь произведениями бассейна Северной Двины и предписывавший доставлять все товары из других областей в Петербург.

Этими мерами был нанесен смертельный удар тому крупному торговому обороту через Архангельск, который велся в течение полутора столетий. И хотя преемники Петра до 1762 года постепенно отменяли эти запрещения, торговые обороты через Архангельск уже не могли оживиться, настолько сильно они были подорваны Петербургской торговлей. Купечетство, как иностранное, так и русское, вскоре подчинилось необходимости считаться с распоряжениями Петра и перенести все свои дела в Петербург. И как только на новом месте наладились условия торговлп, были облегчены водный и сухопутные пути к нему и неизбежные в начале напряжения и препятствия урегулировались, торговый оборот Петербурга быстро цоднялся. Немецкая слобода в Москве потеряла значение центральнаго пункта, в котором до тех пор концентрировалась вся торговая жизнь. Для устранения многократных жалоб со стороны голландских и английских купцов на затруднения и проволочки, чинимые со стороны торговой инспекции в Петербурге, царь в 1714 году учредил торговый совет (Handelsrath) с участием иностранцев, по преимуществу немцев. Хотя пошлина, взимавшая в Зунде датчанами, и удорожила торговые сношения с Петербургом, зато с другой стороны для купцов являлось то преимущество, что им не приходилось держать две конторы: одну в Москве для заключения сделок, другую же в Архангельсче для приемки и отправки товаров. Другое преимущество торговли через Петербург заключалось в том, что корабли могли посещать петербургскую гавань дважды в год, тогда как льды в Белом море позволяли делать в год лишь один рейс в Архангельск и обратно. Наконец весьма важное значение имело и то обстоятельство, что Петербург по своему местоположению нахо-

дился вблизи старых и крупных центров торговли на Балтийском море, чем облегчались денежные обороты и расплата в самом Петербурге и устранились те сильные и внезапные колебания в денежных делах, которые могли иметь место в далеком и уединенном Архангельске.

Судоходство в Петербурге, Архангельске и Риге. Под многосторонними и непрестанными заботами царя торговля в Петербурге естественно начала развиваться с успехом, даже несмотря на затруднения, создовавшиеся до 1721 года войной со шведами. С 1714 года, по выходе указа, ограничившего торговлю в Архангельске, посещение Петербурга торговыми судами понемногу стало делаться регулярными. В 1714 году Петербургскую гавань посетили 16 кораблей, в последующие годы в среднем около 50-ти, в 1720 году уже 75, в 1722 году, по заключении мира со Швецией, число их возросло до 180, по некоторым же источникам даже до 240. Обратную картину представляет судоходство в Архангельске. Еще в 1716 году туда заходили 223 корабля, в 1718 году уже только 116, а с 1721 года торговля в Архангельске быстро упала. Но на Балтийском море у Петербурга создался опасный конкурент со стороны другого порта, завоеванного русскими и перешедшего к ним по Нюстадскому миру, именно со стороны Риги. Еще в первое время войны в 1703 году в Ригу заходили 292 корабля, в 1704—359. Последующие неблагоприятные для города и всей области годы войны и перваго времени русскаго владычества в значительной степени сократили обычную торговлю. Но в 1722 году число судов, посетивших Рижскую гавань, опять возросло до 230, в 1724 году до 272 и в 1725 (год смерти Петра) даже до 388. Не Петербург, а Рига, этот старый оплот культуры и торговли на востоке остзейского побережья, сделался вскоре крупнейшим коммерческим портом России на Балтийском море. Как гавань, расположенная в устье Западной Двины и связанная водным путем с центром государства—Москвою и Московскою областью, Рига долъое время превосходствовала над Петербургом. До создания искусственных водных путей, связавших впоследствии Петербург с центральной частью России, высокая стоимость доставки препятство-

вала транзиту через Петербург грузов, состоявших по роду русского экспорта из тяжелаго сельско-хозяйственного сырья, поэтому они они и тянулись по удобным естественным путям к Риге. Это привело к тому, что в Петербурге возросшая, благодаря Двору, потребность в рабочих силах могла удовлетворяться лишь за очень высокую плату; кроме того, вся жизнь в Петербурге чрезмерно вздорожала, так как в окрестностях его на громадном протяжении не имелось жизненных и съестных продуктов. Не Петербург, а Рига стала единственными воротами, через которые проникало в Россию все, идущее с Запада; таковое мнение высказал еще в 1737 году прусский легационс-секретарь Фокеродт, заслуживающий доверия как человек, состоявший, в силу своих служебных обязанностей, долгое время в культурных и политических сношениях с Россией [1]).

Это заключение нельзя считать безусловно правильным, так как оно относиться к последним годам царствования Петра и первым после его смерти, когда под властию менее заинтересованных и деятельных правителей сказалось не черезчур искусственно поднятое значения Петербурга, а его истинное. Однако, когда город был в состоянии оправиться от переживаемого им кризиса, то есть, когда была закончена постройка каналов и дорог, морские сношения с Петербургом сразу поднялись и как раз начиная с того же 1737 года таможенные поступления в Петербурге стали превышать таковые в Риге и постепенно это превышение оказалось очень значительным [2]).

Постройка каналов и дорог к Петербургу. В широко задуманной постройке дорог и каналов царь видел средство облегчить для торговли доступ к своей новой столице как с моря, так и со стороны старых крупно-населенных и торговых пунктов своего государства Что касается сухопутной дороги, постройка которой началась в 1716 году и которая должна была связать Петербург с Москвою по прямой линии,

[1]) I. G. Vockerodt. Russland unter Peter dem Grossen.

[2]) Storch. Historish-Statistisches Gemälde des Russischen Reichs. (Историко-статистические очерки русского государства) 1802 г.

аналогично нынешней железной дороге, то Петру самому удалось увидеть законченными лишь первые 120 верст пути, настолько затруднительными оказались работы среди обширных болот и диких лесов в пустынной, ненаселенной местности. Со стороны моря доступ к Петербургу военных и коммерческих судов затруднялся опасною *и труднопроходимою* Невскою губой, образующей широкий, подобно морскому, залив между Кронштадтом и Петербургом. Для облегчения подхода к Петербургской гавани между обоями этими пунктами должен был быть прорыт по прямой линии канал. Быстро, без промедления, по начертанному царем плану было приступлено к работам, но при этом пришлось встретиться с непреодолимыми препятствиями. Зато небольшой соединительный канал между Волховом и истоками Волги был прорыт легко; этому способствовала небольшая высота общего водораздела между русскими речными басейнами, облегчившая постройку искусственных водных путей. Крупнейшим проектом царя в области улучшения водных сообщений следует считать обходный канал на Ладожском озере, целью которого было избежание опасностей, создаваемых бурной Ладогой и Невскими порогами, расположенными близ истоков реки. Этот канал, длиною в 70 миль, идет от устья Волхова до истоков Невы вдоль всего южного берега Ладожского озера и служит для транспортирования товаров. В этой работе, как и во многих других слишком спешно предпринятых Петром, не были достаточно взвешены технические затруднения, а заботливость по отношению к рабочим совершенно отсутствовала.

Уже в первый год постройки тысячи рабочих, среди которых было свыше 7.000 одних казаков, легли от голода и болезней. В несколько лет миллионы рублей были истрачены совершенно непроизводительно, так как едва готовые плотины и дамбы тотчас же поглощались зыбучим песчаным грунтом и трясинами. Однако с 1723 года, когда во главе работ был назначен генерал-маиор Миних, прибывший со своими рабочими специалистами по постройке плотин и каналов из Восточной Фрисландии, и приступил к работам по новому, им составленному, плану, это крупное предприятие начало

постепенно осуществляться. При постройке непрерывно работало свыше 25.000 человек, однако лишь спустя сем лет после смерти Петра осуществился его план и Петербург оказался связанным удобным судоходным, без шлюзов, каналом с средней и Южной Россией, с Астраханью и Каспийским морем.

Постройка дорог и каналов находилась также в соответствии с меркантильныои взглядами Петра на необходимость развития и поддержания торговли всеми средствами. Наряду со стремлением поднять Петербург осуществлялась цель развития самостоятельной русской внешней торговли, русского купеческого сословия и морской торговли.

Заботы о русской торговле и судоходстве. Торговые договоры России с другими странами были заключены в такой последовательности еще в 1697 году с Пруссией, в 1706 г. с Францией, в 1712 году с Венецией; в 1713 году Любек потребовал признания своих прав и привиллегий к торговле с Россией, то же самое сделали Гамбург и Данциг и остальные приморские города прежней Ганзы. В русско-прусской торговле преимущественно шел обмен юфти на солдатское сукно. В русско-голландской выгоды лежали на стороне Голландии, ввозившей в Россию вдвое более, чем вывозила оттуда. Зато торговля с Англией во всех отношениях была выгодна для России; вывоз из России в Англию в шесть—семь раз превышал ввоз оттуда.

Довести самих русских до конкуренции с иностранцами в торговых сношениях России с заграницей, сделать их участниками тех богатых выгод, которая дает вывозная внешняя торговля и фрахтовка грузов—вот дальнейшая цель Петра, ревностно им преследуемая.

В 1716 году розничная торговля в России была воспрещена иностранным купцам и началась поддержка отечественных. От этого запрещения особенно пострадали немецкие, армянские и персидские купцы. Начавшая в 1718 году свою деятельность Комерц-Коллегия, вместо прежнего гандельсрата должна была первым делом служить споспешествованию русской торговле.

Еще в начале 18 столетия царь основал в Амстердаме, тогдашнем центре мировой торговли, русское консульство и торговую палату, но сам закрыл эти учреждения на которыя возлагал столько надежд, после злоупотреблений в 1717 году, имевших своим результатом подрыв кредита русским купцам в Голландии. Точно так же в Лондоне, Лиссабоне, Кадиксе, Бордо и Тулоне и в других портах Южной Европы царь учредил русские консульства. На них должна была опираться русская экспортная торговля теми продуктами востока, на которые имелся значительный спрос в юго-западной Европе и области Средиземного моря. Этой же цели содействовала посылка в 1717 году русского корабля с товарами в Венецию, впервые появившегося в Средиземном море; такое же предприятие, но в более крупном масштабе, царь намеревался повторить в 1723 году, имея в виду побочную цель дать практику военным судам и командам. Не совсем безосновательны были опасения русских вельмож, что по заключении мира с Швецией царь заставит их стать купцами и арматорами. Но уже попытка Петра побудить русских купцов к вывозу в указанные страны льняной и конопляной пеньки, такелажных материалов, воска, дерева не увенчалась успехом. Его повторные распоряжения, имевшие целью основание русских торговых обществ и крупных предприятий, могли лишь в очень незначительной степени возбудить в Англии и Голландии беспокойство и опасения русской конкуренции. Русские еще долгое время оставались неспособными к крупным торговым начинаниям по типу английских и голландских компаний. Их неподвижность и неловкость в международной торговле приносила в результате убытки, далеко превосходившие прибыль от предприятий. Им недоставало интеллигентности, предприимчивости, в достаточной степени капитала и кредита и уменья приобретать для того, чтобы они могли конкурировать с иностранцами, давно уже приобретшими права гражданства во внешней торговле России. Иностранцы, ранее овладев русским рынком, устанавливали цены на товары. Условия дальнейшего развития русского купеческого сословия затруднялось еще тем, что

последнее не обладало достаточными законными правами для борьбы с произволом чиновников и судей и кроме того встречало пренебрежение, пустившие глубокие корни среди других классов населения.

Когда, по заключении мира, царь надумал организовать каботажное судоходство для установления связи между новыми русскими портами Балтийского моря и Петербургом и предоставил для этого от себя необходимые суда, именно одномачтовые тендера, с командами, он увидел себя вынужденным прежде всего обратиться к иностранным купцам для осуществления задуманного.

Купцы новых гаваней, преимущественно рижане, приняли участие в этой торговле, в конце концов к ним присоединились добровольно или под давлением несколько русских.

В том, что торговля России с Западной Европой не достаточно развилась, виновато в достаточной степени отсутствие русского торгового флота. Хотя царь в торговле через Петербург предоставил русским купцам значительные таможенные облегчения, при условии, что иностранные товары будут ввозиться на русских кораблях, это все же не могло содействовать русской торговле. Одного этого было недостаточно для создания русского арматорства. Несчастные случаи, происшедшие с русскими кораблями при первых же торговых плаваниях, докончили остальное: те русские, которые тяготели к морю, были окончательно напуганы им. И в этом отношении Англия и Голландия увидели, что их страхи неосновательны; русские суда и с ними русская торговля не выступили конкурентами в Западной Европе. Деятельность русских в качестве арматоров и торговых мореплавателей в год смерти Петра едва ли была более заметна, чем при его вступлении на престол. Как в России, так и заграницей постройку Петром столь сильного военного флота осуждали еще и потому, что Россия не имела собственного торгового флота, для защиты коего имелась бы нужда в военном.

Отсутствие попыток к основанию колоний «за морем». При отсутствии русских торговых и судоходных предприя-

тий Россия осталась позади заграницы и в том, к чему в течение веков жадно стремилась всякая государственная политика и всякий народ, именно в деле развития колониальной торговли и колоний, на которые она могла бы опираться. Однако Петру делались довольно авантюриетические предложения: завоевать Мадагаскар, укрепиться на Яве, обратить Тобаго в русскую колонию [1]). Петр внимательно выслушивал все эти предложения, но не остановился ни на одном. Возможно, что это произошло потому, что он видел безполезность колоний при современном ему положении народнохозяйственной культуры, возможно и потому, что его озабочивало возможные осложнения с крупными западно-европейскими государствами, обладавшими колониями и большими морскими силами, до которых еще не дорос его флот. Возможно также, что, не говоря уже о внутри государственной колонизации, перед ним лежала более близкая и более необходимая цель—распространение русского влияния в Средней Азии.

Россия в Азии. Уже для облегчения достигнутых и налаживающихся успехов в торговых сношениях с Европой Петр увидел себя вынужденным распространить свое могущество в сторону Азии.

Старые и крупные интересы России, да и всей Европы, на Каспийском море, опоясанном караванными путями, идущими из южной, западной и северной Азии, сильно возросли с потерей в 1711 году Черного моря, отошедшего к Турции. Уже в том же году Петр даровал армянам, в руках которых находилась, имевшая крупное значение для торговли и финансов России, персидская торговля, монополию шелковой торговли во всей России. Взамен того армяне были обязаны доставлять весь идущий из Персии шелк исключительно в Россию, не выпуская его через Турецкую границу на западноевропейские рынки. Главнейшей мыслью царя при этом было привлечь всю азиатскую торговлю к Петербургу, с тем,

[1]) Как наследник прав герцога курляндского Якоба Кеттелера Петр имел к тому возможность, см. «Vockerodt» стр. 91 и след.

чтобы последний в действительности стал промежуточным рынком между Европой и Азией. Наряду с этим он непрестанно думал о создании русской торговли в Азии. В Северном Китае и Персии были учреждены консульства. Не безуспешными были и военные действия Петра на азиатской границе свего государства. Если ему не удалось распространить свое владычество на восточном берегу Каспийского моря над хивинцами и калмыками и тем обеспечить господство в торговле по всему Каспийскому побережью, то во всяком случае персидские походы 1722—23 г.г. сделали его обладателем Дербента и Баку, важных торговых пунктов западного побережья Каспийского моря.

Если по одному английскому суждению, относящемуся к 1724 году, меры предпринятые Петром для привлечения персидской торговли надо считать абсолютно неправильными, по той причине, что они дали очень ничтожные результаты, то это мнение надо считать ошибочным. Самое большее, что можно сказать по этому поводу, это то, что успех был бы больше, если бы царь облегчил затруднения, которые создавались для внутренней и внешней торговли с Востоком государственными монополиями и высокими пошлинами. Автор приведеннаго выше мнения сказал слишком много, утверждая также, что судьба русских успехов в Балтийском море находилась в зависимости от хода русских предприятий на Каспийском море. Укрепление России на Балтийском море и ее будущность там были обусловлены такими факторами, независевшими от событий на Каспийском море, как ее военно-политическое могущество, опиравшееся на флот и войско.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Изумление в Европе было всеобщим, когда Россия неожиданно выступила в качестве сильного государства на Балтийском море. с тем крупоым размахом, который при этом был обнаружен. Лейбниц тогда же сделал заключение, что царь отныне беспрепятственно начнет цивилизовать своих подданных.

Завоевание остзейских областей, Лифляндии и Эстляндии, стоявших по своей культурности значительно выше России, имело в этом отношении громадное значение, не только потому, что они давно состояли в различных сношениях с Западнай Европой, но также и потому, что при завоевании их по варварскому обычаю тысячи жителей были оторваны от своей родины и переведены в различные области России.

Царь Петр за время своего долгого царствования проявил удивительно крупную разностороннюю творческую силу. С самого начала он решил, что правитель не должен стоять позади своих подданных ни в одной области знаний, которые могли бы быть полезными стране. В течение всей своей жизни он остался способным к восприятию всего новаго и изучению всего того, что ему было еще неизвестно. Он не считал постыдным изучать в Голландии практически судостроение с топором в руках; он на общих основаниях со всеми выдержал в Заандаме экзамен на звание корабельного мастера. Для изучения европейской культурной жизни во всех направлениях, оно несколько раз посетил различные государства, причем уделил исключительное внимание их фабричной и коммерческой деятельности.

Иностранцы в России. Проводя какие либо меры, относительно флота, промышленности и торговли, он брал в качестве образцов Голландию или Англию. Англичан и голландцев в первую линию он привлекал в качестве учителей русских в самых разнообразных областях деятельности в России.

Хотя тише, но вероятно глубже и для России в целом благотворнее была культурная работа немцев, переселившихся сюда в царствование Петра. Со времен Петра иностранцы в России начали иметь громадное значение в деле европеизации русского народа. Начиная с 15 столетия при всех русских правителях иностранцы привлекались в Россию в довольно значительном числе большей частью в качестве купцов, а также в качестве врачей, художников и т. п.

Народ прозвал всех иностранцер кратко без различий происхождения «немцами». В этом отношении Петр ничего не внес нового и лишь шел по стопам своих предшествен-

ников. Но впервые он осуществил по истинно прекрасному и широкому плану привлечение на государственную службу в различных административных областях иностранных представителей всякого рода знаний: военных, торговых и промышленных, имевшее целью упрочить в России западноевропейскую интеллигентность, знание дела и деловую опытность, и этим путем привить их своим подданным. Даже в назначениях государственных чиновников, там, где до тех пор первые и важнейшие места представлялись русским, он произвел существенные изменения. Лишь места председателей в центральных коллегиальных учреждениях, как и прежде, были предоставлены русским, на второстепенные же посты, требовавшие зимние дела, делового проворства и работоспособности, назначались иностранцы, именно немцы.

По отношению ко всем иностранцам русский народ проявил ненависть, основанием которой являлось преимущественно различие вероисповеданий, причем православное духовенство являлось главным носителем этой вражды. Разумеется, кроме того, среди пришельцев не было недостатка в авантюристах и обманщиках разного рода. Еще до царствования Петра русские публицисты (?) требовали эмансипации России от иностранцев. В первые дни царствования Петра ненависть народа направилась по преимуществу на Московскую «Немецкую слободу», которая стала казаться настоящей столицей государства т. к. Петр предпочтительнее всего проводил время там в обществе с ее оседлыми жителями-иностранцами. Народ роптал на измену русскими верованиям и переход к «немецким»; в глубоких слоях населения неоднократно рождалось намерение идти к Москве, сжечь дотла Немецкую слободу и истребить всех иностранцев на русской земле. Хотя до этого дело и не дошло, царь Петр оказался по вопросу об иностранцах в длительном противоречии (несогласии) со своим народом. С необычайной энергией он проводил начертанную еще в предыдущие царствования ту точку зрения, что Россия нуждается в иностранцах в качестве учителей во всех областях материальной и духовной культуры. Но народ с не менее сильным упорством пытался уклониться

от влияния иностранцев. Тем не менее царь подготовил иностранцам фундамент, укрепившись на котором, они могли впоследствии с большим, чем во время Петра, успехом развить и европеизировать русский народ. При Дворе и в правящих кругах современем началось даже засилье иностранцев, именно немцев, тогда как самодержавная воля Петра еще не давала развиться столь значительному и непосредственному воздействию чужеземцев на политические дела.

Петру неоднократно приходилась применять варварские насильственные меры для того, чтобы приблизить к кругу европейски-культурных наций свой народ, который для этого необходимо было оторвать от старых вкоренившихся и вошедших в плоть и кровь представлений. Будучи сам еще полуварварским представитем просвещенного деспотизма, он вынудил свой народ к ломке, которая должна была прямо перевернуть во всех отношениях все прежния основания самобытности и воззрений русских. Не ограничиваясь лишь практической областью, взор царя остановился и на области чистой науки. По совету Лейбница он основал в 1724 году Академию Наук в Петербурге. В Москве была основана высшая школа (?), которая конечно не могла долго просуществовать. В этих обоих институтах проводниками, и главным образом носителями научных истин были иностранцы «немцы».

Успехи Петра. Такая большая и тяжеловесная масса, каковой был русский народ, потребовала непрестанного и продолжительного воздействия, однако внутренние его свойства, его способности и склонности оставались неизменными. Поэтому все многочисленные меры, предпринятые Петром, несмотря на всю их интенсиввость и разносторонность, не могли глубоко воздействовать в преобразовательном духе. Много из того, чего добивался Петр, осталось лишь на бумаге, много другое было выполнено не верно и повредило осуществлению цели, много оказалось невыполнимым и подверглось новой переработке, и очень многое не было закончено при его жизни. Многое, что было необходимо в интересах мирового положения России, потребовало колосальных денежных

средств и было слишком затруднительно для его подданных. Много огорчений и препятствий в достижении намеченных целей доставили Петру нерасположение и продиводействие со стороны большей части народа во всем том, что он проводил. Во всех отраслях государственного правления происходили массовые обманы (подлоги); лица, совершавшие их, принадлежали однако к высшим русским чиновничьим кругам и к ближайшей свите Петра. Больших трудов стоило даже добиться того, чтобы высшие слои населения, призванные царем для совместной с ним работы, подчинились ему, не создавая противодействия и не тормозили бы дела преследованием личных корыстных целей. Иностранцы были и остались единственными выполнителями его системы.

Последствия смерти Петра имеют решительное значение для суждения о его делах и успехам, им достигнутых. Из этих последствий можно заключить, насколько долго и в какой степени могло продержаться все созданное и внесенное им. Балтийский флот, лучшее творение из всего созданного Петром, быстро пришел в упадок при его преемниках. Долгое время и у правителей и у народа не проявлялось ни охоты и желания к продолжению морской политики, ни тяготения к морю, несмотря на все воздействия Петра в этом направлении. Наряду с этим приходили в упадок отрасли промышленности, созданные специально для удовлетворения нужд флота, как например прекрасный железоделательный завод в Сестрорецке. Проект Роггервикского порта, поглотившего громадные суммы, был заброшен. Работы по проведению глубокого судоходного канала между Петербургом и Кронштадтом более не возобновлялись; так и осталось незаконченным крупнейшее дело—постройка доков в Кронштадте; работы по проведению дороги между Москвою и Петербургом остановились. Лишь Ладожский канал был закончен в 1732 году Минихом. Различные фабрично-заводские предприятия потерпели, если не при жизни Петра, то большей частью после его смерти, жалкие крахи.

Крупную русскую торговлю заграницей ему так и не удалось создать. Он уничтожил Архангельск, старинный торго-

вый центр, а его второе излюблеоное творение—Петербург мог существовать, в качестве торгового пункта лишь при помощи искуственных мер и потерял большую часть своего значения как только интересы преемников Петра отвернулись от новой столицы. В 1728 году Двор перенес свое местопребывание в прежнюю столицу Москву и сейчас же вслед за ним в Москву вернулась большая часть жителей, вынужденных переселиться в Петербург при Петре. Но и то и другое было лишь временным.

После десятилетнего кризиса город снова проявил естественную жизне-деятельность и еще с половины 18-го столетия начал быстро возрастать до первой по величине русской гавани в Балтийском море; Двор в это время переселился туда.

Величайшею заслугою Петра в деле содействия росту русскогс государства надо считать то, что он добивался обладания Балтийским морем и обеспечил владение последним; это дало России неисчислимые благости. Слабостью последующих царствований объясняется то, что со смертью Петра остановилась и расстроилась начатая им и имевшая важное государственное значение деятельная политика по ту сторону Урала и Каспийского моря.

Хотя преемники Петра и оценили приобщение им России к европейскому культурному кругу и все значение подчинения ее культурному воздействию Европы, тем не менее сами они в очень сильной степени находилась под влиянием веками вкоренившихся инертности и застоя. Разумеется, Россия европеизировалась бы и без участия Петра с его дарованиями и неукротимой энергией;—эта эволюция была уже намечена его предшественниками—ход ее был бы нормальнее, но потребовал бы неизмеримо большего промежутка времени. Не произошло бы такой безрассудной ломки и такого оскорбления сознания народа, его взглядов, укладов жизни, склонностей и занятий, зато реформы прошли бы умереннее и медленное.

Перевод с немецкого Бундаса.

ИЗ ЗАПИСОК Д. Ф. МЕРТВА́ГО [1]).

Морской Кадетский корпус 1856—1858 г.г.

Фамилия составителя этих записок попала в морскую службу по вине Наполеона I-го; не будь его нашествия на Россию в 1812 году, и не совпади оно по времени с необходимостью для Степана Борисовича Мертва́го начать где бы то ни было обучение его сыновей, то приготовительный пансион для них был бы выбран в Москве и они пошли бы, как и члены старшей линии той же фамилии, ведущей свое начало от Дмитрия Борисовича Мертва́го и его жены Варвары Марковны, рожденной Полторацкой, по какой либо отрасли гражданской службы. Но для следующего поколения, к которому принадлежит и пишущий эти строки, уже было совершенно достаточно существовавших примеров, чтобы его семья сознательно стремилась поставить своих сыновей на путь службы в военном флоте. Самые близкие люди к этому, уже третьему поколению, отец и дядя, на себе испытали привлекательность профессии моряка.

С отцовской стороны, следовательно, существовали неотвержимые «бывшие примеры» для того, чтобы пишущему эти строки быть в военной морской службе, а с материнской стороны, те же «бывшие примеры» кричали о том же еще сильнее. С материнской стороны сыновья Ф. С. Мертва́го принадлежали уже вполне к морской семье. Мать пишущего

[1]) Предполагая, время от времени, давать, в виде отдельных очерков, главы из «Записок Д. Ф. Мертва́го», редакция сохраняет полностью несколько своеобразный язык подлинника.

эти строки, Александра Павловна, рожденная Чистякова, была дочь контр-адмирала, про которого в «Энциклопедии военных и морских наук» генерала от инфантерии Леера напечатано, что он, Чистяков (Павел) в 1829—1831 годах командовал 44-х пушечным фрегатом *Елисавета* и в декабре первого из этих годов с отличием справился, во время плавания в греческом архипелаге, с поваленным у него на фрегате бурею рангоутом. С 1833 г. и по 1839-й Павел Егорович Чистяков командовал 74-х пушечным кораблем *Смоленск*. Скончался контр-адмиралом.

Брат Павла Егоровича Чистякова, Петр Егорович Чистяков во время своей службы в морском ведомстве, имел выдающееся по важности поручение: в течение многих лет сряду управлять на месте Аляскою и, вообще, Северо-Американскими русскими владениями, с резиденциею в Ново-Архангельске, на острове Ситха. По возвращении из Америки Петр Егорович Чистяков был сделан Астраханским губернатором. Скончался в начале шестидесятых годов полным адмиралом.

До преобразования Морского Кадетского корпуса в Морское Училище, предпринятого в начале шестидесятых годов, вновь назначенным директором, капитаном 1-го ранга Воином Андреевичем Римским-Корсаковым, в Морской Корпус, для подготовки к исполнению на судах офицерских обязанностей, принимались только дети потомственных дворян, и при том еще, по очереди, по кандидатским спискам, в которые своих сыновей родители записывали как можно раньше, и все-таки, некоторым приходилось ждать очереди очень долгое время. Случалось, что очередь наступала, когда кандидат уже выходил из приемного возраста: наступал 17-й год, а в этом возрасте воспитанник Морского корпуса уже должен был обязательно проходить специально-морские науки.

По тогдашним летам автора настоящих записок (в 1856 г. ему минуло 15 лет), после выдержанного вступительного экзамена, ему было указано в назначенный день окончательно явиться в корпус и представиться командиру 1-й кадетской роты, капитан-лейтенанту Якову Ивановичу Глотову. Этот

назначенный день был один из понедельников первой половины сентября 1856 г. Распоряжения ротного командира ограничились приказанием каптенармусу Козлову—одеть «новичка» в форму; выдать ему ружье с известным номером, показать его место в общей пирамидке ружей и тут же он был «отрекомендован» в выучку фронту одному из старых кадет, хорошо знавшему ружейные приемы, шагистику до «тихого шага в три приема» включительно, и фронтовую выправку. До изучения «фронта» новичек носил казенную куртку, но без погон.

Несмотря на все эти «новости», первый день пребывания в роте Якова Ивановича Глотова был для «новичка» очень трудным. Классные занятия еще не начинались, совершенно чужой для всех в длиннейшей зале с паркетным полом, с длинною белою стеной с одной стороны, и с рядом икон с другой. Чувство одиночества угнетало дух начинавшего новую для него жизнь юноши, почти безвыездно, как только он начал помнить себя, до 16-го года, прожившего на просторе полей Бугульминского уезда, на просторе, о котором теперь никто и не имеет понятия.

Замена штатского пиджачка однобортною беспогонною курткою с светлыми медными пуговицами и черных «своих» брюк — серыми суконными без подтяжек, но с ремневою затяжкою сзади, относилась к «общим правилам и обязанностям» поступающих в Морской корпус, а потому и была произведена тотчас же по приходе новичка в роту; но ротный пюпитр для хранения учебных пособий, с наклонною над ящиком крышкою для письма на ней, имел связь с «заслуженными» на вступительных экзаменах правами того же новичка, ротному начальству пока еще совершенно неизвестными, а потому в день явки в роту и пюпитр и, под тем же номером, деревянный табурет к нему указаны не были, а самому ему было предоставлено мерить шагами длинную ротную залу, или же отдыхать на одном из деревянных диванчиков, для сего стоявших по концам залы.

В 1-й роте жили два курса воспитанников: старший кадетский в полном составе трех параллельных классов, и

младший гардемаринский—частью из каждого параллельного класса младших гардемарин, которых такое же число, как и в старшем кадетском, т. е. три, по несколько человек, приблизительно по половине каждого класса. Лучшие по учению воспитанники, после весенних экзаменов были переведены для житья в гардемаринскую роту, с плечевыми погонами, украшенными якорями и с чином гардемарин младшего гардемаринского курса. Другая же половина воспитанников, переведенная из бывших кадет старшего кадетского курса, хотя и выдержавшая переводные экзамены, но не имевшая столь же высоких отметок, как первая половина, оставлена в 1-ой роте еще на год, продолжая называться кадетами, но проходя курс младший гардемаринский. Обе роты состояли из четырех зал и двух дортуаров. Длинная зала 1-ой роты, окнами на 11-ую линию Васильевского Острова, была предназначена для дневного пребывания в ней воспитанников старшего кадетского курса, угловая же зала, с окнами частью на ту же 11-ую линию, частью же на Набережную—для жилья и дневных занятий младшего гардемаринского курса; кадеты этого курса имели право ходить по всему протяжению 1-ой роты, воспитанники же младшие могли ходить только по своему отделению, не заглядывая даже в отделение, хотя и кадет также, но слушающих курс с товарищами, живущими в гардемаринской роте.

Нейтральная комната, для всех доступная, была расположена между отделениями курсов, служа местопребыванием в продолжение круглых суток дежурного по роте офицера. Через эту же залу ход в арсенал с оружием и с обмундированием разных сроков: плохеньким для классного времени, средней новизны — для послеклассного времени и для самого нового, одеваемого в ожидании приезда высшего начальства.

Куда именно «посадят» новичка: в класс младшего гардемаринского курса или старшего—решится завтра, в первый день учебных занятий. Следует, по приходе в классный коридор вместе со всеми, не лезть без спроса в какой либо класс, а не останавливаясь, следовать до половины длины классного коридора, пока не достигнешь центральной залы,

с мозаичным паркетом вида компаса. Зала эта у воспитанников носила название «пикета», на который рассердившиеся учителя выгоняли расшалившихся своих учеников. На этом пикете новичку нужно было остановиться и ожидать прихода инспектора классов, Александра Ильича Зеленаго.

Пишущему эти строки, в 1856 году было вполне безразлично куда его «посадят», как стебелек капустной рассады, думалось ему, по его деревенским навыкам: в старший ли кадетский или младший гардемаринский. Он везде «примется». Для него важно было только одно, что его уже приняли учиться на казенный счет. Приняли в преддверие государственной службы, и при том еще такой почетной, какою была в то время служба в военном флоте.

На следующее утро, в 8 часов, по пробитии барабаном сбора в классы, будущий офицер русского военного флота, в куртке без погон, уже стоял на «пикете», в компасной ротонде Морского кадетского корпуса, точно в знаменитой ротонде Вашингтонского Конгресса американских народных представителей.

Ожидался инспектор классов.

Между прочим пишущему эти строки было уже однажды приказано — в такой то день и в такой то час явиться в приемную залу Морского корпуса и ожидать там прихода инспектора классов. Через несколько минут после его прихода, туда же вошел и инспектор классов, позвал ожидавшего в следующую комнату, где и продиктовал, для переписки на большой черной доске, насколько помнится, нечто в роде следующего: «Урожайность на гектар в квинталах такая то; какая будет урожайность на обыкновенную десятину в пудах. Отношения квинталов к пудам и гектора к десятинам — такие то». Затем инспектор классов оставил испытуемого одного часа на полтора. Испытуемый задачу решил, когда же инспектор к нему возвратился и посмотрел на ряд вычислений, то экзаменующемуся был задан вопрос: «как же вы все это сделали?». Испытуемый рассказал. Резолюция была такого рода: «Скажите вашей бабушке, что вы не дурак, но ничего не знаете. Надо подготовиться».

На оставшиеся 7 или 8 месяцев до формальных приемных экзаменов, пишущему эти строки определили на выучку к одному из дальних родственников Алексею Петровичу Нордштейн, тоже морскому офицеру, где с обучающимся всегда обращались как с собственным сыном. Семья была прелестнейшая, но, в то же время, истинно флотская, т. е. всю свою жизнь нуждавшаяся в средствах к жизни. Рядовая служба во флоте крайне скудно оплачивалась государством. Люди ценились дешево, а потому, вероятно, они и дело вели, не особенно ценя его.

В половине августа 1856 года, пишущий эти строки явился в те же роскошные помещения Морского корпуса, в которых происходило его первое неофициальное испытание в науках, и предстал на окончательный приемный экзамен. Лучшая отметка, по знанию молитв и филаретовского катехизиса (по 12-ти бальной системе)—10 баллов, была ему поставлена корпусным священником Василием Дормидонтовичем Березиным; худшая — за знание сибирских хребтов (5 баллов), географом и статистиком Христофоровым, маленьким кругленьким человечком, которого кадеты называли «пробкою», вероятно, потому, что он действительно походил всею своею фигурою на отслужившую свою службу пробку от шампанского. Христофоров всю жизнь свою усердно работал, и, по преданиям, откладывая по копеечке, скопил себе состояние.

В общем средний экзаменационный балл у кандидата оказался таким, что он был объявлен экзамен выдержавшим и на неделю, на две был отпущен домой отдыхать от трудов праведных. Радость была превеликая.

Ожидать пришлось не долго. Вскоре пришел на «пикет» инспектор, позвал ожидавшего следовать за ним и, приведя в класс, на вывеске которого приведенный все же успел прочитать: «№ 8-й. Младший гардемаринский курс», указал новичку место на правом фланге средней скамейки, рядом с товарищем Василием (крайне сожалительно, что не запомнилось отчество) Рыкачевым. Но, по указанному месту вчерашний «новичек» оказался сидящим выше уже давнего кадета. Когда барабанщик с «пикета» пробил дробь, возве-

щавшую в 11 часов конец утренних классных занятий, и все воспитанники 1-ой роты возвратились в свою дневную залу, то Рыкачев с серьезным и, даже, несколько обиженно-задумчивым видом выразил свое мнение, что инспектор классов, посадив «новичка» первым на среднюю скамейку, сделал неправильность: «он должен бы был посадить тебя последним на самую переднюю скамью, откуда ты, смотря по твоему прилежанию и успехам в учении, и должен бы был постепенно подниматься по скамейкам вверх, все выше и выше. Ведь, инспектору неизвестно, как ты будешь учиться и какие баллы ты будешь получать», закончил он свой «ремонтранс». Для последнего это был первый урок практической социологии о неравенстве людей даже в школах.

В 1856 — 1857 году директором Морского корпуса был вице-адмирал Алексей Кузьмич Давыдов. Воспитанники Морского корпуса между собой звали его «кудимкой». Таким образом, до перевода в Морской корпус он служил сначала инспектором классов, а потом и директором «Кронштадтского штурманского полуэкипажа», как называлось в прежние времена впоследствии переименованное в «Кронштадтское штурманское училище», второе по своей важности учебное заведение Морского ведомства. За выдающуюся свою педагогию над штурманами, вице-адмирал Давыдов был переведен тем же званием директора в Морской корпус.

Его педагогия, повидимому, заключалась в принципе немедленного воздаяния, в известных формах и приемах, за все совершаемое воспитанниками, как за хорошее, так и за дурное. Относительно классных распорядков, насколько помнится, ежемесячно производилась перекличка в классах и посадка воспитанников по скамьям по их относительным учебным отметкам. Для каждого из воспитанников высчитывался его средний балл в течение прошедшего месяца. Ученик с высшим средним садился на правом фланге самой задней скамейки; самый неспособный или самый ленивый ученик занимал место на левом фланге самой передней скамьи.

К разряду немедленных официальных воздаяний воспитанников за содеянное ими во время недели при Алексее Кузьмиче Давыдове относились субботние раздачи кому следует — яблоков и кому следует — розог. Часам к трем по субботам классная канцелярия изготовляла общие для всех воспитанников корпуса недельные списки учеников, получивших отметки в 10, 11 и 12 баллов, с постановкою во главе списка фамилий получивших наибольшее число таких отметок. Иногда бывало, что отличный по учению воспитанник, в продолжение недели спрашивался преподавателями, положим, семь раз (в неделю было 22 урока) и за каждый раз, за ответ получал отметку не меньшую 10-ти. Такой избранный, в 4-м часу по субботам, по перекличке, «выстраивался» в обеденной зале и своею, часто единичною, персоною составлял переднюю шеренгу толпы, стоявшей сзади так же шеренгами «получателей яблоков». Самая длинная шеренга, конечно, была шеренга тыловая, одно-десяточная. Десяточники и выше, т. е. двух, трех-десяточники и т. д., выстраивались в обеденной зале от входа направо.

Таким же порядком, но только от входа в залу налево, выстраивались шеренги «нулевиков», т. е. получивших в продолжение последней недели за свои ответы в классах по одному или по несколько нулей. «Нулевиков», конечно, было всегда неизмеримо меньше «десятников», а равно и число шеренг у них было минимальное: самое большее три или две шеренги и при том самые коротенькие.

О готовности «парада» давали знать директору и он прибывал в залу самолично, с лентою и звездами на вицмундире; из кухонных же дверей служителя тащили бельевые корзины полные великолепнейших яблоков. Торжество начиналось приветственною речью директора, обращенною к «десятникам», и продолжалось раздачею яблоков. Яблоки были крупные, наливные и какому нибудь «семи или восьми-десятнику», вероятно, было не легко удерживать их в совокупности, прижатыми к доблестной груди получателя, но старания превозмогали: по отделении, на этот раз во всех отношениях «правых», баталионный командир корпуса ка-

питан 1-го ранга Терентьев командовал яблочникам: «Налево. По ротам. Шагом марш». «Десятники» уходили из залы, по совершенной очистке которой от яблочного аромата, и по затворе входных дверей как можно—накрепко, начинался парад с «нулевиками». Директор и им говорил речь, но, вероятно, уже без улыбок и по содержанию укоризненную. Далее, смотря по обстоятельствам, передней шеренге приказывалось приготовиться к порке.

Пишущему эти строки однажды пришлось быть свидетелем сечения двух кадет в присутствии всей роты, но не за учение, а за что именно — это присутствовавшим объяснено не было, так что спасительного примера для других в данном случае не произошло. А пороли здорово. Две пары барабанщиков раскладывали «пациентов» на деревянной скамейке лицом книзу, и потом, попарно садились держать ноги и руки обреченного, тогда как третья пара отворачивала часть одежды заинтересованного от телесных мест, которые человечество, в своей мудрости, признало именно назначенными для хлестания более или менее длинными прутьями. Та же третья пара барабанщиков, по знаку присутствовавшего старшего начальника, в данном случае, баталионного командира, начинала хлестание розгами по оголенным перед тем местам. С каждым ударом на теле оставался рубец: белый по гребню и красно-багровый на окраинах. Процедура продолжалась довольно долго.

В Энциклопедии «Военных и морских наук» генерала от инфантерии Леера, том 3-й стр. 1-я, напечатано: «Справедливо заслужив репутацию опытного педагога, Давыдов, в конце своей педагогической деятельности был назначен (1856 г.) директором Морского корпуса». В конце 1857 года, вице-адмирал А. К. Давыдов, прохворав недолго в своей директорской квартире, скончался. С его смертью прекратились в Морском корпусе и раздача яблоков за прилежание, и торжественные порки провинившихся воспитанников. Но «неторжественные» порки в младших классах продолжались некоторое время и после его смерти.

Семен Ильич Зеленой, проходивший курс наук в Морском корпусе лет на пятьдесят ранее пишущего эти строки, также передавал в печати свои впечатления о жизни и нравах воспитанников того времени того-же военно-учебного заведения: о настроениях кадетского персонала С. И. Зеленой писал так: «нравы самих кадет и их обращение друг с другом, в мое время было по истине варварское. И чем старше рота, тем жестче и грубее нравы и обычаи воспитанников... Мы беспрестанно дрались. Вставали дрались; за сбитнем—дрались; перед обедом, после обеда; в классном коридоре, вечером, ложась спать—дрались; в умывалках—сильнейшая драка. Мы дрались за все и про все, и просто так, ни за что; и не то, чтобы шутками, а серьезно, до крови и синяков дрались». (См. изд.: «Морской корпус», А. Кротков, стр. 154).

Во времена пишущего эти строки, нравы воспитанников Морского корпуса несколько смягчились. Ему лично пришлось только два раза подвергнуться нападению, и оба раза от инородцев; но выросший в отрогах Общего Сырта «новичек» так ответил на сделанный ему нападавшими вызов, что навсегда отвадил кого бы то ни было производить дальнейшие опыты употребления против него силы кулаков или физического воздействия вообще.

Первое столкновение произошло в классе, на уроке французского языка. В кресле преподавателя сидел природный француз Дантес. Он вызвал к своему столу одного из вечных «передовиков», т. е. постоянно сидевших на передней скамейке, никогда не поднимавшихся по учению выше, и заставил его читать какой то французский текст, при чем старался добиться лучшего произношения, но вызванный принадлежал к племени инородческому в России, а потому старания француза оставались тщетными; инородец смешно коверкал слова; весь класс улыбался, улыбнулся и пишущий эти строки, но так как он еще был «рябчик», т. е. новичек и при том еще неправильно сидел на средней скамейке головным, то инородец оскорбился. Зайдя сзади, он изо всей силы и с высоты очень большого своего роста, ударил

новичка по шее, так что тот невольно вскрикнул, почти толкнувшись носом в свои тетрадки на пюпитре. Преподав урок новичку — впредь не улыбаться, когда вызванный преподавателем какой нибудь «передовик» городит чепуху, инородец занял свое место в классе. В перемену, по уходе из класса француза, новичек подошел к инородцу спереди и дал ему звонкую пощечину: — «не бей новичков подойдя сзади». На этом возникшее недоразумение разъяснилось.

Другой эпизод произошел в роте. Придя от ужина, воспитанники расселись по своим пюпитрам; приготовляли уроки к следующему дню. Новичек уже пользовался всеми правами кадета младшего гардемаринского курса, т. е. имел пюпитр в зале окнами на набережную Васильевского Острова; мог безвозбранно ходить по всему ротному помещению, вообще, как говорят американцы, был full fledged member of the establishement.

Лампы горели ярко, температура чудная и обитатели залы, после вкусного и здорового ужина, в отличном настроении духа,—каждый занимался своим собственным делом.

В числе товарищей пишущего эти строки, состояла какая-то, положительно, загадочная личность под немецкою фамилиею (под русской кличкой, почти наверно, такая личность была бы забракована к приему свидетельствовавшими врачами, как психически-больная). Ни с кем, повидимому, эта личность не сходилась и даже не видать было, чтобы этот немец с кем либо из товарищей разговаривал; а пишущий эти строки, и все из за той-же «неправильной» его посадки выше двух третей давних кадет того же класса, пользовался положительно ненавистью психически-больного. По крайней мере, при случайных встречах его маленькие круглые глаза всегда загорались злобным огоньком.

Немец был постоянно в числе «передовиков», т. е. с передней скамейки никуда не пересаживался.

Пюпитр пишущего эти строки приходился в глубине, направо от входной арки в младше-гардемаринское помещение 1-ой роты. Вдруг общая тишина нарушилась со всех сторон

несшимися криками: «Мертва́го! Мертва́го! Берегись! Берегись!».

Вскочив с места, Мертва́го инстинктивно выхватил из под себя дубовый табурет и, закрыв им голову, повернулся лицом к входной арке и увидел несшегося на него, красного, как вареный рак, тоже с дубовым табуретом в обоих руках, немца, который не добежав до намеченной жертвы на длину руки из всей силы пустил в голову Мертва́го табурет. Но летевший снаряд встретил на пути ножки другого такого же табурета и разлетелся в дребезги, а в следующее мгновение немец уже лежал на ротном паркете, а «жертва» барабанила кулаками по всем частям его тощей поверхности. Покушавшийся на увечье товарища, не защищаясь, только злобно рычал; кругом же несся хохот. Дав нападавшему несколько полновесных затрещин, Мертва́го отпустил его, и тот снова пошел мерить шагами роту, что то про себя нашептывая.

Весною 1857 г. все воспитанники младшего гардемаринского курса в лице всех выдержавших переводный экзамен, были произведены в гардемарины среднего курса и переведены на житье наверх в гардемаринскую роту, при чем заняли помещение, соответствующее зале старшего кадетского курса в 1-й роте. Всеми гардемаринами, носящими на погонах якоря, начал заведывать ротный командир кап.-лейтенант Алексей Павлович Епанчин, племянник двух братьев адмиралов Николая и Ивана Петровичей Епанчиных.

Середину 1857 г., т. е. его лето, пишущий эти воспоминания провел на лоне природы, в Бугульминском уезде, в отцовском недвижимом, и в последний раз в жизни видел всю семью в сборе. Вследствие отдания дани петербургскому климату, проболев конец 1856 и начало 1857 годов тифом, в плавание на кораблях Балтийской практической эскадры его не послали. Корпусные врачи прописали его «на поправку», в чистый воздух отрогов Общего Сырта. Не бытностью в походе летом 1857 г., пишущий эти строки, вероятно, избегнул больших неприятностей. Вместе с другими своими товарищами, он наверно попал бы в партию, пла-

вавшую на учебном артиллерийском корабле *Прохор*, командир кап. 1-го ранга Посьет, впоследствии министр путей сообщения.

Дело в том, что при каждой партии гардемарин, назначавшихся на известный корабль, неизвестно с какой целью, без какой бы то ни было инструкции со стороны учебного заведения, назначался также один из офицеров, слушавших курс высших математических наук в Офицерском классе при Морском корпусе. Таким образом, в лето 1857 г., вместе с гардемаринами среднего курса прибыл на *Прохор* мичман офицерского класса фон-Дек. «Прохоровское» гардемаринство, сколько помнится, состояло, главным образом, из гардемарин среднего гардемаринского курса и, вот между ними и их «шапероном», фон-Деком, возникли какие то трения, кончившиеся тем, что практиканты-воспитанники нанесли своему офицеру какую то, крайне недисциплинарную, обиду. Фон-Дек, по обязанности службы, донес об инциденте по команде, а потом дошло дело и до директора Морского корпуса А. К. Давыдова.

Далее история передается уже по полушепоткам ведшихся разговоров в гардемаринской роте, и на основании некоторых намеков во время трапез на случившуюся неприятность даже со старшими гардемаринами, бывшими на *Прохоре*, и так же ввалившихся в ту же кашу. Обыкновенно, в таких инцидентах увязавшие—молчат.

Полушепоты же и намеки сообщали, что в один далеко непрекрасный для них день, «Прохоровцы с якорями на погонах», вдруг увидели приближавшийся к кораблю, вышедший из Ревельской гавани (*Прохор* свои практические занятия производил с Ревельского рейда стрельбою по щитам на острове Карлосе) наемный ялик, со стоявшим Алексеем Кузьмичем Давыдовым и, по легенде, с лежавшими по обе стороны вице-адмирала—директора принадлежностями обмундирования римских ликторов (только без топора). Пристав к кораблю и выйдя на палубу, с отдачею ему всех полагающихся почестей, Алексей Кузьмич со своими строптивыми питомцами спустился в их корабельное помещение—конста-

пельскую; там, конечно, держал к ним укорительную речь, и, в заключение, всех выпорол, после чего, с теми же почестями как и при приезде, возвратился в Ревель, но уже на капитанском 16-ти весельном катере «с уборами». Выше было сказано, что лишь счастливая случайность спасла пишущего эти строки от того, чтобы не сделаться и ему объектом «выдающихся» (по Энциклопедии Леера) педагогических приемов Алексея Кузьмича Давыдова. Как совершенный новичек в морской службе, вместе с товарищами, он почти наверно попал бы на *Прохор*, как на образцовый артиллерийский корабль, всегда поручавшийся в командование лучшим капитанам флота, и тогда он наверно испробовал бы конкретно «выдающиеся» педагогические приемы. В этом отношении Алексей Кузьмич Давыдов строго соблюдал равенство перед розгами. Если он решал пороть товарищей, то порол уже всех без исключения.

Так на приемных экзаменах 1856 года, одновременно со всеми другими кандидатами, держал вступительный в Морской корпус экзамен Владимир Буняковский, мальчик лет 13-14-ти, сын известнейшего математика-профессора Виктора Яковлевича Буняковского; в высшей степени тихий, скромный, благовоспитанный юноша. «Посажен» он был в старший кадетский курс, кажется в № 10-й. Однажды, в тот же учебный сезон, следовавший за приемным экзаменом 1856 года, в № 10-м произошло «восстание» против преподавателя английского языка, англичанина Сакса, которому «повстанцы» начали кричать, что он «булочник» и, нажевав бумагу, бомбардировали жвачками беззащитного иностранца, заставив его, в конце концов, бежать с поля сражения, т. е. из класса.

Для разбора дела в класс самолично прибыл Алексей Кузьмич Давыдов, в сопровождении ликторов и весь класс перепорол, не исключая и Владимира Викторовича Буняковского, хотя должен бы был быть вполне уверенным, что подвергает наказанию мальчика, что называется, зря, что наказывает совершенно непричастного к делу.

Впоследствии, говорили тогда же, что Алексей Кузьмич оправдывался тем, что если бы в классе находился его собственный сын, то он и его бы высек.

Со времени кончины императора Николая I-го система начинала изменяться.

России не доставало патриотизма, господствовало равнодушие к судьбам родины, а потому решили, что зло происходит от содержания детей слишком по-долго в закупоренных комнатах, что нужно им движение, нужно увеличение в их крови числа красных шариков, и что тогда, при достижении совершеннолетия, в них загорится любовь к отечеству. Для воспитанников Морского корпуса предписаны были ежеутренние прогулки перед чаем с очень вкусною булкою, по занесенным снегом тротуарам Василеостровских линий. Из Швеции был выписан Дерон, специалист-гимнаст и в промежутки между классами и трапезами с воспитанниками начались очень для них занимательные гимнастические упражнения.

В 1857-м году пишущему эти строки пошел 17-й год. Лето этого года он проводил на чистом воздухе имения его отца в Бугульминском уезде.

К началу учебного сезона 1857—1858 г.г. оба «поправлявшиеся» на лоне природы в Бугульминском уезде были уже на своих местах, слушателями—старший среднего гардемаринского курса, а младший—сколько помнится, перешел в старший приготовительный 4-й роты. В этом учебном сезоне, вместо кап.-лейтенанта Ивана Ивановича Степанова, преподававшего навигацию и начальную морскую астрономию в младшем гардемаринском курсе, в среднем гардемаринском науку об астрономических средствах определения места корабля в море, начал читать лейтенант Никандр Ильич Зеленой, замечательнейший практик-преподаватель, младший из плеяды Зеленых во флоте.

Среди занятий, учебный сезон быстро начал приближаться к концу, и между тогдашними средними гардемаринами начали ходить слухи, сначала очень и очень неопределенные, что с лучшими учениками в курсе, случится то же самое,

что уже практиковалось с курсом на два года старше, а именно, что эти лучшие ученики курс старшего гардемаринского курса слушать в корпусе не будут, но, по выдержании экзамена на старших гардемаринов будут посланы на судах за границу. Двое из курса средних гардемарин лучшие ученики по классу, Бороздна из № 5-го и Муханов из № 6-го, даже не проходя курса средних гардемарин, вдруг исчезли с классных занятий, и про них стали говорить, что они ушли в дальнее плавание, а именно—в Японию, на фрегате *Аскольд*, под командою кап. 1-го ранга Унковского, по возвращении из плавания сделанного Ярославским губернатором (хорошо еще, что не регентом придворных певчих).

Вместе с Бороздною и Мухановым на том же фрегате делали кампанию юнкерами М. М. Лазарев и П. Ф. Литке. Все приготовления Бороздны и Муханова к заграничному плаванию происходили под покровом какой то тайны. Вероятно, и в этом случае продолжалась педагогия системы Алексея Кузьмича Давыдова, хотя сам он и скончался за несколько месяцев до переименования курса пишущего эти строки из младшего гардемаринского в средний гардемаринский, в полноправные гардемарины, с якорями на плечевых погонах.

Весною 1858 года средние гардемарины, наконец, были произведены в старшие, а незадолго до того, их незабвенный преподаватель астрономии, Никандр Ильич Зеленой принес своим слушателям собственноручную записку всего, что они должны будут знать и уметь делать на практике по морской астрономии, когда, вернувшись из заграничного плавания, будут в корпусе держать окончательный экзамен на производство в мичманы флота. В этой записке, принесенной составителем в класс в нескольких экземплярах, были изложены все употребляющиеся на море астрономические способы определения места корабля и, при том столь конкретно, что каждый способ был иллюстрирован примером, что после чего нужно делать и что искать в таблицах «Нотикаля Альманаха» и в «Голицинских», и с указанием даже страниц, где нужные элементы вычислений напечатаны. Лучшего учебника

нельзя было и желать и на офицерских экзаменах, слушатели Никандра Ильича, от экзаменаторов не только удостоились наилучших отметок, но и отзывов, что экзаменовавшиеся знали употреблявшиеся ими способы также отчетливо, как если бы сами были преподавателями предмета. Передачу своей великолепной работы ученикам Никандр Ильич Зеленóй дополнил речью, из которой, вчерашние средние, а сегодня старшие гардемарины, узнали кто именно из них идет в плавание вместо скучного сидения в четырех корпусных стенах и слушания скучных лекций, как «сибирские охотники, чтобы не испортить шкувочки бьют белку в мовдочку».

Наконец, в одно из чисел середины мая 1858 года, накормив отъезжающих не очередным обедом, начальство объявило им, что в таком то часу они должны собраться на пароходе *Граф Вронченко*; что сундуки их с платьем и бельем, уложенные загодя, будут к тому же часу на пароходе, а затем вся компания будет отвезена в Кронштадт, где для нее уже приготовлено помещение в здании Штурманского училища, которое, впредь до переборки на теперь уже вооружающиеся суда, и будет кормить «заграничных» гардемаринов.

Счастливое время переживали тогда вновь испеченные старшие гардемарины Морского корпуса выпуска 1859 года, последний курс в стенах его не слушавшие.

Д. Мертва́го.

ПИСЬМА МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА ЛАЗАРЕВА КЪ АЛЕКСѢЮ АНТИПОВИЧУ ШЕСТАКОВУ ВЪ Г. КРАСНЫЙ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ [1]).

ПИСЬМА.

70.

Николаевъ 14-го апрѣля 1844.

Отвѣчаю на письмо твое любѣзный другъ Алексей Антиповичь отъ 23-го Марта и приношу извинѣнія что давно уже неписалъ къ тебѣ и даже не отвѣчалъ на два письма твоихъ; но этому все таже причина, что проклятыя бумаги недаютъ свободнаго времѣни и по извѣстной пословицѣ: чѣмъ далѣе въ лѣсъ, тѣмъ болѣе дровъ! такъ точно и ихъ прибавляется. Когда пріѣхалъ сюда Алексей Самойловичъ [2]) и вступилъ въ должность главнаго командира, то всѣхъ номеровъ (по словамъ его) было до $\frac{5}{т.}$; Когда онъ сдалъ мнѣ эту обязанность въ исходѣ 1833 года, тогда ихъ было уже до $\frac{35}{т.}$; а теперь увеличилось почти до $\frac{70}{т.}$! Каково же?—и чѣмъ это должно кончиться? а противъ прежняго, толку въ отчетности, и вообще въ дѣло-производствѣ нисколько не болѣе, а еще болѣе запутанности!—Лучшѣе время въ жизни, мы проводимъ сидя за бумагами и дѣлаемъ невольнымъ образомъ много упущеній по неимѣнію свободнаго времѣни присмотрѣть за работами стоющихъ большихъ издержекъ!

---

[1]) См. «Морск. Сборн.» 1918 г. №№ 1, 2—3, 4—5, 6, 7—8, 9—10 и 11.

[2]) А. С. Грейгъ, сынъ героя-адмирала временъ Екатерины II, Самуила Грейга, предшественникъ М. П Лазарева въ должности Главнаго Командира Черноморскаго флота. *Прим. Ред.*

Ваня твой не гуляетъ, а занимается переводомъ лоціи Средиземного моря для гравирующейся у насъ новѣйшей карты этого моря которая скопирована съ послѣдней изданной въ Англіи и пополнена всѣми новыми свѣденіями по нынѣшній 1844 годъ. Карты этой у насъ давно недоставало и пользовались мы всѣгда иностранными, что нѣкоторымъ образомъ несовсѣмъ было благовидно; карта окончится гравировкою въ будущемъ Іюнѣ итогда выключая одно Мраморное море, отъ Таганрога и до Гибралтара мы будемъ плавать по своимъ картамъ, Русскимъ, Архипелагъ награвированъ года три тому назадъ, а атласъ Чернаго и Азовскаго морей окончательно выйдетъ непремѣнно въ нынѣшнемъ же году— въ Сентябрѣ или Октябрѣ и утвердительно могу сказать что подобнаго изданія въ Россіи у насъ еще небывало. Чего другого не успѣю можетъ быть сдѣлать, но атласомъ похвалюсь что конченъ;—Виды береговъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ отличнымъ образомъ сняты Академикомъ Кухаревскимъ (воспитаннымъ насчетъ Черноморскаго Вѣдомства) и гравированы въ Англіи, которые тоже готовы и вышлются на первыхъ пароходахъ въ Петербургъ а оттуда сюда. Желательно было чтобы и виды были награвированны руками Русскими, но на Руси унасъ многое еще зелѣно! Немогли отыскать людей которые бы взялись за это! Въ Петербургѣ нашелся-было одинъ, нѣкто *Ческій*, но просилъ въ трое дорожѣ и требовалъ пять лѣтъ времѣни! а въ продолженіи этого времѣни Богъ знаетъ что бы съ нами могло случиться? На это согласится я немогъ, да и надобности въ томъ никакой не было, ибо кто можетъ знать что они гравированы за Границею когда всѣ подписи Русскія, и даже имяни гравера нигдѣ невыставлено.

Переводъ Исторіи Англійскаго флота, начнется печататся скоро и необходимо чтобы покрайней мѣрѣ начало было сдѣлано при самомъ переводчикѣ, ибо въ противномъ случаѣ наврутъ такъ, что все изданіе гроша не будетъ стоить! Вѣрнѣе всего было бы то, если бы Ваня твой самъ держалъ корректуру на все изданіе, но это можетъ задержать его на все лѣто и осень въ Николаевѣ; не знаю какъ онъ рѣшится, а я на его мѣстѣ непремѣнно взялся бы за это и тогда

издалъ бы по крайней мѣрѣ въ свѣтъ переводъ безошибочный. Въ прошедшемъ году лейтенантъ Скаловскій издалъ переводъ адмирала Ekins Naval battles и съ такими ошибками что никто читать не хочетъ; а все отъ того что печаталось за глазами! Труда было много и все напрасно.—Взявшись за корректуру, отлучатся уже нельзя, ибо каждый день будетъ выходить изъ печати листъ или два, въ тотъ же день должны быть просмотрѣны и въ чѣмъ слѣдуетъ исправлены, а на другой день отпечатаны начисто и опять пересмотрены. По моему, взявшись за гужъ не долженъ говорить что не дюжъ! такъ покрайней мѣрѣ гласитъ Старинная Русская пословица.

As for his appointment to the command of one of the cutters now building on the stocks at Nicolaeff, I can by no means comply with such a desire of his without doing the greatest injustice to a great number of very deserving and gallant officers standing at the very head of the list of lieutenants! let him wait one year longer and then he will be at least, a lieutenant of two years standing! and as the cutters will not be launched before next year, so it will be just in time and in the mean time he will accomplish his printing business.

71.

Николаевъ 13 Сентября 1844.

. . . . . .

Прорывъ каменной плотины въ большомъ резервуарѣ при Севастопольскихъ докахъ (о которыхъ читалъ ты въ газѣтахъ) не сдѣлалъ почти никакого вреда окрестнымъ садамъ, и все это преувеличено было пріятелями нашими Греками, съ цѣлію воспользоватся зато вознагражденіемъ отъ казны, но немного же они успѣли въ томъ, весь ущербъ по самой роскошной разцѣнкѣ оказался въ $\frac{6}{т.}$ рублей серебромъ!

Причина прорыву была непомѣрно накопившаяся вода отъ сильныхъ дождей и растаившихъ снеговъ. Высота плотины

была слишкомъ 60 футъ, но вода шла гораздо выше ее съ необыкновеннымъ стремленіемъ къ тому же вода эта смыла съ высотъ бассейна много земли которая заткнула внизу отворенныя трубы, и наконѣцъ взяла свое, и сначала стѣна начала потрескивать не много, а потомъ съ неимовѣрнымъ шумомъ разрушилась и камни размѣтало повсюду. Теперь составленъ новый планъ плотины и посланъ на разсмотреніе и утвержденіе въ Петербургъ, этотъ будетъ понадѣжнѣе, но зато и стоить будетъ гораздо дорожѣ! Послѣдняя плотина построенная—тоже изъ тесаннаго камня стоила $\frac{26}{т.}$ рублей серебромъ, что судя по огромности работы нельзя назвать дорого.

Ваня твой, теперь сидитъ у моря да ждетъ погоды! Печатаніе перевода его пріостановилось послучаю тому, что вся типографія занята отпечатаніемъ вѣдомостей нужныхъ для отчетовъ по Интенданству! Вотъ до чего доведена проклятая переписка и многосложная бугалтерія, что и Гидрографическое Депо завалено работами по этой части, а прямое свое дѣло должно откладывать! я разрѣшилъ однакожъ выписать еще два стана и тогда можетъ быть будемъ успѣвать и въ томъ и другомъ, остановка эта продлится еще недѣли двѣ, а до того времѣни онъ сходитъ со мною провѣтриться на пароходѣ въ Севастополь, куда и я отправляюсь завтра. Лоція еще не прочитана, несравнена съ картою, а потому и ненапечатана, когда будетъ готова, то и карту Средиземнаго моря (которая тоже еще не окончена) и лоцію къ ней, ты получишь.—Карта готова будетъ нераньѣе Декабря.

. . . . . .

Новаго у насъ ничего особеннаго нѣтъ, кромѣ что работа по Адмиралтѣйствамъ пошла противъ прежняго потишѣ, черезъ непроходъ въ порогахъ лѣсовъ! Жаль что не обратятъ должнаго вниманія на этотъ предмѣтъ, тѣмъ болѣе что обводный каналъ не можетъ стоить очень дорого въ сравненіи съ пользою, которую получитъ отъ того промышленность и торговля не только внутренняя но и заграничная. Надняхъ отпустилъ я отсюда корабль *Ягудіилъ* и фрегатъ *Мидія* совер-

шенно во всѣхъ частяхъ оконченные. Теперь они стоятъ у Очакова и окончательно догруживаются и забираютъ свои вѣщи.—Послѣ этого они пойдутъ въ Севастополь. Поставятъ свои орудія и отправятся для практики и испытанія судовъ своихъ въ морѣ, недѣли на три.

72.

Николаевъ 8 го Декабря 1844.

. . . . . .

Печатаніе Исторіи Британскаго флота—перевода твоего Вани идѣтъ довольно успѣшно инадобно полагать, что въ Мартѣ будетъ совершенно окончено. О гравированныхъ портретахъ многихъ изъ участвовавшихъ въ славѣ британскаго флота лицъ, въ Англію давно уже писано, но отвѣта еще не получено; надобно полагать что украшенія эти для переведеннаго изданія немогутъ стоить дорого, а не менѣе того конечно онѣ придадутъ ему много блеска. Комуже не пріятно увидать физіономію лорда Нельсона, Коллингвуда, С. Винцента Эксмута и многихъ другихъ, которыхъ многіе изъ насъ помнятъ? Нынѣ и на простыя, ничего незначущія картинки, большая пошла мода,—невыходитъ ниодного изданія безъ нихъ.

. . . . . .

Ты спрашиваешъ о работахъ нашихъ въ Севастополѣ?—Онѣ идутъ смотря по получаемымъ средствамъ, довольно успѣшно: Петро-Павловская цѣрковь построенная въ древнемъ Греческомъ вкусѣ (афинскаго Парѳенона) окончена, и съокружающими ее колоннами красуется на высотѣ! Апостолы Петръ и Павелъ въ натуральную величину, изсѣченные изъ мрамора въ Каррарѣ по образцамъ Торвальдсена, украшаютъ ея входъ. Библіотека тоже окончена и довольно изящно—пріятно войти въ нѣе; недостаетъ еще много класическихъ книгъ, но это скоро пополнится. Домъ благороднаго собранія построенъ фасадомъ прямо противъ Екатерининской (не Графской) пристани. Графъ Войновичъ никогда незаслуживалъ, чтобы великолѣпная эта пристань называлась его имянемъ, а дали ей это названіе просто безъ всякаго намѣренія.

Въ прошломъ году она украшена двумя мраморными на пьедесталахъ львами выписанныхъ тоже изъ Каррары, а въ будущемъ лѣтѣ начнется на вѣрху оной постройка колонады, что много прибавитъ къ ея великолѣпію! Постройка дома собранія вчернѣ, окончена; но многое еще остается сдѣлать внутри; денегъ на это не даютъ, и мы всѣ изъ кожи лѣзимъ чтобы внутреннѣе устройство этого зданія соотвѣтствовало наружнему. Много было хлопотъ преждѣ нежели согласились на построеніе этого зданія—и теперь оно еще идетъ подъ названіемъ дома *Общаго собранія флагмановъ и капитановъ*! Это что называется Nickname, а прямое назначеніе его будетъ Naval Club; давно бы пора устроить такое завѣденіе въ Севастополѣ и дать молодежи нашей прибѣжище, гдѣ они могли бы провести время пріятно! Оно удалитъ ихъ отъ кондитерскихъ и трактировъ; а это небездѣлица, какъ для нравственности такъ и самой службы.

. . . . . .

73.

Николаевъ 5 Генваря 1845.

Ты все мечтаешь о будущей славѣ Севастополя, но не все такъ дѣлается какъ хочется! и въ доказательство тому съ 16-го на 17-ое прошедшаго Декабря, прекрасная и благоустроенная наша офицерская библіотека отъ непредвидѣннаго случая и доселѣ неизвѣстной причины—сгорѣла почти до основанія! До слезъ жаль, но дѣлать нечего! Загорѣлось въ вѣрхнемъ этажѣ около 8-ми часовъ вечера, и потому все что въ этой залѣ было—и можно сказать все лучшее, сгорѣло! Большую часть книгъ однакожъ, которыя расположены были въ шкафахъ нижняго этажа, спасли. Но главная бѣда въ томъ, что мы лишились зданія (лучшаго украшенія въ Севастополѣ) стоившаго намъ толикихъ заботъ и издѣржекъ—ибо казна тутъ нисколько, или по крайней мѣрѣ, мало участвовала. Всѣ носы повѣсили! А между тѣмъ въ первомъ этузіазмѣ, предлагаютъ жертвовать всѣмъ что только задушеюзесть, чтобы возобновить зданіе по прежнему! По полу-

ченіи рокового этого извѣстія, я тогда же писалъ Князю и просилъ его ходатайства о помощи отъ Государя, но чѣмъ это отзовется незнаю! Знаю только то, что едва ли можно употребить деньги на болѣе полезное учрежденіе какъ на офицерскую Библіотеку, авось либо Царь смилостивится и тогда мы ободримся попрежнему. Вотъ ужъ лѣтъ 16-ть и болѣе, что въ Севастополѣ ни одного пожара не было—несгорѣла даже ни одна дрянная хата, и надобно же было бѣдѣ этой разрушиться на самомъ лучшемъ въ городѣ зданіи невзирая и на самый строгій порядокъ въ ономъ! 9-ть мѣсяцевъ только, что Библіотека открыта и нельзя было не радоваться тому порядку и благоустройству, которое въ ней царствовало строго наблюдалось; мнѣ случалось видѣть многія Библіотеки, которыя богатѣе нашей книгами, манус-Криптами и пр. Но чтобъ видѣть ихъ въ такомъ изящномъ видѣ какъ бывшая наша, мнѣ не случалось! Лѣтъ бы 10-ть еще, тогда она поравнялась бы съ ними и въ томъ отношеніи. Теперь надобно начинать работу снова, и ожидаю съ нетерпѣніемъ что скажутъ изъ Петербурга? Многое будетъ зависѣть отъ того, въ какой часъ и какъ это доложится!

Насчетъ построенія Храма въ память Св. Владиміра ожидаю рѣшенія изъ Петербурга относительно оцѣнки разныхъ домовъ, которые должно скупить. Деньги на построеніе есть и лѣжатъ въ Одесскомъ Коммерческомъ банкѣ до $\frac{120}{т.}$ рублей серебромъ, которыхъ будетъ достаточно. Нужно сдѣлать только начало и работа пойдетъ быстро. Naval Club надѣемся открыть въ исходѣ этого года если только какія нибудь непредвидимыя обстоятельства тому не помѣшаютъ, покуда все идетъ порядочно.

74.

Николаевъ 31-го Марта 1845.

Давно бы слѣдовало мнѣ отвѣтить на письмо твое любѣзный другъ Алексѣй Антиповичь отъ 10-го Генваря, но что же дѣлать, когда не имѣю времени быть въ перепискахъ столько

аккуратнымъ, сколько бы хотѣлось? благодаря распоряженіямъ бумажныхъ людей, которыхъ въ Петербургѣ въ 100 разъ болѣе нежели собакъ, дѣла у насъ безпрестанно все увеличиваются! Не знаю чѣмъ это кончится, но вижу что скоро надобно будетъ всякую частную переписку съ другомъ и недругомъ прекратить! Иначѣ неминуемо долженъ дѣлать упущенія по службѣ. Библіотека наша сгорела! Да любезный другъ—къ нѣсчастью это правда! Но мы не совсѣмъ же унываемъ, а надѣемся что въ непродолжительномъ времени она опять возобновится въ лучшемъ еще видѣ. Князь Меншиковъ читалъ Государю письмо мое писанное на третій день послѣ горестнаго этого происшествія и онъ сказалъ: «О! непремѣнно надобно помочь ему»—и въ слѣдъ затѣмъ я получилъ предписаніе привести въ извѣстность всю потерю происшедшую отъ пожара и увѣдомить какая сумма потребуется на построеніе вновь, или возобновленіе сгорѣвшей Библіотѣки! Скоро сказка сказывается, но не такъ-то скоро дѣло дѣлается. Казалось бы, долго ли составить новый планъ и смѣту? Но къ сожалѣнію и не малой досадѣ, долженъ сказать тебѣ, что по сіе время ни то, ни другое еще неисполнено, надѣюсь однакожъ, что на Страстной недѣлѣ оно пойдетъ въ ходъ. Если Государь подаритъ на это $\frac{40}{т.}$ серебромъ то съ пожертвованіями нашими, надобно надѣяться, что въ будущемъ году Библіотѣка наша возобновится въ лучшемъ еще видѣ нежели какъ была она преждѣ! Къ щастію надобно сказать; что большая часть великолѣпныхъ шкафовъ и книгъ, необыкновеннымъ усердіемъ офицеровъ спасена или лучше сказать выхвачена изъ огня! Жаль только роскошныхъ паркетныхъ половъ, дверей краснаго дерева и многихъ превосходныхъ вѣщей выписанныхъ изъ Англіи, какъ-то: часовъ, глобусовъ, картъ и пр. и пр.—которыя сгорѣли безвозвратно! Странно что три мраморныя статуи стоявшія на фронтонѣ самаго зданія заказанныя въ Каррарѣ и изображающія: Минерву, Астрономію и Исторію остались совершенно цѣлы!—теперь онѣ смиренно покоятся въ саду покрытыя рогожами! Прежній планъ зданія, нашли нужнымъ измѣнить и нѣсколько увеличить для помѣщенія большаго

числа книгъ,—и это нехудо. Начнемъ снова хлопотать и Богъ дастъ—все сладится!

Въ началѣ лѣта ожидаемъ сюда Генералъ-Адмирала познакомиться съ Чернымъ моремъ и посмотрѣть Черноморскій флотъ нашъ. Для него назначается фрегатъ *Флора* и при немъ пароходъ. Достовѣрнаго ничего неизвѣстно, но поговариваютъ что онъ пойдетъ въ Босфоръ и даже въ Архипелагъ, а въ Августѣ возвратится для соединенія будто бы, съ Государемъ въ Николаевѣ, который обѣщаетъ посѣтить насъ, и что потомъ отправится съ флотомъ въ море, для произведенія разныхъ маневровъ. Я этого небоюсь, а напротивъ очень желаю чтобы намѣренію этому ничто непомѣшало. Надѣюсь, что Государь останется флотомъ доволенъ. Послѣ всего этого, Государь возвратится опять въ Николаевъ (пробывъ разумѣется, необходимое время для осмотра работъ въ Севастополѣ) и къ 5-му Сентября будетъ въ Елисавѣтградѣ на маневрахъ. Такъ какъ новости эти не совсѣмъ вѣрны, то до нѣкотораго времѣни, ты знай ихъ про себя и другимъ не разсказывай. Если Государь будетъ, то въ Николаевѣ спустятся корабль *Святославъ*, корветъ *Калипсо*, бриги *Тезей* и *Птоломей*, и еще до 5-ти мѣлкихъ судовъ; а въ Севастополѣ, фрегатъ *Коварна* и бригъ *Орфей*! Тамъ онъ найдетъ много новыхъ построекъ, какъ равно и въ Николаевѣ послѣ послѣдняго пребыванія его здѣсь въ 1837-м году и надобно надѣяться что останется довольнымъ.

. . . . . .

75.

Николаевъ 3-го Августа 1845.

Давно не писалъ я къ тебѣ любѣзный другъ Алексей Антиповичь и не отвѣчалъ на письмо твое въ которомъ ты такъ сильно изъявлялъ желаніе, чтобы къ изданію переведенному сыномъ твоимъ Ванею, выписать изъ Англіи портреты тѣхъ лицъ, которыя украшаютъ Англійское изданіе. Недостатокъ этотъ я самъ очень видѣлъ, и съ самаго начала печатанія

имѣлъ намѣреніе во что бы то ни стало гравировки всѣ выписать, но по разнымъ непредвидимымъ обстоятельствамъ сдѣлать этого не удавалось; два раза было писано но получались отвѣты неудовлетворительные тѣмъ болѣе, что безъ Англійскихъ подписей оттискивать тамъ долго несоглашались! Теперь дѣло это сдѣлано и въ наступающую осень обѣщали выслать одну гравировку портретовъ безъ подписей, а подписи мы сдѣлаемъ здѣсь по Русски на камнѣ и будетъ хорошо. Карточки могли бы на лѣто гравировать здѣсь, но Ваня твой самъ мало объ этомъ заботился, а теперь и подавно времяни граверамъ не будетъ; впрочемъ ихъ и немного.

Посѣщеніе насъ Генераломъ-Адмираломъ а теперь ожиданіе Государя Императора занимаетъ все мое время и потому легко можно повѣрить что всякая частная переписка отложена въ сторону. Флотъ весь въ морѣ и Генералъ-Адмиралъ тамъ-же на фрегатѣ *Флора*, но пробудетъ при флотѣ недолго. Онъ выдерживаетъ карантинъ на фрегатѣ который окончится 10-го сего мѣсяца. 8-го онъ прибудетъ на фрегатѣ въ Сухумъ-Кале заглянувъ преждѣ въ Варну и нѣкоторыя мѣста на Анатолійскомъ берегу какъ-то: Синопъ, Самсунъ, Вопа и Трабизондъ. Въ Сухумѣ онъ перейдетъ на пароходъ и обойдетъ всѣ укрѣпленія на Восточномъ берегу, пойдетъ въ Феодосію, Керчь и по Азовскому морю до Ростова; оттуда поѣдитъ обратно по прибрежью берегомъ и прибудетъ въ Севастополь гдѣ опять сядетъ на фрегатъ *Флору* и соединится со флотомъ для встрѣчи съ Государемъ, который прибудетъ къ флоту на пароходѣ *Громоносецъ*, флотъ же будетъ тогда крейсировать между мысами Херсонесомъ и Тарханхутомъ, поманеврировавъ со флотомъ нѣсколько часовъ Государь отправится въ Севастополь а флотъ (буде удастся ему) пойдетъ на Рейдъ на другой день гдѣ и произведенъ будетъ Высочайшій смотръ; но все это кончится какъ полагаю я, неранѣе половины Сентября въ самое равнодѣнствіе! Вотъ тебѣ всѣ новости наши! Государь пойдетъ въ Севастополь на пароходѣ изъ Николаева, гдѣ къ сожаленію проведетъ только одно утро! Два дня въ Севастополѣ, а оттудана пароходѣ же, прямо въ Херсонъ, и потомъ уже берегомъ до С.-Петербурга.

Бессарабія еще въ карантинѣ, но выходитъ 10-го и прибудетъ сюда для нѣкоторыхъ исправленій и приготовленія къ сопутствованію Государя. На оба парохода готовятся на шканцахъ рубки которыя если просто сдѣлать то довольно легко, но сдѣлать хорошо и притомъ для помѣщенія Государя, трудно и требуетъ не малаго времяни.—

Вообще надобно сказать что голова кругомъ ходитъ!

. . . . . .

76.

Николаевъ 2 Ноября 1845.

. . . Государь дѣйствительно остался всѣмъ что онъ видѣлъ въ Николаевѣ и Севастополѣ доволенъ, но не менѣе того я сожалѣю о томъ только, что онъ неостался у насъ подолѣе! Что можно видѣть и очѣмъ поговорить въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ? Много у меня приготовлено было о чѣмъ поговорить и что испросить для пользы Черноморскаго нашего флота и портовъ, но часы улѣтели минутами! Флотъ который могъ бы выказать познанія свои въ морскомъ дѣлѣ, Государь видѣлъ въ морѣ не долѣе получаса,—ито, въ тихій вѣтръ! увидѣвъ флотъ подъ всѣми лиселями, онъ сказалъ: «Какая прелѣстная картина! признаюсь что въ первый разъ я вижу суда подъ этими парусами!» — Это доказываетъ нѣкоторымъ образомъ что въ Балтикѣ небольшіе же охотники ставить лиселя — тогда какъ у насъ это ни почѣмъ! да и приучить къ этому небольшая мудрость, — стоитъ только поднять и спустить разъ по двадцати нѣсколько дней съ ряду—и дѣло будетъ въ шляпѣ! я люблю учить людей,—да и какому же морскому офицеру это не весело? Ундеръ-лисели у насъ теперь согласно принятому правилу въ Англійскомъ флотѣ шириною своею составляютъ 2/3 фока, — выстрѣлы сообразно этой величинѣ паруса преогромные, но несмотря на то, ставятся точно также и въ одно время съ Брамъ-лиселями,—нужно только частыя практики—ундеръ-лиселей два комплекта: одни большіе какъ сказалъ я выше, а другіе гораздо по менѣе для свѣжаго вѣтра. По сіе время ты ко-

нечно знаешъ изъ газѣтъ, что Государь изъ Чугуева отправился въ Геную, а по сіе время вѣроятно давно уже какъ съ Императрицею прибылъ въ Палермо и катитъ обратнымъ путемъ въ столицу! Дѣятельность его необыкновенная! Много унасъ было салютовъ и man the yards! билъ тревогу на кораблѣ *12-ти Апостоловъ* и остался въ полномъ удовольствіи отъ такого зрѣлища, которое онъ въ настоящемъ разгарѣ и должномъ порядкѣ, видѣлъ (какъ казалось мнѣ) въ первый разъ—и невольнымъ образомъ сказалъ: «Ну! Этотъ корабль славно откатаетъ своего противника—кто бы онъ ни былъ!» Все это для меня было очень пріятно, но опять повторю сожаленіе свое, что онъ не побылъ у насъ подолѣе! одинъ день въ Николаевѣ и одинъ же день въ Севастополѣ! Чтоже можно было видѣть въ такое короткое время? Когда смотръ еще былъ и войскамъ!

77.

Николаевъ 11 Декабря 1845.

Ты все спрашиваешъ меня чѣмъ въособенности остался довольнымъ Государь? . . . Государь остался всѣмъ что видѣлъ, рѣшительно доволенъ и это видно было на радостномъ Его лицѣ! На кораблѣ *12-ти Апостоловъ* приказалъ ударить тревогу, и подобную штуку въ настоящемъ ея видѣ, казалось мнѣ, онъ виделъ въ первый разъ! онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на живость и проворство людей съ которою дѣйствовали орудіями,—68-ми фунтовыя Бомбическія пушки казались игрушками! я радъ былъ случаю; Тутъ въпервый разъ онъ увидѣлъ, что значитъ въ настоящемъ смыслѣ: Sailtrimers, Fire men и Boarders, — и наконѣцъ что значитъ хорошѣе боевое росписаніе!: Онъ ходилъ по всѣмъ декамъ и особенно долго оставался въ нижнемъ декѣ, — я стоялъ близь Его,— онъ наконецъ невольнымъ образомъ сказалъ: «Ну! Этотъ корабль порядкомъ отдѣлаетъ своего противника, — кто бы онъ ни былъ!» Ты можешъ себѣ представить до какой степени мнѣ пріятно было слышать это! Ночью эскадра вышла въ море и Государь располагалъ дѣлать маневры наслѣдую-

щій день, но къ нѣщастію нашему осмотръ крѣпостей былъ причиною что мы напароходѣ вышли около 2-хъ часовъ по полудни да къ тому же и вѣтръ былъ тихъ! Эскадру встрѣтили мы вѣдвѣ колонны и когда сигналъ былъ сдѣланъ построиться въ линію баталіи по подвѣтренной колоннѣ съ тѣмъ, чтобы это было впереди, и когда навѣтренная спустилась и распушилась (мгновенно можно сказать) лиселями, то Государь невольно вскричалъ «Смотрите, смотрите какой прекрасный видъ! Признаюсь я что столько парусовъ на корабляхъ вижу въ первый разъ! Тутъ я подумалъ себѣ, неохотники же въ Балтикѣ ставить лиселей! а иначѣ Государь непремѣнно бы видѣлъ ихъ, выѣзжая каждое лѣто къ Гогланду на маневры. Надобно впрочемъ правду сказать, что тамъ мало учатъ людей настоящему своему морскому дѣлу,—отъ того и команды теперь стали тамъ дрянныя, а суда, кажется еще того хуже! но объ этомъ довольно, — скоро полночь ипора спать. Карта Средиземнаго моря, иллюминованная, висѣла на роульсахъ, въ депо на стѣнѣ,—Государю она очень понравилась, да и въ самомъ дѣлѣ стоила чтобы похвалить, потому что подобной Гравировки картъ у насъ въ Россіи еще невыходило, да и вовсе карты Средиз. моря не было,—теперешняя же исправлена вовсѣхъ частяхъ по 1845-й годъ,—слѣдовательно она пойдетъ очень надолго, а если гдѣ и откроется какая нибудь банка или прибавится маякъ и тому подобныя мѣлочи, то легко нанести можно будетъ на тѣхъ же доскахъ. Лоція печатается, но медленно, потому что пополняется разными новѣйшими частными извѣстіями изъ Nautical Magazine, Annales Maritimes ипр.— впрочемъ, въ будущемъ Генварѣ будетъ окончена,—и тогда мы можемъ похвалиться порядочнымъ трудомъ особенно при тѣхъ скудныхъ средствахъ въ граверахъ которыми мы пользуемся. Теперь начали гравировать особую карту на большомъ мачтабѣ Адріатическаго моря, и приступили къ описи Мраморнаго моря съ дозволенія и участіемъ при описи Турецкаго Правительства. Когда и эта работа кончится тогда у насъ будетъ вѣрнѣйшія свои карты всего пространства отъ Таганрога до Гибралтара; но на этомъ мы неостановимся;—

если Богъ продлитъ здоровье, то начнемъ гравировать Сѣверный Атлантическій океанъ совсемъ прибрежьемъ Португаліи, Франціи и Англіи; наконѣцъ Англійскій каналъ и потянемся до Архангельска и Балтики; будемъ дѣйствовать покуда силы есть и средства, — теперь я выпросилъ увеличенія штата граверовъ еще четырью, а полагалось только одинъ и помощникъ къ нему! да и при всемъ этомъ, карта Адріатики проработается покрайней мѣрѣ два года! Самая медленная работа да и глаза ненадолго! Портреты Адмираловъ для изданной Исторіи Англійскаго флота изъ Англіи наконѣцъ доставлены въ 500-ахъ экземплярахъ безъ подписей, которыя будутъ дѣлаться по Русски у насъ въ Депо, и коль скоро отпечатаются то на твою долю къ тебѣ вышлются, а ты можешъ ихъ вклеить.

78.

Николаевъ 22-го Генваря 1846.

. . . . . .

На счетъ морскихъ картъ правда твоя, что давнобы слѣдовало заботиться чтобы у насъ карты всѣхъ морей были свои—и это такъ нехитро что стоитъ только пожелать и хоть неочень скоро, но будутъ. Картъ Балтійскаго моря по сіе время еще нѣтъ и Богъ знаетъ когда онѣ еще будутъ! Сарычева карты никуда негодятся и наполнены непростительными ошибками! Изъ новыхъ я видѣлъ только до Ревеля и тѣ мнѣ непонравились, далѣко отъ того что слѣдовало бы ожидать въ теперешнѣе время,—еслибы я имѣлъ поболѣе воли и средствъ, то несомнѣваюсь что часть эта подвинулась бы далеко въпередъ,—нужны только небольшія деньги и желаніе къ улучшенію!—

Случившѣеся съ Ванею на *Бессарабіи* кончилось пустяками, но впредъ ему наука быть болѣе осмотрительнымъ. As an officer in charge of the forecastle his business was to see the foretopsail properly furled before he sent it aloft to be bent, wich was not the case; for it was rolled up, inside out! The mistake was found out when the sail was spread along the

yard, and when the Topmen began to turn it over and shift the Earrings from one yardarm to the other; The Emperor (who was present) demanded what was the reason for all that bustle? Than he was answered that the sail was sent up unproperly rolled up! He immediately laid the blame on the officer, forward, and ordered him to be arrested! and as such arrests are of very little consequence at present, the affair was Soon forgoten and His Majesty, when parting with the *Bessarabia* expressed his pleasure to the captain, all the officersand crew for their gallant conduct during his stay on board and his presence in the Mediterranean.

. . . . . .

79.

Николаевъ 4 Февраля 1847.

Извини любѣзный другъ Алексѣй Антиповичь что такъ долго неотвѣчалъ на письмо твое отъ 20-го Декабря, но это потому болѣе что казалось мнѣ, нечего было писать о случившейся бѣдѣ съ твоимъ Ванею [1]), послѣ послѣдняго моего письма, въ которомъ я извѣщалъ тебя кажется, съ довольною подробностію. Онъ въ дѣлѣ этомъ нисколько невиноватъ, а виноватъ одинъ ледъ который свѣрхъ всякаго ожиданія посѣтилъ его невовремя, изато потеръ ему бока порядочно! Но всѣ поврежденія давно уже исправлены о чѣмъ вѣроятно онъ и писалъ тѣбѣ,—и теперь онъ стоитъ на Рейдѣ въ готовности, для разныхъ посылокъ, а междутѣмъ въ хорошую погоду снимается, выходитъ въ море и практикуетъ свою команду.—На будущѣе лѣто я располагаю послать его вмѣстѣ съ другимъ тендеромъ Лейтенанта Бутакова для составленія подробной лоціи Чернаго моря, которая хотя и есть, но вовсе несоотвѣтствуетъ подробностію и вѣрностію, изданнымъ картамъ, это будетъ и пріятное и полезное занятіе для обоихъ ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и полезное для самой службы.—

. . . . . .

[1]) И. А. Шестаковъ—командиръ тендера *Скорый*.

Прим. Ред.

80.

Николаевъ 3-го Февраля 1848.

. . . . . .

Обѣщаніе твое увѣдомлять иногда что увасъ предпринимается насчетъ мысли объ освобожденія крестьянъ я приму съ особенною благодарностію какъ новость въ теперешнѣе время особенно любопытную.

Great deal of innocent blood has been shed on similar occasions in the differents countries of Europe in former times; but I hope that our government having such dreadful examples in view, will take proper means to deliver our country from Such horrible calamities.

. . . . . .

Your eldest Son, John, has finished his task for last year as well as it could be done. I have perused his composed sailing directions for the south coast of the Crimea and eastern coast of the Black sea, and I assure you that it could not have been done better. Next spring he will continue to verify the surveys of the coast of Anatolia, and if his sailing directions for that coast will be as clearly written as he had done the first, it will be a valuable additional work to our atlas of the Black sea.

Разрѣшеніе на продолженіе описи и составленіе Лоціи береговъ Анатоліи получено и теперь происходитъ переписка министерства Иностранныхъ дѣлъ съ Турецкимъ правительствомъ о дозволеніи на это, и назначеніи на каждый изъ двухъ тендеровъ по одному турецкому чиновнику для содѣйствія при посѣщеніи Анатолійскихъ Портовъ и сношенія съ турѣцкими властями. Офицерамъ и командамъ положено производить двойное жалованье, а первымъ и заграничные порціоны,—это нехудо!—Хорошо еслибы успѣли въ нынѣшнемъ году окончить берега Анатоліи и Румеліи, покуда мы такіе искрѣнніе пріятели съ Турками, а остальную часть береговъ Чернаго моря мы успѣемъ и послѣ. Опись Мраморнаго моря и Дарданеллъ тоже окончится въ нынѣшнемъ

году, покрайнѣй мѣрѣ я имѣю полную надѣжду на это, и тогда, по нашей части мы будемъ, такъ сказать, въ шапкѣ!— Хорошо еслибы столько бы сдѣлали и на сѣверѣ, но къ сожаленію надобно сказать, что опись Баттійскаго моря идетъ крайне медленно. Чегобы стоило кажется копировать лучшія карты Нѣмецкаго моря, Англійскаго Канала ипр. ипр. съ переводомъ ихъ на Русскій языкъ, какъ равно и Лоцій тѣхъ морей, но какъ видно нѣтъ къ тому охоты, а междутѣмъ наши моряки очень и очень въ нихъ нуждаются!

Зима нынѣшняя надѣлала намъ много неожиданныхъ и непредвиденныхъ бѣдъ въ Ново-Россійскѣ. Бывшею бурею или лучше сказать жестокимъ ураганомъ сорвало съ мертвыхъ якорей и выбросило на берегъ въ Ново-Россійской бухтѣ: корветъ *Пилладъ*, бригъ *Паламедъ*, пароходъ *Боецъ* и транспортъ *Гастогай*, а тендеръ *Струя* затонулъ на бриделѣ со всѣмъ экипажемъ!—Подобнаго нѣсчастія никогда еще унасъ небывало, но надобно сказать что и о подобномъ ураганѣ никогда доселѣ не слыхивали! Это случилось 13-го Генваря, и какъ обыкновенно бываетъ въ жестокихъ Вестъ-Индскихъ ураганахъ слышенъ былъ въ воздухѣ постоянный громъ и трескъ уподобляющійся щелканію нѣсколькихъ тысячъ бичей! На берегу сорвало не только всѣ крыши съ стропилами но разрушило многія строенія, стекла въ окна вдавило такъ сказать внутрь!—И къ этому если прибавить еще что морозу было 14°, то ты можешъ представить себѣ положеніе, въ которомъ суда наши тогда находились! Незнаемъ успѣемъ ли спасти которое нибудь изъ потерпевшихъ крушеніе судовъ, но всѣ мѣры какія можно только придумать, приняты.

. . . . . .

81.

Николаевъ 16-го Ноября 1848.

. . . . . .

. . . Яхта *Оріанда* взяла свое, да оно и не могло быть иначѣ, потому, что кто же тамъ сошьетъ хорошія Тендерскія Паруса? и кто укажетъ настоящѣе управленіе тенде-

ромъ?—Когда я посылалъ *Оріанду* въ Кронштатъ (давно мнѣ знакомый) то я твердо былъ увѣренъ въ выиграніи приза,—иначѣ я не послалъ бы ея.—Пословица говоритъ:—что дѣло мастера боится, а въ отношеніи къ морскому и особенно такъ называемому cutter Sailing и подавно,—это тайна, которая для Fresh water bards недоступна!—На другой день по отбытіи *Оріанды* изъ Кронштата посѣтила ея холера которая въ теченіи 4-хъ дневнаго плаванія до Копенгагена выхватила изъ команды ея 3-хъ человѣкъ скоропостижно!—По прибытіи въ Копенгагенъ на ней было до 12-ти человѣкъ зараженныхъ тою же болезнію которые съ переменою Кронштадской воды на вновь налитую въ Копенгагенѣ мгновенно так сказать стали выздоравливать! Полу-Русское посольство наше въ Копенгагенѣ, приняло Унковскаго съ горстью у него бравыхъ людей, самымъ непріязненнымъ образомъ! Недавъ ни малѣйшей помощи; а на противъ, присланъ былъ чиновникъ съ датскимъ офицеромъ объявить ему чтобы онъ убирался куда хочетъ,— и что если немедленно съ якоря неснимется то съ батареи откроютъ по нимъ огонь!—Унковскій непобоялся безразсудныхъ этихъ угрозъ и подтянувшись ближе къ той же батареи послалъ имъ сказать, что пусть они попробуютъ если только осмѣлятся, объявивъ притомъ, что покуда онъ не получитъ воды и необходимой свѣжей провизіи, то съ мѣста не тронется.—Рѣшительный этотъ поступокъ возымѣлъ свое дѣйствіе и ему доставлена была вода и провизія, послѣ чего онъ и ушелъ—Долго ли будутъ назначать этихъ Унгернъ-Штернберговъ и разныхъ Штакельберговъ Россійскими Посланниками, Богъ вѣсть! Но давно бы пора измѣнить это правило и я надѣюсь что низкій поступокъ посольства нашего въ Копенгагенѣ будетъ имѣть не малый къ тому поводъ.—Послѣднее извѣстіе отъ Унковскаго я имѣлъ изъ Плимута отъ 1-го октября и на *Оріандѣ* всѣ были здоровы и попрежнему веселы.—Съ того времени я никакихъ болѣе извѣстій отъ него неимѣю, но надѣюсь что теперь *Оріанда* отъ насъ недалеко.

Флотъ нашъ совершенно готовъ къ выходу въ море по первому повеленію, но получимъ ли таковое повеленіе незнаю

и потому сидимъ попрежнему у моря да ждемъ погоды! А жаль, что прекрасныхъ кораблей нашихъ ни который изъ образованныхъ Европейскихъ флотовъ невидитъ!

Дѣла наши и работы въ портахъ по случаю сумазбродства на западѣ, идутъ теперь медленно да оно и не можетъ быть иначѣ! Все обращено на приуготовленія въ Арміи, которая поглощаетъ неисчислимыя суммы.—Что Богъ дастъ дальше но до сихъ поръ въ Пруссіи и вообще во всей нѣметчинѣ, умы взволнованы до такой степени, что нескоро еще услышимъ о какомъ либо спокойствіи.—Французы начинаютъ уже скучать отъ Революціи и Республиканскаго правленіи, а о бывшихъ происшествіяхъ въ Вѣнѣ ты вѣроятно читалъ.

82.

Николавъ 4-го Февраля 1849.

Отвѣчаю на письмо твое любѣзный другъ Алексѣй Антиповичъ отъ 23-го Декабря и сего же дня посылаю по тяжелой почтѣ на Смоленскъ, переводы твоего Вани, лоціи Архипелага и Средиземнаго моря, (ты когда то изъявлялъ желаніе имѣть ихъ) которыми мы снабжаемъ какъ книгами необходимыми всѣ суда наши отправляющіяся за границу;—въ нихъ, и картахъ этихъ морей мы очень нуждались и ходили такъ сказать ощупью—теперь глаза наши открыты. Невсякой же изъ нашихъ командировъ знаетъ Англійскій языкъ, а безъ него не имѣя переводовъ лоціи на русскомъ языкѣ, трудно плавать! Странно что Гидрографическій нашъ Департаментъ вовсе объ этомъ недумаетъ. Недостатокъ въ Русскихъ изданіяхъ лоцій оказался въ прошломъ году и съ *Оріандой* и если бы не перевели для Унковскаго (который англійскаго языка не знаетъ) наскоро нѣсколько страницъ изъ лоціи Англійскаго Канала, то трудно бы было ему входить въ оный, а еще труднѣе проходить имъ обратно въ позднѣе время года. Теперь зато я помѣшался на лоціяхъ! Лоція Англійскаго Канала съ описаніемъ обоихъ береговъ и портовъ, самая новѣйшая и подробная, переводится и половина уже окончена; лоція Адріатическаго моря весьма подробная же, переведен-

ная съ Итальянскаго языка поступила уже въ печать и надѣюсь что какъ она такъ и прекрасная на большомъ мачтабѣ карта Адріатики, къ Маію мѣсяцу будутъ окончены и выйдутъ въ свѣтъ. Лоція знаменитаго Испанскаго Гидрографа *Тофино*, береговъ Испаніи и Португаліи отъ Байоны до Гибралтара переводится твоимъ же Ваней чѣмъ онъ и занимается теперь въ свободное время при восточныхъ берегахъ Чернаго моря гдѣ онъ находится въ отрядѣ,—эта я полагаю тоже будетъ окончена къ Маю,—и такимъ образомъ мы пойдемъ понемногу вѣпередъ издавая ихъ тогоже формата что и лоція Средиземнаго моря;—окончивъ эти, приступимъ къ переводу лоцій западнаго берега Франціи отъ Ушанта до Байоны, береговъ Ирландіи; Восточнаго и Западнаго береговъ Англіи и тогда весь западный берегъ Европы будетъ морякамъ нашимъ познакомѣе. Хорошо еслибы подражая намъ, Гидр. Департаментъ обратилъ вниманіе на лоціи Немѣцкаго моря, Голландскихъ береговъ, Скагеррака и Категата,—право не грѣшно бы было, да и лоціи самой Балтики издать не худобы было!

На будущей недѣлѣ войду опять съ перепискою къ Титову и буду просить его вразумить турокъ чтобы они согласились на продолженіе описи и составленіе лоціи береговъ ихъ на Черномъ морѣ, т. е. Анатоліи и Румеліи, и если они согласятся вѣчѣмъ я не сомнѣваюсь, то съ Мая мѣсяца два тендера наши по прошлогоднему примѣру отправятся опять на эту работу, зайдя предварительно въ Константинополь для полученія нато фирмана и взятія отъ флота ихъ чиновника, послѣ чего явится въ свѣтъ и лоція Чернаго моря которой до сего времени тоже небыло.—Опись Мраморнаго моря окончена и теперь занимаемся составленіемъ карты изящной отдѣлки, въ томъ видѣ въ какомъ она должна гравироваться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и лоціи, но эта работа продолжится на долго и дай Богъ окончить ее къ будущему году, а потомъ гравировка займетъ года полтора!—Пословица гласитъ: «Скоро сказка сказывается да нетакъ-то скоро дѣло дѣлается»!—Покрайней мѣрѣ то хорошо что не останавливаемся и дѣло идетъ вѣпередъ да вѣпередъ.

Разсужденія твои объ иностранцахъ-воспитателяхъ или лучше сказать о Гувернерахъ и Гувернанткахъ весьма справедливы, но покуда не будетъ образованныхъ и способныхъ нато Русскихъ, трудно безъ нихъ обойтиться, разумѣется должно бдительно наблюдать за ними и выбирать людей благонадежныхъ не торопясь. Русскіе конечно были бы лучше но гдѣ взять ихъ? Если и есть такіе которые могли бы вмѣстѣ съ присмотромъ заповеденіемъ, преподавать и необходимые науки и языки, то ихъ крайне немного! А знаніе Англійскаго и Французскаго языковъ нынѣ также нужно какъ и знаніе математики, и въ этомъ мы можемъ удостовѣриться взявъ въ примѣръ себя.—Недалеко бы мы ушли во флотѣ еслибы незнали Англійскаго языка! Все что только издается о морскомъ дѣлѣ издается по Англійски, а учиться иностранному языку нельзя иначе какъ въ молодости.—За нравственнымъ воспитаніемъ дѣтей мы но возможности наблюдаемъ сами и если Богъ услышитъ молитвы наши то мы надѣемся что они чувствами своими будутъ Русскіе и любить будутъ отечество свое точно также какъ и мы Его любимъ,—покрайней мѣрѣ мы такъ думаемъ и надѣемся!

. . . . . .

P. S. Старый товарищъ нашъ С. Я. Унковской надняхъ выдалъ старшую дочь свою Вѣру, за Унковскаго же, дай Богъ въ добрый часъ.—Получаешь ли ты *Морской Сборникъ*? Если получаешь, то въ послѣднемъ № за Январь ты конечно прочиталъ некрологію А. Моллера, Ал. Дурасова и старшаго учителя нашего Кузнѣцова.

83.

Николаевъ 18-го Ноября 1849.

. . . . . Корабль *12-ть Апостоловъ* накоторомъ въ компаніи нынѣшняго лѣта въ свѣжій Бомъ-брамсельный вѣтръ я догналъ лавировкою прямо на вѣтрѣ бригъ *Эндиміонъ* построенный по знаменитому въ Англіи Waterwitch и если бы онъ былъ непріятель-

скій то для смѣху, а болѣе для удивленія, можно бы напечатать въ газетахъ что огромный 120 пуш. корабль догналъ и взялъ бригъ лавировкою rigbot in the wind's eye наразстояніи 5-ти миль!—рѣшительно можно сказать что другого подобнаго корабля едвали въ какомъ другомъ флотѣ есть. Но буду продолжать разсказъ о спускѣ:—Спущенъ въ то же время 84-хъ пушечный корабль *Чесьма*, пароходъ *Ординарецъ* въ 70 силъ, два транспорта *Прутъ* и *Килія* по 350 тоновъ, транспортъ же *Арагва* въ 250 тоновъ и *Рымникъ*. . . .

. . . . . .

КОНЕЦЪ.

НОВАЯ ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РОАЛЬДА АМУНДСЕНА.

Телеграфное сообщение из Копенгагена от 14 июля приводит краткие сведения о новой полярной экспедиции Роальда Амундсена, намеревающагося на этот раз направить свой путь в Арктический океан. Судя по этому извещению, Амундсен на специально построенном судне *Мауд* уже отправился в порта северной Норвегии, откуда, приняв запасы, намерен направиться на восток, через Карское море, вдоль Сибирских берегов. Войдя у берегов Сибири в полосу арктических льдов, он рассчитывает выйти вновь на свободную воду между Шпицбергеном и Гренландией. К сентябрю Амундсен надеется добраться до льдов, войдя в них восточнее того места, где вошел *Фрам* Нансена, а во время дрейфа через Полярный океан рассчитывает достичь полюса и водрузить там норвежский флаг.

Из этой краткой заметки видно, что план Амундсена является модификацией плана Нансена, который пришел к нему на основании изучения дрейфа полярных льдов в океане. Первым толчком к определению направления дрейфа послужил тот факт, что остатки судна *Жанетта* (Экспедиция де-Лонга в 1879 г.), раздавленного льдами у острова Геральда (у Ново-Сибирских островов) были через три года после ее гибели вынесены льдами к берегам Южной Гренландии. В этих же местах иногда обнаруживался плавниковый лес, несомненно сибирскаго происхождения.

Определив, таким образом, наличие течения от берегов Сибири поперек Ледовитого океана к берегам Гренландии, Фритиоф Нансен на *Фраме* в 1893 году вышел из Варде на восток. Пройдя благополучно вдоль Сибирского берега за м. Челюскин и, не доходя до Ново-Сибирских островов, *Фрам* направился на север и был вскоре зажат льдами. Дальнейший

путь, вместе со льдами, был долгим испытанием для членов экспедиции. Почти после целого года плавания во льдах *Фрам* оказался вновь в расстоянии 150 километров от исходной точки, но дальнейшее показало, что план Нансена в общих чертах был правилен. Общее продвижение льдов было в западном направлении, хотя *Фраму* и не пришлось пройти через полюс. Наибольшая широта, достигнутая судном—85,57° оказалась всего на 7 минут ниже той, которую достиг сам Нансен, покинув свое судно для санной экспедиции к полюсу (он дошел до широты 86,4° Сев.) Как Нансен, так и *Фрам*, почти одновременно, благодаря счастливой случайности, вернулись в 1896 году в Варде, пробыв в отсутствии около 3-х лет. Каковы бы то ни были результаты экспедиции Нансена, но мысль, легшая в основание ее плана, оказалась правильной [1]).

К подтверждению ее приводит нас и известное нам плавание экспедиции Брусилова на *Св. Анне* [2]), которую также от Сибирских берегов (правда, значительно западнее *Фрама*) дрейфовало к Северо-Западу.

Что касается до самого Амундсена, то имя его не нуждается в свидетельствах о его опытности, как полярного исследователя. Участник бельгийской южно-полярной экспедиции, затем посетивший в 1901 году северо-восток Гренландии, он в 1903 году на маленьком парусно-моторном судне *Gjöa* отправился всего с 6-тью ч. команды для исследований в Северо-Американском полярном архипелаге. Благодаря правильному выбору судна ему удалось повторить то, что до него сделал по несколько иному пути Мак-Клюр, и на чем трагически закончила свое существование экспедиция Франклина (1845 г.). В 1851—53 году Мак-Клюр открыл северо-западный проход из Атлантического в Тихий океан,—

---

[1]) Нем. перевод, 2-ое изд. Лейпциг, 1898; Фр. Нансен: «Среди льдов»,—русск. перев. А. Крубера. Москва 1897 г.

[2]) Полярная экспедиция лейт. Г. А. Брусилова на шхуне *Св. Анна*,—прил. къ 4 вып. XXXVIII т. «Зап. по Гидр.», Петроград, 1914; В. И. Альбанов: «На юг к З. Франца Иосифа»,—прил. к 41 тому «Зап. по Гидр.» Петроград, 1917 г.

в 1903—1906 Амундсен на *Gjöa* также обогнул Америку с севера, определив во время этого плавания точное место магнитного полюса.

Наконец, предприняв в 1911 году экспедицию к южному полюсу, Роальд Амундсен 16 декабря 1911 г. первый достиг его, опередив несчастного Скотта всего на месяц. Характерно, что эта последняя экспедиция Амундсена была подготовлена довольно таинственно и опубликованные предварительно о ней соображения говорили о намерении Амундсена направиться на Нансеновском *Фраме* к Северному полюсу (т. е. вероятно то, что он предполагает сделать теперь). Затем Амундсен изменил намерение (если слухи о Северном направлении не являлись умышленной спортивной хитростью (?) и, высадившись на южном полярном материке, достиг Южного полюса. Несмотря на это, мы не думаем, чтобы и в данном случае, сообщенные из Копенгагена сведения являлись мистификацией, ибо, поскольку известно, сейчас у Амундсена нет конкурентов. Весь мир настолько занят войной, грядущим мировым голодом и событиями социального порядка, что стремление к Полюсу, уже кроме того ранее достигнутому, вряд ли может получить широкое распространение.

Е.

НАША ПОЛИТИКА И ВЫСШАЯ СТРАТЕГИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ПЕРЕД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ 1904-1905 Г.

Достигнув берегов Тихого океана и естественного рубежа Амура, Россия стала перед вполне ясной и определенной задачей: закрепить за собой достижения целого ряда поколений, получившие известную законченность, позволяющую подумать и об использовании достигнутых результатов удачных войн и мирных трактатов. К тому же и Крымская война, и общий ход событий в то время наглядно показывали необходимость для нас величайших усилий для обеспечения нашего положения и интересов в Европе, что требовало сосредоточения на последней всего нашего внимания и военной мощи. Завершение многовекового движения на Восток и достижение в этом движении естественных рубежей явилось благоприятным случаем для ограничения дальнейшего расширения в этом направлении и сосредоточения к Европе [1]).

[1]) В обстоятельном докладе, представленном в 1900 г. военным министром А. Н. Куропаткиным и легшем в основу составленного в военном министерстве плана мероприятий на пятилетие 1898—1902 г.г. для дальнейшего усиления нашей армии и увеличения ее боевой готовности, в зависимости от задач, переходящих на нашу армию на XX столетие, проводились следующие основные идеи: 1) Огромная боевая готовность наших соседей при нашей отсталости на западной границе вызывала необходимость ограничиться обороной наших пределов, не налагая на живущее поколение в начале наступающего века выполнения наступательных задач, 2) наша отсталость на западной границе, особенно в железнодорожном отношении, представляла такую опасность, что обязывало насъ главною задачею в начало наступающего века поставить усиление наше на западной границе и 3) что, вообще, Россия не нуждается в дальнейшем увеличении территории на всем огромном протяжении своих границ. Этот доклад, представляющий собой капитальный труд—результат двухгодичной работы, к которой между прочим были привлечены профессора Академии Генерального Штаба Мышлаевский, Золотарев и Гулевич, был основан на научном изучении слагавшейся для нас с вступлением в XX век обстановки и к его выводам нельзя отнестись без соответствующего внимания при оценке нашего общего военного положения перед Русско-Японской войной (Записки Генерала Куропаткина о Русско-Японской войне. Итоги войны). *В. Н.*

Существовавшая в это время на Дальнем Востоке обстановка благоприятствовала решению поставленной задачи. Несмотря на то, что наша дальневосточная окраина, находясь в ближайшем соприкосновении с государствами Дальнего Востока, отстояла на многие тысячи верст от Европейской России— центра нашей мощи, положение наше на этой окрайне могло считаться в значительной степени обеспеченным. Наша сравнительная слабость на берегах Тихого океана покрывалась подобной же слабостью наших соседей, хотя и обладавших богатыми ресурсами, но по характеру культуры и военно-технической отсталости, не могшими явиться для нас серьезными противниками. При наличии подобных условий для закрепления достигнутых нами успехов на Дальнем Востоке являлось неободимым в конце концов выполнение лишь одного требования: сохранять, по возможности, существующее положение вещей, компенсируя соотвествующими мероприятиями неустранимые изменения обстановки в неблагоприятную для нас сторону. До тех пор, пока это требование в полной мере удовлетворялось, для России, собственно говоря, не было и не могло быть дальневосточного вопроса.

К сожалению, сравнительно безмятежное положение дел на Дальнем Востоке продолжалось недолго. К концу восьмидесятых годов XIX столетия совершилось обновление Японской империи, которая решительно вступила на путь европейской культуры. Началось развитие ее промышленности и культуры, мощный рост населения, а также создание вооруженной силы по европейскому образцу. Быстрое и энергичное, всеобъемлющее движение Японии, по новому для нее пути европейского прогресса, принимая во внимание значительность ее естественных ресурсов, явилось столь крупным фактом в общей обстановке Дальнего Востока, что возможность компенсирования связанных с ним изменений обстановки отдельными мероприятиями, даже самыми энергичными, в особенности, при сравнительной слабости наших местных ресурсов, явилась уже совершенно исключенной. Слишком значительный перелом совершился.

В лице обновленной Японии явился новый фактор политической и военной обстановки. Вопрос о безопасности наших дальневосточных владений вступил в новую стадию. Началась новая эра в жизни Дальнего Востока. Для нас, в дополнение ко многим другим, явился дальневосточный вопрос, явился возможный противник в борьбе за наши дальневосточные интересы в лице возрождавшейся Японии. Естественно, что при таком изменении обстановки, формула, которая легла в основу нашей политики на «Спящем Востоке», ввиде полного использования этого сна, уже не могла остаться удовлетворительной для «Пробуждающегося Востока». Создавшаяся обстановка властно требовала перемены курса нашей дальневосточной политики в сторону большей активности и создания военной мощи и военной обстановки, могущих обеспечить наши интересы, прежде же всего безопасность наших владений на Тихом океане.

В момент возрождения Японии, обстановка на Дальнем Востоке слагалась для нас следующим образом: наши азиатские и, в частности, дальневосточные владения, протянулись длинной полосой между Ледовитым океаном на севере, и, главным образом, Китайской империей на юге, вплоть до берегов Тихого океана. Как со стороны Тихого океана, так, до известной степени, и со стороны Китая, с которым наша граница проходила по естественному водному рубежу Амура, мы могли быть спокойны за нашу дальневосточную окраину. Что касается возможного противника—возрождающейся Японии, то последняя представляла собой островное государство, отделенное от наших дальневосточных владений морем. Таким образом, эти наши владения являли собой картину известной территориальной целостности и законченности. Поэтому в основе нашей политики и высшей стратегии на Дальнем Востоке уже не могло и не должно было на будущее время лежать стремление к дальнейшим территориальным приобретениям, при такой нашей территориальной насыщенности, а вся наша забота естественно сводилась к обеспечению

безопасности наших окраинных владений. Таким образом наша задача на Дальнем Востоке являлась определенно *оборонительной*.

Совершенно в иных условиях находилась Япония. Сжатая на своих островах, крайне нуждающаяся в новых землях для избытков своего населения и в новых рынках для своей промышленности, начинающая сознавать свою мощь и несколько даже опьяняться сознанием ее, Новая Япония в основу своей политики была вынуждена положить возможно скорейшее и широкое осуществление своего векового стремления к переносу деятельности японского народа на материк Азии. Таким образом, задача Японии в это время являлась определенно *наступательной*.

Однако, при существовавшей на Дальнем Востоке обстановке при высоко стоявшем престиже России и при наличии отсталых в военно-техническом и культурном отношениях государств, как Китай, всю слабость которого, непостижимую и неучитываемую в полной мере для европейского глаза, легко постигал и оценивал глаз европейзировавшагося японца, и Корея, можно было вполне уверенно сказать, что в то время наши дальневосточные владения ни в коей мере не являлись непосредственным объектом японских стремлений и таким образом, внешне, наступательные задачи Японии не сталкивались непосредственно с обронительными задачами — на Дальнем Востоке—России. Но так ли это было в действительности?.

Когда мы говорим об островном положении государства, мы обыкновенно учитываем те несравнимые преимущества, с которыми связано для государства такое военно-географическое положение. Пример Англии является слишком наглядным, чтобы все выгоды подобного преимущества не были учтены и учитываемы. К сожалению, этот же пример, слишком единичный и своеобразный, благодаря особенностям европейской обстановки, сосредоточил общее внимание на одной стороне медали, оставив в значительном затемнении другую, а именно, вопрос о том, какую роль играет и может

играть, иногда, островное положение государства не для него самого, а для его противника. Этот вопрос остается для нас, привыкших брать за основание, при изучении значения островного положения государства, пример Англии в Европе, в значительной степени в тумане, благодаря, своеобразности положения последней. В самом деле, в Европе, с одной стороны островная Англия, пользующаяся неисчислимыми преимуществами такого своего положения, а с другой—целый ряд континентальных великих милитаристических держав, для которых, для каждой в отдельности, Англия с ее особенным положением является лишь одним из факторов общей военно-политической обстановки.

Между тем представляется совершенно несомненным, что, при наличии известных условий, островное положение государства может иметь исключительно важное значение и быть связано с весьма значительными преимуществами не только для него самого, но и для его противника. Нагляднейшим примером в этом отношении представляется нам положение Японии и России на Дальнем Востоке, существовавшее до войны.

Островная Япония обладала в полной мере всеми преимуществами островного положения, подобно Англии в Европе. В основе этих преимуществ лежала исключительно ценная возможность обезпечения своей безопасности созданием одного вида военной мощи: или флота, способного обеспечить страну от высадки противника, или армии, способной сделать бесцельной и бесполезной подобную высадку, могущую всегда сбить высадившегося противника в море. В то же время Россия, для которой островная Япония являлась на Дальнем Востоке единственным возможным серьезным противником, обладала, благодаря этому последнему обстоятельству, в равной степени теми же преимуществами и прежде всего возможностью также обеспечить свою бозопасность на дальневосточной окрайне империи или созданием только флота, или созданием только армии такой силы, чтобы не допустить появления японцев на материке. При этом в действительности, преимущества России, вытекавшие из островного поло-

жения ее возможного противника, были даже значительно более серьезными, чем преимущества самой Японии, так как только Россия могла в полной мере использовать свои преимущества.

В самом деле, преимущество создания одного вида военной мощи и для России, и для Японии имело место только для обороны. При наступательной, агрессивной политике и высшей стратегии, это преимущество в значительной мере ослаблялось, так как наступление и закрепление на территории противника требовало достаточной военно-сухопутной силы, а возможность переброски последней требовала создания также превосходящего военно-морские силы противника флота. Япония, как мы видели, преследовала чисто *наступательные* задачи, Россия же имела возможность ограничиться *обороной*. Таким образом, в то время, как для Японии естественно требовалось создание и армии, и флота, Россия могла на Дальнем Востоке ограничиться только одним видом военной мощи. При этом необходимо иметь в виду, что Япония не могла, несмотря даже на полное отсутствие на дальневосточной окраине нашей армии, пренебрегать общей военно-сухопутной мощью России и учитывая последнюю, предпринимать на Дальнем Востоке сколько либо серьезные операции с незначительными военно-сухопутными силами. Таким образом, островное положение Японии имело для России исключительно важное значение, давая ей возможность обеспечить свои владения и интересы на этой окраине созданием одного вида военной мощи. Ввиду этого основной задачей политики и высшей стратегии России на Дальнем Востоке должно было явиться сохранение столь благоприятного положения и недопущение утверждения Японии на материке Азии [1]).

[1]) К сожалению, даже в капитальнейшем докладе 1900 г. Военного Министра генерала Куропаткина, на который мы уже ссылались и который лег в основу развития нашей армии перед русско-японской войной, несмотря на научность, основательность и всесторонность разбора слагавшейся к началу XX века политической и военной обстановки, не уделено должного внимания столь важному фактору, как островное положение нашего вероятного противника на Дальнем Востоке – Японии, и не учтены те преимущества, с которыми связано для нас такое военно-географическое положение последней.

Таким образом оборонительная политика и высшая стратегия России должна была быть не пассивно, а активно-оборонительной, при чем задачи России и Японии на Дальнем Востоке оказывались диаметрально противоположными и делали неминуемым их вооруженное столкновение.

Правда в своих «Итогах войны» (Записки генерала Куропаткина о Русско-Японской войне), А. Н. Куропаткин признает, что «в войне с Японией, по преимуществу морскою державой, главное место должно было принадлежать действиям не на суше, а на море. Разбей мы японский флот, война на китайской территории стала бы для японцев невозможною», но признавая это, несомненно, и раньше, он тем не менее подходит к вопросу о флоте не с точки зрения одного из главнейших руководителей нашей высшей стратегии, а с точки зрения только военного администратора. В той же книге А. Н. Куропаткин неоднократно подчеркивает, «что усиление флота за счет сухопутной армии представляется невыгодным и опасным», или, что «чем более отделялось на флот, тем менее сухопутная армия составляла прочный оплот», т. е. рассматривает вопрос о флоте с чисто ведомственной точки зрения Военного Министра, не учитывая возможность для России путем соответствующего усиления своего Тихоокеанского флота, получить возможность сосредоточить внимание и силы армии для обеспечения безопасности Империи с запада.

Он не высказывается в то же время определенно и за сосредоточение задачи обороны Дальнего Востока только на армии и высказывает в своем докладе следующую мысль: «Если усиление нашего флота и в будущем будет производиться за счет приостановки в развитии сухопутной армии, и если усиление войск на восточной окраине будет происходить за счет войск расположенных на западной границе, то несомненно, что соотношение сил и средств наших с германскими и австрийскими, нарушенное уже и теперь не в нашу пользу, будет ухудшаться все более и более». Эта мысль генерала Куропаткина определенно показывает, что он ясно и определенно считался с преимущественным для нас значением опасности с Запада и вполне ясно сознавал второстепенное для нас значение с общегосударственной точки зрения дальневосточного театра.

Таким образом, сознавая, с одной стороны, доминирующее значение флота для борьбы с Японией, как «по преимуществу морской державой», наш военный министр не доходит до логического конца, до само собой напрашивающегося вывода о необходимости предоставить защиту Дальнего Востока флоту, упуская из виду особенности военно-географического положения Японии. С другой стороны, сознавая исключительное значение сосредоточения наших военно-сухопутных сил против опасности с Запада, он не находит в себе решимости, хотя бы исходя из этого сознания, отказаться от усиления нашей военно-сухопутной силы на Дальнем Востоке. И та возможность, которую нам предоставила дальневосточная обстановка, осталась неиспользованной.

Возможно ли было соглашение? Нам кажется, что с точки зрения России соглашение с Японией являлось возможным и крайне желательным, но при непременном условии отказа последней от утверждения на материке Азии. Но было ли приемлемо соглашение на этом условии для Японии? Несомненно, что последняя не могла отказаться от расширения своих владений для удовлетворения потребностей все растущих избытков своего населения. Не могла она также и отказаться от необходимого расширения рынков для сбыта своих товаров. Что касается экономических стремлений обоих держав, то в этой плоскости открывалась полная возможность достигнуть искомого соглашения. К возможно широкому удовлетворению естественных экономических стремлений Японии навряд ли могли встретиться сколько либо серьезные препятствия со стороны России. Но для молодого, чувствующего свою силу, честолюбивого народа удовлетворение экономических требований было явно недостаточно, в особенности при тех действительно серьезных затруднениях, которые испытывала Япония в связи с все растущим населением своих островов.

При таких условиях единственным способом достигнуть соглашения являлось для нас направление территориальных вожделений Японии в другую сторону, подальше от материка Азии. С одной стороны мы могли попытаться увлечь Японию примером Англии, перспективой создания великой колониальной империи. Японии могли быть указаны, как объект для территориального расширения, острова Океании

Это тем печальней, что А. Н. Куропаткин при своем вступлении в исполнение обязанностей военного министра сразу же обратил внимание на то, что «программы для государственной деятельности военного министерства, зависимой от деятельности министерств внутренних дел, финансов и иностранных дел, не существовало и, мало того, в отношении взглядов на наши самые существенные очередные для военного ведомства задачи существовали разногласия во взглядах между бывшим военным министром и его коллегами по другим министерствам. Общности программ между военным и морским министерством также не существовало». Таким образом, придя к сознанию значения высшей стратегии в теории, А. Н. Куропаткин не провел основных принципов ее на практике, в частности, по отношению к Дальнему Востоку. *В. Н.*

и Азии. Но мог ли подобный пример и подобная цель увлечь воображение японцев, несмотря на крайнее воодушевление и опьянение своей растущей мощью—сохранявших холодный рассудок трезвых и дальнозорких политиков и стратегов? К сожалению, нет. Пример Англии, несомненно, весьма соблазнительный сам по себе, не мог увлечь японцев, слишком ясно сознающих, что теперь уже не то благословенное время и не те исключительно благоприятные условия, при которых образовалась великая колониальная Империя Запада. Столь же мало могла увлечь Японию мысль об Океании сама по себе. Бесчисленные острова, разбросанные и разделенные целым сонмом великих держав Европы и Америки, не могли явиться легкой добычей Японии. Масса трудно устранимых препятствий и трудно одолимых затруднений стояли на пути объединения их под властью Японии и в конце концов последнее давало ей все-таки слишком мало, если учесть необходимые жертвы и риск, с которыми неизбежно было связано их объединение. Поэтому возможность увлечь Японию на юг приходилось исключить.

Впрочем, помимо всего прочего, Япония не могла не сознавать, что не в островах, а преимущественно в континентальных владениях кроется на деле мощь и значение Британской Империи. Откиньте Индию, Австралию, Египет и другие владения в Африке и Канаду и что останется от великой Британии?

Поэтому для Японии оставалось только два пути: на Восток, на континент Америки, или на Запад—на родной Азиатский материк. Можно ли было усомниться в ее выборе? С одной стороны Америка и прежде всего естественно и неизбежно, при существовании доктрины Монрое, Соединенные Штаты. Страна чрезвычайной энергии и находящейся в скрытом виде, но несомненно неучитываемо значительной военной мощи. Страна неограниченных возможностей, доказавшая уже в своей истории способность к исключительно упорной и интенсивной борьбе, к импровизации военной мощи и полному использованию для достижения победы своих ресурсов несравненно более значительных, чем те, которыми

могла располагать обновленная Япония. Наконец страна в более полной мере пользующаяся преимуществом «изолированного положения» даже по сравнению с островной Японией, благодаря своему исключительно благоприятному географическому положению между двумя океанами на материке, на котором ее мощь несоизмеримо доминировала над мощью ее соседей. Можно ли было при таких условиях думать о легкости борьбы или просто даже о возможности победы? Можно ли было упустить из виду также и некоторые особые соображения, как, например, возможность вмешательства? Могла ли гордая раса белых допустить, чтобы часть ее попала под ярмо «цветнокожего» противника? Допустили ли бы другие державы—великие державы старого света—разгром заатлантической республики, если-одно появление британского флота в Тихом океане свело бы на нет все победы Японии над англо-саксами Америки и восстановило бы поколебленный престиж белой расы? Все эти затруднения и возможности были слишком ясны и естественны, чтобы остаться неучтенными.

При таких условиях можно ли было допустить, чтобы Япония для всех этих проблематических океанических и американских достижений забыла об исключительно благоприятной для нее обстановке, слагавшейся на материке Азии? Единоплеменные и очевидные для японцев бессильные Китай и Корея. Русская дальневосточная «окраина», но не Россия, которая лежит где то на далеком Западе. Противоположные интересы многих держав, более всего боящихся взаимного усиления и всегда склонных предпочесть территориальное расширение Японии территориальному расширению и усилению держав—соперниц. А в будущем заманчивые перспективы ассимиляции и использования тех войсковых контингентов, которые почти в неограниченном количестве может выставить безчисленномиллионная Азия. Могло ли бы при таких условиях иметь место соглашение? Могла ли при наличии подобной обстановки Япония отказаться от утверждения на материке Азии, равным образом как могла ли Россия

без боя допустить выход Японии на материк? Таким образом обстановка исключала возможность соглашения [1]).

Даже временное отвлечение внимания Японии от материка Азии могло только на короткий срок задержать естественное развитие событий. Столкновение интересов России и Японии являлось неустранимым и мирное соглашение недостижимым.

Сознавая невозможность путем соглашения заставить Японию отказаться от ее тяготения к утверждению на материке Азии, Россия должна была или примириться с активностью Японии в этом направлении, сохраняя за собой свободу действий, или вступить с нею в борьбу. Мы уже обрисовали те совершенно исключительные преимущества, которые вытекали для России из островного положения Японии. Теперь отметим только в какой степени эти преимущества были важны для России. С одной стороны дальневосточная окраина Империи, весьма значительно удаленная от центра наших интересов и нашей мощи, являлась столь ценной, что обеспечение ее безопасности нельзя было не признать исключительно важным. С другой—всякое выделение вооруженных сил на эту удаленную окраину должно было ослабить наше положение в центре, почему необходимость величайшей

---

[1]) Мы не можем в этом вопросе согласиться со взглядом высказанным M. René Pinon в его книге «Origines et resultats de la guerre Russo-Japonaise»

Если бы для Японии утверждение на материке Азии не являлось наиболее естественной и заманчивой целью, могла бы быть речь о том, чтобы увлечь Японию мыслью о господстве на Тихом океане и перспективой колониальных приобретений на Юге. Эта задача была бы тем легче, что мы, как признает господин Pinon не стремились к господству на океане, будучи предназначены и преднамечены к владычеству безграничными равнинами центральной Азии. При таких условиях была бы полная возможность соглашения и даже союза России и Японии, избравших разные цели и не имевших что делить. Но на деле обстановка слагалась иначе. Не господство на океане само по себе влекло неудержимо Японию, а господство над многомиллионной Азией. Господство на океане не цель, а средство, для обеспечения проникновения на материк Азии, для обеспечения связи японцев на материке с родиной. В этой плоскости Россия и Япония не могли не столкнуться.

экономии в средствах и силах на Дальнем Востоле являлась совершенно очевидной. Поэтому существовавшая для нас, в связи с дальневосточной обстановкой, возможность надежного обеспечения безопасности наших владений на Тихом океане при минимальных затратах, путем создания лишь одного вида военной мощи, имела для нас исключительно важное значение и всякие изменения подобной обстановки в неблагоприятную для нас сторону, должны были встретить с нашей стороны совершенно определенное и энергичное сопротивление.

Таким образом Россия должна была всеми силами и средствами противодействовать появлению Японии на материке Азии. С одной стороны в этом направлении должна была действовать политика, с другой—высшая стратегия.

Политика наша на Дальнем Востоке должна была прежде всего стремиться к недопущению Японии на материк Азии, видя в этом основную свою задачу. В виду того, что территориальные стремления Японии на материке прежде всего и непосредственно угрожали интересам Китайской империи и в особенности Корее, задача нашей политики в значительной степени облегчалась. Совпадение наших интересов с интересами наших соседей на Дальнем Востоке создавало благоприятную почву для совместных с ними действий и для естественного с ними союза, крепость и надежность которого обеспечивалась общностью интересов. Такая возможность являлась для нас весьма ценной, так как обстановка, слагавшаяся на нашей дальневосточной окраине делала нашу изолированность в области дальневосточной политики бесцельной и нежелательной. Мы могли или действовать в союзе с Японией, или в союзе с Китаем. Союз с Японией, как мы это уже установили, являлся для нас невозможным. Следовательно естественно выдвигался на первое место союз с Китаем.

Прошлые взаимные отношения, громадная общая граница, громадная взаимозависимость интересов и, наконец, значи-

тельность выгод, которые и нам, и Китаю могли дать, при существовавшей обстановке, военно-политический союз, все это делало подобный союз естественным и необходимым для обеих сторон. От нас потребовался бы отказ от территориального расширения в сторону Китая, т. е. отказ от того углубления на юг, за естественный водный рубеж Амура, которое при слагавшейся на Дальнем Востоке обстановке и без того являлось для нас нерациональным и опасным по крайней мере до полной ликвидации японской опасности. Что касается преимуществъ стратегического и экономического характера, которые мы могли получить путем такого союза, то в этой области только ловкостью нашей дипломатии ограничивались те возможности, которые открылись бы для нас в Китае в случае подобного союза.

Русско-Китайский союз сразу создавал благоприятную обстановку для нашей высшей стратегии и стратегии на Дальнем Востоке и заключением такого союза политика в значительной мере облегчила бы их работу.

Но заключением союза с Китаем не должна была закончиться работа нашей политики. Возрождение Японии и рост ее военной мощи происходило с такой энергией и быстротой, что для нас представлялось крайне важным, хотя бы временное отвлечение внимания и сил Японии на лежащие вне сферы наших интересов объекты территориального расширения и возможное затруднение работы японской дипломатии, как в Китае и Корее, так и в Европе и в Америке. Одним словом представлялась весьма важной возможная задержка опасной для нас работы японского народа. Естественно, что одновременно с выполнением этих основных своих работ, наша политика должна была с величайшей бдительностью наблюдать за ходом событий на Дальнем Востоке и прежде всего устранять и предотвращать возможность какого бы то ни было вооруженного столкновения Японии с другими государствами Дальнего Востока. В этом направлении она должна была быть преисполнена величайшей решимости, так как всякое подобное вооруженное столкновение в результате могло создать благоприятную обстановку для утверждения Японии

на материке Азии. Ни одного японского солдата на Азиатском материке—должно было быть лозунгом нашей политики на Дальнем Востоке [1]).

Союз с Китаем должен был иметь для нас весьма важное значение и в другом отношении, помимо достижения главной цели. Новая Япония, которая являлась нашим очередным противником на Дальнем Востоке, обладала по сравнению с неисчислимым Китаем лишь весьма незначительными ресурсами. Пример Японии показывал возможность пробуждения и других государств Дальнего Востока, пробуждения неожиданного и по своим последствиям возможно катастрофического. Возможность такого пробуждения мы безусловно должны были иметь в виду и учитывать между прочим и по отношению к Китаю, перспектива пробуждения которого не могла не являться для нас несравнимо более значительной и грозной, чем пробуждение Японии. С этой точки зрения союз с Китаем должен был дать нам следующие преимущества: 1) Союз этот затруднил бы возможность пробуждения Китая под влиянием Японии и объединения желтой расы с Японией во главе и 2) он дозволил бы нам быть в значительной мере осведомленными в жизни Китая и влиять на ход событий в

---

[1]) Заключенное нами, в результате вмешательства, в пользу Китая, в условия Японо-Китайского мирного договора, после войны между этими государствами, соглашение с Китаем, основанное на началах взаимного обязательства защищать друг друга и Корею, в случае нападения японцев на наши Тихоокеанские владения, на Китай или на Корею (так называемый Московский договор) могло бы лечь в основу такого союза с Китаем, и при соответствующем дальнейшем развитии и соответствующем направлении дальнейшего течения нашей дальневосточной политики, принести исключительную пользу. Но наша политика, вступив на некоторое время на правильный и самостоятельный путь, не смогла окончательно эмансипироваться от вредного влияния ошибочно ведомой высшей стратегии и скоро, к сожалению для России, слишком скоро отклонилась от этого пути. Увлечение идеей необходимости незамерзающего порта, привело нас к занятию и аренде Порт-Артура и Талиенвана и, разрушив всю предшествующую работу нашей политики, поставило нас лицом к лицу с враждебной Японией и, быть может не менее враждебным, после крушения своих надежд на Россию, Китаем. *В. Н.*

Небесной империи, направляя таковые в возможно большем соответствии с нашими интересами.

Первой задачей нашей высшей стратегии по отношению к Дальнему Востоку должно было явиться определение характера вооруженной силы, создание и развитие которой, на удаленном от центра дальневосточном театре, должно было бы обеспечить безопасность нашей окрайны и не допустить появления на материке Азии японской армии. При всестороннем рассмотрении этого вопроса необходимо было учесть следующие обстоятельства: 1) создаваемая военная или военно-морская сила должна была быть настолько значительной, чтобы лишить Японию возможности утвердиться на материке Азии, 2) создание избранного вида военной силы и дальнейшее ее развитие должно было протекать в условиях, обеспечивающих сохранение превосходства в силах над вероятным противником даже при наличии самого интенсивного соперничества в вооружениях, 3) создаваемая на окраине военная сила могла бы быть, в случае надобности, использована для борьбы и в Европе с наибольшей пользой и 4) потребность в косвенных расходах на оборону должна была быть доведена до minimum'а.

Учитывая все эти обстоятельства, нельзя не придти к выводу, что наиболее целесообразным решением поставленной задачи явилось бы создание соответствующей военно-морской силы, которая в большей степени и с возможно меньшими на нее затратами могла обеспечить безопасность наших дальневосточных владений, чем армия. В самом деле, создание необходимо мощной армии требовало наличия соответствующе значительных ресурсов на месте, главным обазом ресурсов комплектования и пополнения ее при мобилизации, между тем их то у нас на этой окрайне и не было. Во всяком случае, даже и для будущего времени, возможность для нас соперничать с Японией в значительности ресурсов комплектования военно-сухопутной силы на Даль-

нем Востоке представлялась, в лучшем для нас случае, весьма сомнительной. Между тем сравнительная слабость нашей военно-сухопутной силы на столь удаленной окраине лишь в весьма незначительной степени могла быть компенсирована нашими силами в Европе, благодаря чрезвычайной трудности организации потребных сообщений и значительности необходимых для этой цели затрат. Поэтому содержание на Дальнем Востоке даже максимально-возможной военно-сухопутной силы не обеспечивало решения поставленной высшей стратегии задачи. К тому же нельзя было чисто психологически не учесть и того обстоятельства, что сила армии, исчисляемая обычно численностью людей, не производит на многомиллионном Востоке того впечатления, как неучитываемо значительная для Азии мощь современных боевых судов квинт-эссенции военно-морской техники Запада.

Остановив свой выбор на флоте, мы оказались бы в несравнимо более благоприятных условиях, так как при сосредоточении всего нашего внимания на Тихоокеанском флоте, мы имели возможность рассчитывать на необходимо значительное превосходство на море над нашим вероятным противником-Японией. Такое превосходство обеспечивало нашу окраину, лишало Японию возможности перебросить свои военно-сухопутные силы на материк Азии, делало нас особенно ценными союзниками для Китая, исключая для него необходимость, при наличии союзных отношений с нами, развивать и модернизировать армию и, наконец, даже в случае войны в Европе, наличие у нас сильного Тихоокеанского флота также могло бы принести определенную, в зависимости от обстановки, пользу. Вообще создание и развитие флота требовало от нас больше денег, чем людей. В этой плоскости нам легче было соперничать с Японией, чем в обратной. Наконец, союз с Китаем облегчал работу нашего флота и создавал, в случае необходимости, благоприятную обстановку для его операций. Если же мы подчеркнем и возможную быстроту доведения нашего флота до необходимо значительных размеров, то все преимущества создания военно-морской силы для обеспечения безопасности нашей дальневосточной окрайны станут настолько

значительны и наглядны, что естественный и соответствующий обстановке выбор сделается совершенно бесспорным.

Скажем еще несколько слов о соединении наших владений на Тихом океане с Европейской Россией железнодорожным путем. Такое соединение имело несомненно весьма важное значение прежде всего для использования всей Сибири и нашего Дальнего Востока. С военной же точки зрения одна, а тем более одноколейная железная дорога, вполне могла бы удовлетворить, в случае войны, потребности флота, но была бы совершенно недостаточна для нужд армии. Сооружение же необходимо значительной сети путей сообщения в Сибири и на Дальнем Востоке при том общем положении, в каком находилась в отношении оборудования железными дорогами даже Евопейская Россия, являлось невозможным в сколько либо короткий срок, а затяжное сооружение стратегической сети железных дорог должно было только раньше вызвать взрыв и побудить Японию к ускорению осуществления ее агрессивных планов [1]).

Таким образом основанием политики и высшей стратегии на Дальнем Востоке должны были явиться следующие положения:

1) При наличии нашей территориальной насыщенности и достижения на Дальнем Востоке естественных рубежей, наша задача на этой окраине должна была выразиться в обеспечении безопасности наших дальневосточных владений, при отказе от тенденции их дальнейшего расширения.

---

[1]) Так, наша отсталость на Западной границе, особенно в железнодорожном отношении, представляла такую опасность, что обязывала нас главною задачею в начале наступающего (XX) века поставить усиление наше на Западной границе (Записки генерала Куропаткина о Русско-Японской войне. Итоги войны). Возможность при таких условиях необходимо значительного развития железнодорожной связи России с Дальним Востокомъ нельзя было не считать совершенно исключенной. *В. Н.*

2) Основным условием безопасности наших дальневосточных владений, при существовавшей на Дальнем Востоке обстановке, должно было явиться сохранение Японией характера островного государства и недопущение утверждения ее на материке Азии.

3) Возможность достижения указанной цели, путем соглашения с Японией, должна была быть признана невозможной, в виду отсутствия компенсаций, которые были бы достаточны для достижения добровольного отказа нашего вероятного противника от весьма заманчивого для него проникновения на материк Азии.

4) Для обеспечения достижения поставленной цели наша политика должна было создать благоприятную обстановку для высшей статегии и стратегии заключением союза с Китаем.

5) Высшая стратегия должна была сосредоточить внимание и напрячь все средства для соответствующего развития нашего тихоокеанского флота.

При успешном выполнении политикой и высшей стратегией поставленных им задач, спокойная и мирная работа русского народа на тех громадных пространствах, которые кровью и потом, мужеством и умом многих поколений русских людей отмежевала себе Россия за Уралом, была бы обеспечена. Союзная с Китаем, доминирующая над Японией мощью своего флота, Россия могла бы играть на Дальнем Востоке и Тихом океане великую и решающую роль. Выгодное положение на азиатском Востоке укрепляло бы авторитет России в Европе, не ослабляя при этом ее военной мощи на Западе. Учитывая мировую обстановку и ведя мировую политику и высшую стратегию, Россия могла бы быть вполне удовлетворена созданием на Дальнем Востоке обстановки, обеспечивающей ее местные интересы и безопасность ее владений от местных противников и соперников.

В том же случае, если бы на Дальнем Востоке начали действовать вразрез интересам России или угрожать ее безопасности не дальневосточные державы, то борьба с ними и обеспечение от их покушений наших интересов и безопас-

ности наших владений уже не укладывалось бы в рамки местной борьбы на отдельном дальневосточном театре военных действий. Наоборот, в зависимости от характера и серьезности этих покушений борьба с подобными противниками должна была бы вестись не в узких пределах дальневосточного театра, а на всех театрах, на которых ее допускала бы и делала целесообразной существующая обстановка. Поэтому подготовка к борьбе, как политическая, так и военного характера, с такими случайными противниками и соперниками не входила и не должна была входить в специальную область дальневосточной политики и высшей стратегии.

Вот как рисуется нам положение на Дальнем Востоке, если бы политика и высшая стратегия России на дальневосточной окраине стояли бы на должной высоте и с полной согласованностью и целесообразностью, в соответствии с обстановкой, защищали ее интересы. Однако на деле этого не было, и мы постараемся обрисовать характер событий на Дальнем Востоке, действительно имевших место и благодаря тяжелым ошибкам нашей политики и высшей стратегии приведших Россию к расплате 1904—05 годов.

Мы не можем не привести здесь выборки из весьма характерного и в высшей степени беспристрастного и правдивого описания событий на Дальнем Востоке, предшествовавших войне и подготовки России и Японии к этой войне в политическом отношении, помещенного в I-ой главе тома I работы военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны 1904—05 г.г. — «Русско-Японская война 1904—1905 г.г.»

«Обороняясь в XVI и XVII столетиях на Западе, Московское государство продолжало безостановочно продвигаться на восток. Это движение привело русских людей прежде всего

к общению с Китаем, затем в XVIII веке—к сношениям с Японией, наконец в 1860 г., после Пекинского договора, отдавшего нам весь Южно-Уссурийский край, к соседству с Кореею. Таким образом далекая от нас окраина, связанная с остальною империею лишь силою договора, оказалась в ближайшем соприкосновении со всеми тремя государствами Дальнего Востока.

Первое время можно было, однако, не беспокоиться за участь этой окраины. Слабость России на берегах Тихого Океана покрывалась или такою же слабостью соседей, или их спокойствием. Вместе с тем здесь отсутствовали пока и те русские интересы, которые с такой настойчивостью выдвинулись на берегах Тихого океана потом, когда явилась потребность в незамерзающей гавани, и в железнодорожном пути, способном связать Приамурский край с остальной Империей. Но подобное безмятежное положение дел на Дальнем Востоке продолжалось сравнительно недолго.

Совершившееся к концу восьмидесятых годов XIX столетия обновление Японской империи, начавшееся развитие ее торговли и ее природных богатств, могучий рост ее населения—сейчас же вызвало собой и накопление сил, требовавших исхода. Необходимо было найти новые земли для избытка населения, новые рынки для японских товаров, новые успехи для приобщения молодой империи к семье великих мировых государств. В результате Япония решила выступить на Дальнем Востоке в самой активной роли и сейчас же осуществить свое вековое стремление к переносу деятельности японского народа на ближайший материк.

Почти одновременно с этим на той же арене Дальнего Востока начала, повидимому, изменяться и роль старого Китая.

В своем соперничестве с Россией Англия и Германия успели выдвинуть его вперед, как своего будущего союзника, и под влиянием их забот в Китае тогда же началось преобразование местных войск, появились иностранные инструкторы, предпринята постройка железных дорог, в том числе

и той, которая, направляясь от Пекина, должна была через Гирин и Хунчун прорезать всю Манчжурию вплоть до залива Посьета.

Наконец, в те же дни на Тихоокеанском побережье стали с особою силою возникать и чисто торговые многомиллиардные интересы европейских держав и Америки.

При таких условиях Россия уже не могла оставаться в прежнем спокойном и отчасти беспечном положении. Рождалась настоятельная необходимость в немедленном усилении нашего военно-морского положения на берегах Тихого океана. Для этого требовалось прежде всего соединить Владивосток железнодорожным путем с сердцем Империи, затем увеличить на Дальнем Востоке и наши сухопутные, и наши морские силы. Но усиление наших экскадр на Дальнем Востоке обязательно требовало какого нибудь нового порта, который, в противоположность Владивостоку, не замерзал бы круглый год и лежал бы на берегах открытого океана, не легко запираемого нашим будущим врагом.

Подобную гавань можно было найти или на Маньчжурском, или на Корейском побережье. Поиски в первом направлении приводили нас к столкновению с Китаем, поиски во втором— к борьбе с Японией. Последняя была связана с Корейским полуостровом целым рядом исторических воспоминаний, над которыми несомненно с еще большею силою тяготели причины экономические, стратегические и торговые. Япония мечтала воспользоваться Кореею, во 1-х, как районом, куда можно перебросить излишек своего населения, во 2-х, как страною, которая благодаря своим природным богатствам могла пополнить имевшийся в Японии недостаток питательных продуктов, в 3-х, как тою территориею, с занятием которой Япония могла приостановить дальнейшее распространение на юг Российской Империи, господствовать над путями к Пекину и в любое время запереть главнейший выход из Японского моря.

Наряду с прокладкой железнодорожного пути и приобретением незамерзающего порта, России было необходимо исправить на Дальнем Востоке и свою государственную границу.

Очертания последней были неудобны, пользование Амуром обеспечено не было. Он являлся не внутренним путем, а каким то наружным рубежом, в любой точке своего течения доступным удару соседа. Стремление же исправить границу выдвигало вперед вопрос о Маньчжурии. Последняя имела для нас еще и ту ценность, что была для Приамурского края главнейшим поставщиком жизненных припасов. Ее значение для нас возросло, когда она, кроме того, должна была явиться еще и районом, по которому намечался кратчайший путь из Забайкалья в Приморскую область [1]).

Осуществление предстоявших нам на Дальнем Востоке задач сейчас же вызвало здесь крупную тревогу среди наших ближайших соседей. Заволновался Китай, подучаемый нашими европейскими врагами, заволновалась и Япония, решившаяся сейчас же, как только началась в 1891 году постройка Великого Сибирского пути, насколько возможно полнее использовать те дни, пока паровоз русской железной дороги еще не задышал у корейской границы.

За это время ей надлежало бесповоротно утвердить свое влияние в Корее и появиться на азиатском материке. Все это в свою очередь приводило Японию к борьбе с Китаем, который на основании исторического прошлого всегда считал Корею своим вассалом и в период начавшихся на Корейском полуострове в 1894 году беспорядков отправил туда для усмирения восставших часть своих Печилийских войск.

19 июля 1894 года война Китаю была объявлена, а 8 марта 1895 года, после целого ряда японских побед и успехов, начались переговоры о мире. По договору, заключенному

[1]) В этом вопросе не безынтересно отметить, что А. Н. Куропаткин, как военный министр, даже после занятия нами Порт-Артура и Талиенвана и решения вопроса о спрямлении Сибирской дороги, высказал взгляд, несколько отличный от приводимого в цитируемой выборке из истории войны, а именно, в своих записках (Итоги войны) он говорит (излагая содержание своего доклада 1900 года) следующее: «Несмотря на более активные действия с нашей стороны и совершившийся захват в сферу нашего влияния всей Маньчжурии, надлежит признать, что мы ныне вполне довольны нашею государственною границею с Китаем и изменение этой границы, например, присоединение к территории России тех или других частей Маньчжурии, представляется вполне нежелательным». *В. Н.*

5 апреля в Симоносеки, Китай признавал независимость Кореи, уступал Японии о. Формозу и Пескадорские острова и часть полуострова Лаотонга, уплачивал ей военное вознаграждение в 200 миллионов лан и предоставлял различные торговые льготы».

Таким образом рисует наша официальная история ход событий на Дальнем Востоке до Японо-Китайской войны. Прежде чем рассмотреть в какой мере работа нашей политики и высшей стратегии за это время соответствовала тем основаниям, которые мы выше наметили и которые, по нашему мнению, должны были быть положены в основу ее работы, посмотрим, вообще, в какой мере последняя была рациональна и целесообразна. Для этого прежде всего определим ту цель, которую преследовала на Дальнем Востоке наша политика и высшая стратегия и затем уже рассмотрим в какой степени ее работа была целесообразна и соответствовала существовавшей обстановке.

Целью политики и высшей стратегии, вообще, является обеспечение безопасности государства и охрана его внешних интересов. В отношении данного случая должно прежде всего отметить, что в вышеприведенной выборке из работы Военно-Исторической комиссии по описанию войны подчеркивается отсутствие вначале русских интересов, «которые с такой настойчивостью выдвинулись на берегах Тихого океана потом, когда явилась потребность в незамерзающей гавани, и в железнодорожном пути, способном связать Приамурский край, с остальною Империею». Таким образом вся задача нашей политики и высшей стратегии на Дальнем Востоке, до этого момента зарождения наших дальневосточных интересов, сводилась к обеспечению безопасности наших владений на берегах Тихого океана. С точки зрения последней, когда было отмечено возрождение Японии и быть может начало общего пробуждения Дальнего Востока, для нас явилась необходимость, согласно той же истории войны, в соединении Владивостока железнодорожным путем с сердцем Империи,

в увеличении на Дальнем Востоке наших сухопутных и морских сил и в приобретении для последних незамерзающей гавани. Но раз наши интересы на Дальнем Востоке «с настойчивостью» выдвинулись именно в связи с потребностью в незамерзающей гавани и железнодорожном соединении Приамурья с остальной Империей, т. е. с мерами прежде всего имевшими в виду обеспечение безопасности нашей дальневосточной окраины, то нам кажется возможным принять, что наши интересы на Дальнем Востоке, вообще, прежде всего были связаны с обеспечением безопасности наших владений на берегах Тихого океана, к чему в общем и сводилась задача нашей дальневосточной политики и высшей стратегии.

Таким образом основная цель нашей политики и высшей стратегии на Дальнем Востоке заключалась в обеспечении тех владений, которыми мы там обладали. Теперь посмотрим в какой степени целесообразна и рациональна была наша работа в этом направлении. Сначала рассмотрим работу нашей политики. К сожалению, с момента начала возрождения Японии, мы не видим ее самостоятельной и планомерной работы. Нашу политику увлекает и подавляет высшая стратегия. В результате она не направляет работу высшей стратегии, не указывает ей задачи и не создает общей благоприятной обстановки для ее работы, а разве что ограничивается содействием высшей стратегии в отдельных частных вопросах, не считаясь с возможными последствиями своих действий не только военного, но и чисто политического характера. Поэтому, в виду подобного отсутствия самостоятельности в работе политики, приходится рассматривать ее работу не самостоятельно, а в связи с работой высшей стратегии.

Что касается нашей высшей стратегии, то последняя, с самого начала не составила себе ясного представления о своей задаче и не учла своеобразности сложившейся на Дальнем Востоке обстановки и тех преимуществ, которое давало

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Хотя формально мир еще и не заключен, но уже нет и не может быть никаких сомнений в том что война окончилась. 52-х месячная небывалая и неслыханная борьба, охватившая собою всю планету, заставившая мир остановить свою продуктивную деятельность, направив все целиком силы и все средства индустрии, транспорта и политики к умерщвлению одних людей другими,—эта борьба исчерпала теперь самое себя и подошла к финалу очевидно и бесповоротно.

Борьба не может продолжаться я потому чтовесь боевой стан одной из враждующих сторон разгромлен, брошен на землю, обезоружен, деморализован и дезорганизован самым совершенным и законченным образом. Германия и ее союзники потеряли абсолютно все возможности сопротивления до такой степени, что оказываются ныне вынужденными принять любые—даже неисполнимые условия мира. Небывалая война оканчивается небывалым разгромом.

Могущественнейшая военная организация армии и флота; изумительная стойкость и дисциплина нации; тщательно проведенная в жизнь и заблаговременно организованная подготовка войны в стратегическом, военном, хозяйственном и административном отношениях; результатом этой подготовки—тысяча и одна победа; результатом этих побед—полное и всеисчерпывающее поражение, вдруг и внезапно осознанное вчера еще гордым победителем.

1918-й год закончил собою ту беспокойную и тревожную главу истории, которая началась 18 января 1871 года, когда в зеркальном зале версальскаго дворца неожиданно заблистала новорожденная императорская корона, украшенная рыцарской цепью Черного Орла.

Испуганная и удивленная Европа увидела в этот год среди доминирующих над нею серых фабричных труб высоко поднятое знамя асканийских герцогов средневековья. Герольды торжественно провозгласили зарождение новой религии железа и крови. У подножья молодого трона встали на стражу старинные призраки, одетые в латы и шлемы со сверкающими гербами. Перед укреплявшейся уже в то время демократией девятнадцатого века развернулось изумительное зрелище императора, окруженного блестящей свитой королей, графов, князей, баронов, и заявляющего о своем божественном праве стоять во главе страны, которая будет во главе мира.

Этот анахронизм дополнялся видением воскреших валкирий, которые своей мистической боевой песнью заглушали свист заводских гудков, рев маховиков, приводов и стук стальных молотов по кузнечным наковальням.

Казалось, что старое, давно забытое и похороненное в пыли манускриптов библиотечного музея,—вдруг неожиданно воскресло. И не только воскресло, но еще и въявь дерзко подняло свой грозный меч над новым миром. Шелест тяжелых шелковых складок на знамени Генриха-Льва, лязг рыцарских лат, топот росбаховских коней великого Фридриха, рев осенних пушек Седана и высокомерные речи Мольтке ночью в Доншери—сложились здесь в одну симфонию, величавую, грозную и властную. Над небом Европы засверкали те звезды, которые по мнению ученых историков давно уже должны были находиться под горизонтом. Отжитые легенды внезапно обрели действенность. То, что на первый взгляд казалось мечтою или сном, стало ко всеобщему ужасу и смятению выявлять все симптомы настоящей реальности. Призраки деловито уселись за бухгалтерские книги, вошли на заводы и чертежные мастерския, взялись за молоты, стали строить огромные океанские пароходы, двенадцатидюймовые орудия, фабрики, паровые прессы и железные дороги. Они произвели подсчеты военных и морских программ и деятельно начали осуществлять их. Они послали своих торговых агентов, банкиров, дипломатов и коммивояжеров за границу, и заставили там работать для осуществления

своей мечты. Они заговорили с трибуны рейхстага, и речи их были дельны.

Они оказались на кафедрах университета, у печатных станков типографии, в редакциях газет и журналов. И все, и вся работа их непреклонно, упрямо сосредоточенно, настойчиво и энергично направлялась в одну сторону, в одно устремление — Германия, под верховным главенством почти божественного императора на троне, по ступеням которого стоят подчиненные ему вассалы, должна повелевать миром. Рыцарство не умерло. Не отжило своей роли. Не исполнило еще своего великого предначертания. Оно должно возродить мир и вернуть его, совращенного в болото демократических затей, на правильный путь. Такова воля германского бога. И валкирии громко пели миру свою о том песню.

В 1914 году призраки решили, что день настал и что под грохот чудовищных орудий, под стон и вопли великого кровавого боя откроется возможность повернуть назад колесо истории человечества. Должно совершиться чудо.

Но чудо, как мы то теперь знаем, не совершилось. Колесо повернуть не удалось.

Сегодня мы ясно видим, что хотя мир формально еще и не заключен, но уже нет и не может быть сомнения в том что война окончилась, потому что она потеряла свой смысл; потому что колесо истории с удвоенной силою устремилось вперед; потому что грандиознейшая мечта величайшего безумия рухнула; потому что призраки могли надеяться только на быстроту и внезапность своей атаки; потому что после первой же неудачи, обрекшей их на длительность войны, фантастический план сразу оказался приговоренным к фиаско; потому что в политике не бывает чудес воскресения, и история никогда не идет назад: потому что даже самые смелые и дерзкие призраки бессильны свергуть реальность созревшую и современную. Власть Вотана давно окончилась и этот могучий некогда бог—уже век тому назад умчался в какие то надзвездные миры со всем своим славным воинством. Его гордым неистовым дечерям нечего было делать в XX веке. Они должны были улететь. И действительно валкирии улетели.

Они улетели бесповоротно и окончательно. Тревожная и беспокойная глава истории, начавшаяся в 1871 году, закончилась, и перед нами теперь новая глава, в преисполненный тайны первый лист которой сосредоточенно вперило лихорадочные воспаленные глаза уставшее после своей великой судороги человечество.

Мы не знаем, что будет написано на этом первом листе, и не имеем ни права, ни намерения занимать наши страницы пророчествами. Как бы обоснованы ни были теперь предсказания, все-равно они останутся недостоверными перед лицом предстоящих великих изменений. Однако, для вдумчивого наблюдателя уже и сегодня есть полная возможность проставить на этом белом листе некоторые несомненные точки будущего силуэта.

С категорической несомненностью мы вправе сказать во первых, что Германии Вильгельмов I и II завтра не будет и значит не будет того беспокойнаго соревнования в морских и военных вооруженнях, которое являлось главным фактором европейской и отчасти мировой политики в довоенное время. Если мы вспомним все сложнейшие перипетии политики военных программ с их парламентской борьбой, интригами, чудовищными бюджетами, с огромной военной промышленностью, с ежегодными хроническими отзывами миллионов людей от продуктивной работы к обязательной службе под знаменами и гафельными флагами, со всеми драмами секретной службы и с головокружительными арабесками внешнеполитических осложнений,—то пожалуй облегченно вздохнем, сознавая сегодня, что эпоха этого соревнования окончилась потому что окончилась Германия Вильгельмов I и II.

Разумеется, мы никоим образом не имеем в виду утверждать, что после заключения мира не будет вообще никаких больше вооружений, что крепости будут срыты, мечи перекованы на орала, армии сведутся к полиции, и эскадры к таможенным флотилиям. Для такого оптимизма пока еще нет оснований. Однако, мы знаем, что эпоха напряженного милитаризма, которая в сущности говоря, началась в своем настоящем виде только после 1871 года и которая своей причиною имела

германское действие и противодействие ему—эта эпоха, как таковая, исторически окончилась сегодня и завтра не начнется по той простой и всеисчерпывающей причине, что вчерашней Германии завтра не будет.

Для наших морских профессиональных интересов это обстоятельство имеет очень большое значение, так-как оно—уже одно и само по себе—предопределяет значительное успокоение той лихорадочной военно-морской строительной работы, в которой мы жили целыми годами до войны.

Вопросы о содержании морских программ утратят свою остроту. Боевые флоты утратят то первостепенное значение, которое они имели в общегосударственной политике. Внимание к военно-морскому делу ослабится. Довольно вероятным представляется, что боевые флоты выиграют в качественном отношении и резко потеряют в количественном. Заботы о непременном увеличении численности людей, проходящих службу во флоте заменятся заботою об увеличении знаний и морского опыта людей, находящихся на службе—надо думать, что немногочисленные и сокращенные в судовом составе боевые флоты будут в главной массе своего личного состава комплектоваться людьми специально посвящающими себя профессиональной службе на военном корабле; всеобщая воинская повинность начнет играть для военно-морского дела значительно меньшую роль. На ряду с этим можно предвидеть еще одно обстоятельство: военные флоты (особенно в таких государствах как Россия) постепенно будут сближаться с флотами торгового мореплавания путем непрестанного обмена людей—боевой флот от времени до времени будет отпускать своих офицеров и матросов для службы на торговых кораблях. Пожалуй что, не совсем лишенным основания было бы даже предположение о возможности учреждения единой общей администрации военного и торгового флота на подобие того, как сие было устроено и до войны в Италии и во Франции.

Правдоподобие наших предположений подтверждается не только неизбежностью факта ослабления морских международных соревнований, но еще и соображениями фискального

свойства, которые после тяжелой и раззорительной войны окажутся на первом месте всех государственных планов. И наконец, — the last, but not the least — надо думать, что предстоящий мирный конгресс сумеет установить такие нормы внешней мировой политики и создаст такую внешнеполитическую обстановку, при которой опасность новых вооруженных столкновений будет значительно ослаблена для ближайших по крайней мере лет.

С точки зрения военно-морской географии, перемены будут конечно огромными. На Балтийском море появится новая морская держава, Польша с базами в данцигской бухте, Гданском (любопытно, что немцы уже и в настоящее время пользуются названием *Гданск* для Данцига), Пиллау и Эльбингом. Россия повидимому сохранит свои побережья, курляндское, лифляндское и эстляндское; что касается северного берега Финского залива, то по этому поводу сказать что-либо определенное пока еще трудно.

Военно-морское положение Германии в южной и западной части Балтики, так же как и в Северном море, будет резко ослаблено; Кильский канал вероятно окажется демилитаризованным; укрепления на Гельголандской позиции, судя по частным сведениям, будут срыты; судовой состав боевого флота, естественно уменьшившийся за время военных действий, еще уменьшившийся по условиям десятого пункта договора о перемирии, потерею ряда боевых единиц будет дальше опять и опять уменьшен в силу натуральных условий фиска: содержание сколько нибудь значительного флота окажется совершенно не под силу Германии, раззоренной и ввергнутой в бездну катастрофической государственной задолженности. Уже в настоящее время, нами получены известия о том, что после подписания перемирия, германское правительство сделало распоряжение о выходе из отечественных баз для сдачи следующих судов: корабли *Маркграф*, *Кениг*, *Гроссер Курфюрст*, *Кайзер*, *Кайзерин*, *Кениг Альберт*, и *Фридрих-дер-Гроссе;* линейные крейсера *Дерфлингер*, *Гинденбург* и *Зейдлиц;* крейсера *Нюренберг*, *Кельн*, *Дрезден*, *Франкфурт*, *Бремен*, *Карлсруэ* и *Альтбруннен*; кроме того,

50 эскадренных миноносцев новейшего типа и все подводные лодки. Таким образом, мы действительно имеем дело с настоящим и полным разгромом великой вчера еще морской силы фатерланда. Восстановление этой силы в сколько-нибудь ближайшем времени очевидно будет невозможно. Германия фактически выходит из состава великих морских держав.

В Средиземном море, исчезнет австрийский флот по той причине, что уже окончательно исчезла сама Австрия, как государство; существовавшие доселе боевые единицы габсбургских эскадр (по крайней мере, новейших типов) выданы союзникам и останутся в составе их флотов; базы в Триесте, в Поле и в Фиуме будут переданы юго-славянам и отчасти Венгрии; побережье восточной Адриатики частью окажется в руках новой морской державы, Сербии, а частью войдет в состав венгерской территории и частью в состав территории организующегося юго-славянского государства.

На востоке Средиземного моря, насколько мы можем судить, произойдет резкое усиление морского (военного и торгового) влияния Франции за счет бывшего турецкого и германского влияния; проливы Босфора и Дарданелл, демилитаризованные, останутся официально в руках турок, но будут открыты для плавания торговых и военных судов всех наций. Без особенного греха в сторону чрезмерного оптимизма, можно полагать, что через несколько лет русское морское влияние (опять-таки, и торговое, и военное) на восточной части средиземноморского бассейна вполне определенно займет доминирующее положение. Черное море окажется колыбелью возрождения и расцвета будущего русского флота и русской морской торговли.

Обращаясь теперь к другим сторонам предстоящей мировой морской обстановки, мы прежде всего должны констатировать наличие всех данных к обоснованному предсказанию об исключительно могучем росте сил, средств и влияния флотов по ту сторону Атлантики и по обе стороны Тихого океана: Соединенные Штаты Северной Америки и Япония усилятся на морях настолько же, насколько ослабленною выходит ныне

из войны Европа. Военно-морская и морская-хозяйственная мощь мира уже переместилась из баз нашего континента и в дальнейшем только укрепится на своих новых позициях. По этому поводу небезынтересно отметить любопытнейшее мнение, высказанное с самой полной откровенностью одним из влиятельнейших публицистов западной Европы: ...«Виды Великобритании на будущее печальны. Соединенное Королевство вступило в великую европейскую войну, стремясь к тому чтобы уничтожить тягостного для нее конкурента на мировом рынке, но кончать войну англичанам приходится при возникновении гораздо более серьезного и могучего соперника»... «Соединенные Штаты Северной Америки безусловно развиваются в первоклассную военную державу. Внутренние условия в стране для этого развития существовали уже очень давно: многочисленное народонаселение, на редкость цветущая промышленность и благоустроенные финансы Штатов ясно предопределяли для нее возможности любой ligne de conduite направленной к океанской гегемонии. С постройкой Панамского канала, Соединенные Штаты Северной Америки безусловно отошли от своего прежнего положения державы исключительно американской и сразу заняли видное место между государствами, стремящимися к всемирному господству. Теперь, после своего вступления в войну, Соединенные Штаты Северной Америки стремительно шагают вперед по пути милитаризма. Созданный и все усиливающийся североамериканский боевой флот на океанах Атлантическом и Тихом—никак не может уже считаться флотом предназначенным для целей мирной, пассивной или только оборонительной политики. Последняя цель этих грозных эскадр лежит само собою разумеется вне морей омывающих побережье Штатов».

Характерно, что именно в настоящее время, когда война окончилась и когда общественное мнение мира склоняется в сторону идеи о возможном сокращении военных расходов—Штаты именно в настоящее время проводят у себя новую программу боевого судостроения, включая в нее срочную постройку ряда крупных кораблей.

Неосторожным было бы сомневаться в том, что Америка готовится теперь принять из рук Англии ее вековое наследие Нельсонов и Коллингвудов морское и значит мировое могущество. Сиявшее со времен Фемистокла над нашим маленьким материком солнце—тускнеет. Взамен того ярко разгораются лучи солнца на той стороне Атлантики. Европа отходит на задний план сцены. Америка решительными шагами выходит к самой рампе. Судьба повидимому призывает Вильсона осуществить ту странную мечту, которую в начале 18 века Фонтенелль вкладывал в уста Монтезумы на остроумных страницах «Dialogues des morts». В этих диалогах старик Фонтенелль заставляет несчастного последнего властелина мексиканского государства Анагуака меланхолично вздыхать перед Кортецом: «Ah! Que n' avions-nous des vaisseaux pour aller découvriz vos terres et que ne nous avisions-nous de décider pu'elles nous appartenaient»!

Теперь, эти американские корабли для открытия и завоевания Европы нашлись, и если им не пришлось фактически открывать материка Европы, то по крайней мере они оказались в состоянии создать такую военную, политическую и хозяйственную обстановку, при которой Америка безусловно получает возможность завоевывать Европу столь же полно, сколь Кортец завоевывал Америку. Разница будет только в форме делопроизводства. И, разумеется, иго будет легче. Некоторые знающие люди утверждают даже, что это иго будет благо, а результаты окажутся в конечном итоге прямо-таки благоприятными для новооткрытого материка Европы. Американский гений при всей своей деловитости и кажущейся сухости,—сантиментален. Древний завет Помпея «самое счастливое государство, это то, которое имеет своей границею справедливость»,—этот завет решительно популярен среди государственных деятелей и в общественном мнении Штатов...

На ряду с несомненным ростом мировой мощи Северо-Американских Соединенных Штатов нужно также отметить и неизбежный рост мощи другой тихоокеанской державы. Япония сумела самым широким образом проэксплоатировать

выгоды обстановки, создавшейся для нее за то время, когда народы Европы настойчиво занимались взаимным истреблением друг друга.

Умною, сосредоточенною и энергичной политикой транспорта и морской торговли Япония достигла того, что уже начиная с 1915 года она достигла исполнения своей самой заветной мечты, а именно превращения японского пассивного торгового баланса с баланс активный с резким превышением стоимости экспорта над стоимостью импорта.

Если в 1913 году японцы ввезли в свою страну товаров на сумму в 729.000.000 иен, а вывезли с островов всего только на 633.000.000 иен, то сие печальное соотношение между экспортом и импортом, начиная с 1915 года, являет картину уже совершенно отличную. Действительно мы видим, что положение японского внешнего товарообмена определяется здесь следующими в высшей степени интересными цифрами:

Стоимость в миллионах иен:

	Ввоз.	Вывоз.
1914 г.	595	591
1915 г.	532	708
1916 г.	756	1.127
1917 г.	1.036	1.603

Следующие любопытные данные показывают нам картину, как именно развивался внешний торговый оборот Японии за три отчетных года войны и как распределялись вывоз и ввоз товаров между различными странами и рынками островного мореплавания:

Европа.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость товаров в миллионах иен).	
1915 г.	126	79
1916 г.	216	103
1917 г.	335	82

Австралия.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость в миллионах иен).	
1915 г.	25	32
1916 г.	38	47
1917 г.	39	39

Северная Америка.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость в миллионах иен).	
1915 г.	212	104
1916 г.	356	206
1917 г.	496	362

Южная Америка.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость в миллионах иен).	
1915 г.	2	3
1916 г.	3	7
1917 г.	8	15

Азия.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость в миллионах иен).	
1915 г.	341	301
1916 г.	505	368
1917 г.	704	475

Африка.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость в миллионах иен).	
1915 г.	2	6
1916 г.	10	9
1917 г.	21	39

Вышеприведенные цифры заслуживают самого серьезного внимания. Особенно интересно резкое повышение японского экспорта в Азию; здесь Япония стремительно завоевывает рынки Китая (увеличение экспорта за три года выражается тут переходом от цифры в 141 мил. иен к цифре в 318 мил. иен), Гонконга, британской Индии, Филиппинских островов и Голландской Ост-Индии. Почти везде в Азии страдающим лицом оказывается союзная с Японией Великобритания. Япония богатеет за ее счет.

Нельзя не придать весьма большого значения и тем цифрам, которые относятся к японо-европейскому товарообмену. В то время как по сравнению между 1915-м и 1917-м годами мы видим рост японского импорта достигающим едва трем миллионам иен,—рост экспорта выражается огромной разницей между цифрами в 126 и в 335 миллионов иен. Особенно резко увеличивает Япония свой вывоз в Англию, Италию и во Францию.

В высшей степени знаменательным приходится признать и тот факт, выясняющийся из анализа самого товарообмена, что Япония ввозит к себе главным образом сырье, а вывозить—фабрикаты. Основным объектом японского импорта в конце концов оказывается железо. На Островах, как известно руды собственной нет. Вот главное горе Японии. Тщетно пытается она восполнить этот недостаток и внести сюда корректив разработкою рудников в Корее—дело это встречает ряд препятствий и подвигается вперед слишком медленно. И вот мы видим, что японцы вынуждены увеличить ввоз железа за три вышеуказанных года *в три раза*. Этот громадный рост потребности в железе объясняется прежде всего *необходимостью увеличить судостроение*.

Успешность развития судостроения предопределит успешность развития всего народного хозяйства страны. Япония должна строить морские суда. Но главным затруднением тут будет недостаток собственной руды. Руду надо выписывать. Но вывоз руды из других стран оказывается далеко не простым делом. Тут недостаточно отправить заказ и перевести соответствующий вексель. Надо получить еще разрешение

правительства той страны, которое может продать японцам нужное для них железо. А разрешение это дается не всегда легко, просто, и не всегда даром.

В этом отношении характерна история недавнего американо-японского договора о морских делах. Япония выработала чрезвычайно солидную программу судостроения для своего торгового флота и энергично принялась за ее выполнение. Программа сия была намечена в размере 600.000 тонн ежегодно. Собственное производство стали (включая корейскую добычу) достигает только 80.000 тонн. Сталь надо значит выписывать. Откуда? По условиям международного рынка в данный момент продавать сталь японцам может главным образом Америка. Но правительство Штатов отнюдь не расположено покровительствовать японской судостроительной индустрии. Скорее наоборот.

В ответ на усиление японского спроса на сталь вашингтонское правительство издает закон о запрещении вывоза стали. Чтобы выйти так или иначе из тяжелого своего положения японцы принимают самые решительные меры к увеличению собственной добычи железа. На ряду с этим они стараются переходить к деревянному судостроению. Но это конечно—не есть радикальное разрешение вопроса. Для радикального разрешения его Япония вступает в дипломатические переговоры с правительством Соединенных Штатов. Америка, оказывается, согласна разрешить вывоз стали в Японию, но за это требует, чтобы токийское правительство увеличило количество тоннажа представляемого Японией державам Согласия. Япония предлагает 150.000 тонн. Америка признает эту цифру недостаточной. Переговоры не удались.

Несколько позже Соединенные Штаты соглашаются возобновить переговоры и в силу некоторых соображений военной транспортной политики, делают известную скидку со своих первоначальных требований. Япония вынуждена изъявить согласие и только этой крупной ценою она получает разрешение на ввоз американской стали, столь нужной для ея судостроения.

Вот—слабое место японской экономики и, значит, японской политики. С ним стране Восходящего Солнца приходится считаться теперь и придется считаться всегда до тех пор, пока человечество будет нуждаться в руде для удовлетворения своих хозяйственных потребностей, для добычи энергии необходимой к поддержанию и развитию его жизни, для созидания силы и для осуществления фантазий своего честолюбия. Здесь—граница, здесь—неустранимое затруднение, здесь—досадные, но несбрасываемые путы на ногах.

Это конечно очень обидно, но тем не менее японские государственные люди, оценивая всю совокупность внешней обстановки, не имеют причин особенно сетовать. В прибыльном столбце общего бухгалтерского расчета Япония имеет огромные плюсы. И говорить не приходится об исключительной выгодности географического положения Островов, аналогичного таковому Англии. Вместе с тем серьезнейшему учету должны подлежать спесифические свойства национального характера островитян с его выдающимся трудолюбием, энергией, настойчивоссью, выносливостью в работе и—главное—способностью к систематическому проведению в жизнь намеченных мероприятий.

Однако, и география, и духовные качества расы, смогли проявить себя только в тот момент, когда обстановка оказалась к таковому проявлению благоприятной. Европейская война создала эту благоприятную обстановку. Поскольку европейская конкуренция создавала препоны японскому обмену, индустрии и транспорту, постольку японское народное хозяйство не могло сдвинуться с точки своего стояния и не могло приобрести нужных запасов промышленного и финансового капитала. Европейская конкуренция временно прекратила за годы войны свое задерживающее влияние, и японцы с изумительной энергией использовали благоприятную для себя обстановку.

Не надо думать, что окончание войны остановит начавшееся развитие японской промышленности и транспорта. Легкомысленно было бы надеяться, на то что Европа сумеет вернуть потерянное. Япония стала твердой ногою на захва-

ченных ею позициях, и с них не сойдет—она имеет теперь полную возможность оставить за собой и право на путь, и привиллегию продвижения по нему. То что Европа потеряла—она потеряла. То что приобрела Япония—сохранится за нею.

Токийское правительство отлично отдавало себе отчет в том, чего не хватало народному хозяйству страны для того чтобы сойти с мертвой точки и начать эволюцию развития. Оно отдавало себе отчет и в трудностях устранить существующий недостаток. Когда началась великая война, то открылись новые возможности, исключительно благоприятные, но неповторимые больше. Их надо было решительно и энергично использовать или же—если бы они остались упущенными—отказаться уже навсегда от всякого политико-хозяйственного и военно-политического тщеславия. Правительство Японии не имело намерения отказываться и потому начало действовать. Результаты его работы превзошли все ожидания. Европейская война сегодня заканчивается под знаком великого и, если можно так выразиться,—принципиального усиления страны Восходящего Солнца. Эта страна теперь, в первый раз за всю свою историю, превратилась в страну Солнца Взошедшего.

Усиление мощи Японии на ряду с усилением американской мощи—вот главные результаты Европейской войны, если в их числе не считать приобретения Европой новых страниц великолепного эпоса и новых сверкающих лавров на золотом венке военной славы. Впрочем, по мнению некоторых оптимистов, в числе результатов войны надо учитывать еще исцеление нашего материка от опасной болезни, которою он был болен последние пол-века, и в связи с этим исцелением—надежду. Быть может, это и так, и обоснованную исцелением надежду действительно следует также числить в списке результатов войны, но о надеждах пока они не оформлены рассчетом и планом—говорить вперед не следует.

Борис Доливо Добровольский.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИННОМ КЛАССЕ ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ.

В декабре месяце текущего года предполагается открытие в Петрограде минного класса высшего командования (б. Минный офицерский класс), с прохождением полного курса теоретических и специально-минных наук по программам мирного времени. Хотелось бы, поэтому, поделиться с читателями «Морского Сборника» теми впечатлениями, которые я вынес в 1914 году, в качестве слушателя последнего перед войной полного теоретического курса минного класса и изменениями в прохождении специальных предметов, которые, на мой взгляд, необходимо сделать особенно теперь, в связи с общей реформой учебного дела во флоте.

Все пожелания мои можно разделить на две большие группы. Одна — касается постановки всего учебного дела, вообще, порядка прохождения курса и тех изменений, которые необходимо было бы сделать как в программах теоретических и специальных предметов, так и в самом характере обучения; другая же — имеет в виду чисто организационную сторону дела и касается необходимых изменений в распределении времени занятий и репетиций, настоятельной необходимости увеличения всего срока обучения, обезпечения материального положения слушателей, организации гимнастической комнаты и общежития для слушателей, и т. п. вопросов, имеющих, однако, несомненное значение, в смысле влияния на продуктивность обучения.

Останавливаясь на рассмотрении постановки всего учебного дела, вообще, должен сказать, что она обладала одним общим и столь обычным у нас недостатком, а именно—схоластическим

характером, недопускающим активного участия в прохождении курса индивидуальных сил и способностей обучающегося состава. Слушатель был больше всего на положении школьника и меньше всего — на положении студента; слушатель должен был только *присутствовать* на занятии, и самое большее, что от него требовалось, *за немногими*, правда, исключениями, это—на практических занятиях механически разбирать и собирать изучаемый им прибор, механически собирать схемы и *механически же* снимать и вычерчивать графики. И это «механическое» и чисто школьническое отношение к делу происходило не от недостатка времени, которое давалось ему на практические занятия, а именно от характера прохождения курса, от того, что занятия обычно велись совершенно вне всякой зависимости от подготовки самого слушателя, вне зависимости от того, уяснил ли данный слушатель сущность изучаемого явления и понимает ли он, что от него требуется.

Вот почему слушатели и по окончании выпускных экзаменов из класса продолжали чувствовать себя школьниками, и это чувство оставалось в них надолго, пока жизнь не давала случая самостоятельно поработать над каждым вопросом. И вот почему я считаю необходимым коренное изменение характера обучения, в сторону увеличения его активности, при непременном условии широкого использования индивидуальных сил и способностей каждого слушателя. В работу слушателей необходимо внести возможно больший элемент личной инициативы и самодеятельности и, тем самым, в значительной степени оживить курс и повысить его коэффициент полезного действия.

Думаю, что осуществить это отдельно по каждому из проходимых в классе предметов возможно было бы нижеследующим путем:

Электричество. При прохождении курса электричества, на ряду с практическими работами, носящими характер вычислений, рассчетов и построения кривых и график, во вторую половину года, когда курс уже будет подходить к концу, необходимо дать возможность *самим* слушателям проделать

во время вечерних практических занятий ряд наиболее важных и интересных опытов, в целях наиболее рельефного и наиболее глубокого уяснения ими сущности явлений. Для этой цели заведующий физическим кабинетом класса мог бы в продолжение всего учебного года вести запись опытов, возбудивших во время демонстрации их слушателям особый интерес. Мне думается, что к подобного рода опытам в первую голову могли бы быть отнесены:

1) исследование взаимодействия проводников с током,

2) исследование магнитного поля магнита и проводника с током,

3) индукция в кольце, вращающемся в магнитном поле,

4) магнитный гистерезис,

5) токи Фуко,

6) распределение потенциала и тока при прохождении постоянного тока по проводнику, представляющему собою тонкий металлический лист, длиною и шириною порядка нескольких фут,

7) исследование явлений электрической индукции,

8) опыты с электростатической машиной,

9) опыты с поющей дугой,

10) исследование конденсаторов,

11) осциллограф: влияние емкости и самоиндукции и т. д.

Кроме того, необходимо уделить ряд практических занятий по электричеству на приготовление самими слушателями несложных приборов; так например, желательно было бы выполнить такие работы:

1) устройство электростатической машины,

2) устройство конденсаторов.

3) изготовление индукционных катушек,

4) навивка катушек самоиндукции и испытание их (определение цены одного витка самоиндукции в начале навивки и в конце ее),

5) устройство гальванических элементов и исследование их, при сочетании любых гальванических пар,

6) устройство и исследование аккумуляторов,

7) приготовление электролитической ванны и гальванопластика,

8) устройство и исследование телефонов и микрофонов и т. д.

Все это должно способствовать тому, чтобы слушатель больше освоился и с приборами и с изучаемыми явлениями. Вместе с тем, и характер постановки опытов должен быть изменен, в сторону меньшего «священнодействия» с редкими и дорого стоющими приборами и большей, я бы сказал, «демократизации» науки.

Электротехника. По электротехнике каждому слушателю за время всего учебного года должна быть дана специальная домашняя работа—«Проект электрической установки современного линейного корабля или крейсера», при чем слушатель должен спроектировать схему всей электрической установки определенного корабля, по определенным заданиям, в круглых цифрах произвести рассчет магистралей, цепей, определить необходимое число и мощность динамо и двигателей, и нанести все полученные данные на схематическій чертеж корабля, пользуясь общепринятыми условными обозначениями.

Работа эта должна быть выполнена к определенному сроку и представлена для просмотра и исправления ее преподавателю.

В конце года каждой смене слушателей должно быть дано несколько часов практических занятий для воспроизведения на деле части подобной схемы одной из работ (т. е. части магистрали, с разветвлениями для питания цепей освещения, прожекторов, электродвигателей и т. д.). Схема должна быть собрана при участии всей группы слушателей, без каких либо указаний и помощи со стороны преподавателя или инструкторов. В заключение должно быть выполнено включение собранной схемы в главную цепь и пуск в ход всех механизмов.

Работа каждой смены должна подвергнуться детальному критическому разбору схемы преподавателем.

Кроме того, считаю, что было бы весьма полезно пополнить электротехнический кабинет класса разрезными моделями частей динамо, электродвигателей и других электромеханизмов, внутреннее устройство которых недоступно непо-

средственному рассмотрению. Это способствовало бы более детальному ознакомлению с изучаемым прибором и последний не пугал бы слушателя на экзамене своим блестящим черным, непроницаемым для глаза, лакированным корпусом. По этим же соображениям, обычные практические работы слушателей по электротехнике желательно было бы дополнить такими работами, как замена сгоревшего магистрального предохранителя, замена сгоревшей секции обмотки динамо или двигателя, ремонт коллектора (обточка, замена пластины, устранение внутреннего замыкания и т. п.), ремонт сгоревшего реостата, рассчет реостата для данной цепи, разборка, сборка и установка на фундамент динамо-машины, перемагничение динамо, и т. п.

Должен добавить, что все это направлено отнюдь не к усложнению программы, и имеет единственную цель—углубление и расширение получаемых при прохождении курса практических знаний.

Минное дело. По минному делу в конце учебного года каждым слушателем должна быть представлена одна из нижеуказанных работ:

1) проект усовершенствования какого либо прибора, мины заграждения, или проект новой мины;

2) описание какого либо прибора по минной части (у которого такого описания нет), с подробным указанием назначения частей прибора, разборки, сборки и приготовление его к действию; (в настоящее время такия описания могли бы быть составлены напр. для мины особого назначения, для малой мины типа «Р», типа «С», для защитника, и т. п.);

3) назначение и использование мин особого назначения; тактические требования, предъявляемые к минам активных и маневренных заграждений; характеристика мин заграждения; и т. п.

4) разбор достоинств и недостатков в развитии какой либо отрасли минного дела, в сравнении с тем, что имеется в иностранных флотах и с указанием на ряд возможных усовершенствований.

Преподаватель руководит выбором той или иной темы и составляет заранее список примерных работ.

Несколько лучших работ, по его выбору, представляются заведующему обучением, который назначает день, когда на одном из практических занятий (а лучше — вечером, когда обычно назначаются сообщения и лекции), авторы сочинений делают публичный доклад на собрании всех слушателей и минных специалистов флота.

По окончании доклада происходит обмен мнений, критический разбор работы и делается примерная оценка ее.

После этого лучшая работа может быть проредактирована самим преподавателем и издана.

Мины Уайтхеда. Сюда относится все сказанное о минном деле.

Примерные темы для работ по минам Уайтхеда:

1) сравнительная характеристика самодвижущихся мин существующих образцов,

2) мина обр. 1910 года, ее достойнства и недостатки по сравнению с минами других образцов. Желательные изменения в конструкции и расположении приборов,

3) практические требования, предъявляемые к мине и минному аппарату в целях достижения возможности изменения установки приборов мины, не вынимая ее из аппарата,

4) требования, предъявляемые к минам Уайтхеда на подводных лодках, в смысле укупорки и выдерживания больших давлений,

5) прибор Обри всех образцов; эволюция прибора Обри,

6) эволюция главной машины и изменения в конструкции машинного крана, в связи с применением подогревательного аппарата,

7) причины несовершенства укупорки кормового отделения и способы их устранения,

8) желательные изменения в конструкции гидростатического аппарата и рулевой машинки и т. п.

Морская тактика. Курс тактики должен начинаться осенью, с начала учебного года.

До Рождества должна проходиться общая часть курса, а после Рождества—специально минная тактика.

Число практических занятий по тактике должно быть в значительной степени увеличено. Практические занятия первого полугодия должны состоять в вычерчивании кривых и локсодромий и в решении более или менее сложных тактических задач. В продолжение же второго полугодия на практических занятиях по тактике должна быть разыграна полностью военно-морская игра.

Наряду с этим, каждым слушателем в конце года должна быть представлена письменная работа по тактике. Лучшие из них докладываются публично собранию слушателей и минных специалистов флота, оцениваются баллом, как то предложено для работ по минному делу, и могут быть изданы.

Примерные темы сочинений:

1) Роль прожекторов при отражении минной атаки.

2) Значение тактической скорости корабля на различных курсовых углах.

3) Роль корабельного сетевого заграждения и эволюция его, в связи с эволюцией ножниц самодвижущейся мины.

4) Рациональное использование мины заграждения.

5) Тактические задания подводного заградителя.

6) Самодвижущаяся мина на линейном корабле, на миноносце и на подводной лодке и т. п.

Химия взрывчатых веществ.

При прохождении курса химии взрывчатых веществ, необходимо, чтобы приготовление каждого взрывчатого вещества было проделано в аудитории во время лекции, или ряда лекций, самим преподавателем или инструктором, чтобы ко времени практических занятий по приготовлению данного взрывчатого вещества у слушателей было достаточно ясное представление о том, как оно приготовляется и они могли бы проявить большую самостоятельность, не прибегая к постоянной помощи преподавателя или инструктора, и не забрасывая их обычными вопросами: «что дальше делать», «как это сделать» и т. п.; этот пробел давал себя сильно чувствовать.

Кроме того, следует сказать, что при постановке самых практических занятий по химии было забыто основное положение—что практическая работа только тогда имеет смысл

и пользу, когда она выполняется каждым слушателем вполне самостоятельно, а не по указке преподавателя или инструктора. И не всей группой слушателей сразу, в один день и час, а каждым слушателем отдельно, в разное время, в зависимости от его личных способностей и подготовки и при условии системы зачета, а не системы «отбывания номера». Это замечание, впрочем, в равной мере относится к постановке практических занятий и по некоторым другим предметам.

Желательно, чтобы курс химии взрывчатых веществ был в возможно более широкой степени иллюстрирован опытами, показывающими силу различных взрывчатых веществ, их детонацию, скорость распространения взрыва, условия неполного взрыва, и т. п. Опыты должны быть поставлены систематично, по определенной программе. Желательна, например, постановка таких опытов:

1) хронограф Нобля; скорость детонации;

2) передача взрыва на расстоянии;

3) манометрическая бомбочка; получение кривых давлений;

4) одновременное испытание нескольких взрывчатых веществ на чувствительность к нагреванию; оценка этой чувствительности;

5) тоже—на чувствительность к медленному нагреванию;

6) тоже—на чувствительность к удару;

7) тоже—на чувствительность к кислотным и щелочным реакциям;

8) химический анализ продуктов взрыва;

9) опыты Ру и Сарро;

10) бомба Трауцля и т. д.

Пожелания организационного характера.

Останавливаясь далее на рассмотрении организационной стороны постановки учебного дела в б. минном классе, укажу на следующие пожелания:

1) *Желательно, чтобы последние репетиции производились за 1-2 недели до полного окончания занятий, дабы в них входил весь пройденный курс*, и к экзаменам не оставалось бы ничего не выясненного и не законченного.

2) *Желательно практические занятия после Рождества оканчивать в 4 часа* (т. е. иметь только одно практическое занятие в день), дабы оставалось время на занятия дома. Желающим слушателям предоставить право заниматься в классах повторением пройденных работ, до времени обычного окончания занятий (5 ч. 30 м. вечера).

Вторые практические занятия в значительной мере являются малоценными, так как дают только утомление, усталось, почти пресыщение. Это особенно сильно чувствуется именно во вторую половину года, когда по всем предметам начинаются повторительные занятия, мало дающие нового.

В результате — усталость бывает настолько значительна, что вечер пропадает даром, так как на самостоятельные занятия дома уже не хватает сил.

3) *Желательно, чтобы вопрос о материальном обеспечении слушателей был поставлен на должную высоту.* Необходимо, чтобы этот вопрос, а также и вопрос об организации *общежития для слушателей* был поставлен в сферу служебных обязанностей администрации класса. Нельзя слушателей ставить в необходимость ютиться по «меблированным комнатам» и влачить жалкое существование.

4) *Желательна гимнастическая комната* для слушателей. Необходимость физической работы, хотя бы в виде ряда простых гимнастических упражнений, которые могли бы иметь место во время перерывов между лекциями, ощущалась в значительной степени.

5) *Желательно, чтобы по окончании учебного года всем слушателям предлагалось письменно изложить свое мнение о пройденном курсе*, высказать свой взгляд на необходимость тех или иных наук и их действительную пользу, и на желательные изменения в прохождении курса. Меру эту считаю необходимой и крайне важной.

Заключение. В заключение должен сказать, что все мероприятия, о желательности которых я говорю в настоящей статье, в большей своей части являются приемлемыми лишь при условии, что курс минного класса будет увеличен до

полуторагодичного, если не двухгодичного. В противном случае—едва ли все сказанное осуществимо на деле.

Тем не менее, позволю себе высказать надежду, что если мысли и пожелания мои будут признаны основательными, то они присоединятся к сумме тех доводов, которые говорят за настоятельную необходимость увеличения курса, дабы нагрузка слушателей была ближе к той ее величине, которую нужно признать нормальной.

Говоря о тех или иных изменениях в прохождении курса, я совершенно не упомянул о таких предметах, как радиотелеграф, физика, химия и специально-минные суда. Сделано это потому, что вопрос о коренном преобразовании двух последних уже решен в утвердительном смысле, а курс физики, на мой взгляд, не нуждается в каких либо изменениях; что же касается радиотелеграфа, то единственным необходимым изменением является значительное увеличение числа часов лекций и практических занятий. А это—опять-таки стоит в связи с вопросом об увеличении продолжительности всего курса минного класса.

В. Подерни.

Ноябрь 1918 г.

МАТРОСЫ ФРАНЦИИ.

Речь известного писателя Пьера Лоти, произнесенная перед началом спектакля во Французской Комедии в честь моряков.
(Illustration).

Говорить о наших матросах...

Я делал это всю мою жизнь. Им, и только им я обязан так многим и все мои труды, сколько нибудь заслуживающие внимания — были созданы под влиянием тех же матросов. В продолжение почти полувека я с любовью следил за их жизнью, за ее светлыми и темными сторонами, за высокими подвигами суровых людей, полных великого сознания долга и самоотверженности. Они, наши матросы, всегда были моими товарищами, друзьями — преданными и безконечно для меня дорогими. «Матрос»! Для меня это слово тесно связано с людьми, от отцов своих получивших звание моряка, с людьми, родившимися в деревушке на морском берегу, сроднившимися с завыванием ветра, с детьми — юнгами рыбачьих судов и, наконец, матросами флота.

Пример отцов, постоянный, близкий пример неустанной суровой борьбы со стихией, и великий учитель — море, с детства закаляют их души. Там нет места ни мелочности, ни страху. Море учит великим законам самоотречения, истинного братства и молчаливой, простой и незаметной, но великой в своей простоте — храбрости, не боящейся и самой смерти.

Матросы! Полвека прошло с того дня, как я впервые вошел в их среду. Избалованный с детства, совсем не подготовленный к жизни в море, я прислушивался тогда к словам стариков-командиров, моряков уходившего в вечность парусного флота.

—«Дитя, — говорили они, — тебе слишком суровой покажется наша жизнь, суровой и может быть неприглядной, но помни твердо, что те, которыми ты когда нибудь будешь командовать, будущие твои подчиненные — в минуту опасности заслуживают того, чтобы перед ними стать на колени».

И, говоря это, старые моряки, помнящие Абукир и Трафальгар, Semillante[1]) и Meduse[2]), смахивали навертывающиеся слезы.

Однако они напрасно боялись за меня. С первых дней моей жизни на корабле я убедился в том, что под суровой, грубой, порой, внешностью детей моря, скрывается чуткая, прекрасная душа и между нами быстро протянулись крепкие нити взаимной симпатии и дружбы.

В то время, когда мне, совсем неопытному юноше, пришлось вступить в морскую семью, — члены ее, мы — гардемарины и матросы жили гораздо ближе друг к другу, чем теперь. Наша дружба завязывалась, росла и крепла на стремительно раскачивающихся марсах, под влиянием общей работы и одинаковой для всех опасности.

А долгие переходы, о которых забывают уже теперь! Вечерами мы забирались на бак и там — слушая песни, смеясь вместе с ними над меткими куплетами или острым словцом — жили одной общей жизнью.

И вот, тогда еще, я подметил... Быть может это звучит парадоксом, особенно в ушах жителей земли, пусть — я все-таки говорю, что они, наши матросы, — мудры, прежде всего. Да, да, именно — мудры...

Вы укажете мне на многие случаи встречи с ними на берегу. Подгулявшие, с нетвердой походкой... Нет, это ведь только коротенькие, ничтожные мгновения среди целой жизни — полной сурового аскетизма. Присмотритесь к ней — этой жизни, там на кораблях, и вы согласитесь со мной.

---

[1]) Фрегат «Semillante» известен своим успешным крейсерством в Индийском океане (1803—1808 г. г.) против английской торговли и рядом битв, выдержанных им с ее защитниками—английскими крейсерами.

[2]) Фрегат «Meduse» знаменит трагическою судьбою своего экипажа, спасавшегося после гибели фрегата. *Прим. Ред.*

Проворные, ловкие, точные удивительно, встречающие день за днем с каким то, поистине философским спокойствием и вместе с тем такие хозяйственные, такие заботливые в своих личных, несложных делах. Бережно, необычайно, относясь к своей скромной одежде, чиня и стирая в немногие свободные минуты — они при маленьких средствах всегда умудряются быть чисто-одетыми. Экономные в огромном большинстве, они, скопив сколько можно, радостно шлют свои сбережения, часто с другого почти конца света старухе-матери или жене или далеким, быть может забывшим уже отца — ребятишкам. А их поразительное презрение к опасности! Их какая-то сверхчеловеческая храбрость!

Я вспоминаю время моего командования. Холодная, бурная ночь. Яростные порывы ветра. Тучи соленых брызг. Свирепствует шторм. Трещит, гнется рангоут, а на нем в темноте, в завываниях ветра работают люди среди беснующихся снастей, среди рвущихся парусов, хлестающих во все стороны, внезапно наполняющихся и готовых жестким телом своим, как лошадь, закусившая удила—своего наездника,—сбросить безумцев вниз, оторвав от трепещущего рея, вниз—в черную, бездонную пропасть... Не хватает слов, чтобы описать весь ужас черных, бурных ночей на безграничном просторе моря, не хватит их и подавно, чтобы прославить этих людей, рассказать про битву колоссов с огромными, тяжелыми парусами, которые надо убрать, надо — во что бы то ни стало.

И сколько раз, когда после долгой, тяжелой работы, они спускались, наконец, вниз, — измученные, продрогшие и промокшие насквозь, со стучащими от невыносимого холода зубами, — я с глубокою благодарностью, нет — с благоговением, — жал их застывшие руки, окровавленные, с вырванными, поломанными ногтями, мужественные руки, победившие жесткую парусину, спасшие и нас и корабль.

А они? Они находили, что сделали только то, что должны были сделать... Не требуя ничего, они просили разрешения спуститься в палубу, чтобы переодеться и перевязать израненные руки, отдохнуть немного и на следующий день снова и снова работать

Прошло несколько лет. Многое изменилось во флоте. Судьба корабля решалась уже не на реях и марсах среди трепещущих парусов, а внизу, перед жерлом раскаленной топки, в аду кочегарок.

Мне скажут: а наши рабочие на заводах, чем отличается их работа от работы матроса? О, разница есть—и большая. Нисколько не уменьшая значения рабочего на заводе, все-таки ведь надо иметь в виду хотя бы одно то, что жестокая качка не бросает его, как ненужную вещь из стороны в сторону, что, среди трудной работы он не рискует удариться вдруг о жесткую переборку или упасть на острый кусок угля, а в случае какого нибудь несчастья, вроде лопнувшей паровой трубы—он может бежать, может чаще спастись, чем моряк-кочегар. И когда, в крепкую непогоду, я видел, как закрываются люки над головами людей, бесстрашно идущих в жаркую кочегарку, мне казалось порой, что закрывается крышка стального гроба и я вспоминаю навсегда запечатлевшиеся в памяти слова старого капитана:

—«В минуту опасности они заслуживают того, чтобы перед ними преклонили колени».

Где они теперь, товарищи моей юности? Живут ли еще, сгорбленные, совсем седые, со старческой клюкой в морщинистой руке, или спят мирно под скромным крестом деревенского кладбища или, опущенные под пение молитв в пучину моря стали жертвой таинственных обитателей неизмеримой глубины, никогда не виденных человеческим взором...

Два поколения почти сменилось на флоте с тех пор, и я наверное в последний раз нахожусь сегодня опять среди товарищей, среди моряков, окруженный со всех сторон старыми знакомыми «синими воротниками».

И вот в эту минуту мне хочется сказать, открыто, не утаивая ничего, так, как сказал бы в своем завещании, без всякой злой мысли, только любя.

—«Матросы! Бойтесь, как огня, как заразы, как тяжелой болезни, как величайшего несчастья—вырождения».

Сперва—физическое вырождение. С далекого, хмурого севера пришел к нам страшный бич—алкоголь и укрепился таки

на берегах Бретани. Посмотрите на детей в бретонской деревушке — как мало, ужасно мало, походят они на своих богатырей-отцов.

А ведь за вырождением физическим неизбежно идет—моральное и идет быстрыми, верными шагами.

Вот почему, покидая мой последний корабль, я думал: пусть, в случае какого нибудь несчастья с Родиной, пусть они, наши матросы останутся на своих местах, такими же стойкими, как деды их и отцы.

Разразилась война. Спешно, отовсюду формировались морские отряды. Едва экипированные, едва подготовленные они шли к берегам Изера, чтобы творить великое дело защиты отечества, шли на великий подвиг—они остались прежними, наши матросы.

Еще несколько слов, последних слов завещания, немного советов им, нашим милым взрослым детям в синих воротниках. И первый совет покажется, вероятно, смешным. Я хочу сказать вот что: не берите примера с великосветских людей, не заражайтесь их изысканными манерами и сплошною, холодной корректностью. Я не вижу никакого «неприличия» в маленьких гулянках на берегу, ставших классическими. Я беру на себя смелость сказать, что сожалею, да, сожалею, что они теперь выходят из «моды», так как молодость, свежая, здоровая молодость не может и не должна мириться всегда с одной монотонной, по часам размеренной жизнью. Надо в молодости иметь молодую душу. И если она есть, а у большинства из вас душа и молода и чиста—не насилуйте ее, это говорю я вам от всего сердца.

Храните свои здоровые, благородные традиции. Храните взаимное уважение и доверие, ведь на них-то и зиждется здоровая дисциплина. Кто верует—храните веру и вам будет легче в час смерти...

А затем... Затем постарайтесь остаться тем, что вы есть сейчас и чем были ваши предки, останьтесь во всей полноте слова, которому я придаю величайшее значение—останьтесь матросами.

* * *

БРЕСЛАУ-МИДИЛЛИ [1]).

(Окончание).

Снова вперед—навстречу новым сражениям, новым битвам. Между прочим, мы только теперь узнали, что нам приготовили русские и какие хорошие последствия имел наш преждевременный вызов. Оба судна *Олег* и *Атос* были нагружены камнями и взрывчатым веществом, предназначенные к потоплению до нашего прихода в гавань.

К нашему благополучию мы должны были выбрать другое место стоянки. Курс ведет к встрече с русским флотом. Надо сначала обратить внимание врага на нас, чтобы дать возможность *Гебену*, прикрывающему транспорта, исполнить задачу.

Проходит несколько часов.

Играющие дельфины обгоняют корабль. Всюду, куда ни бросишь свой взгляд, небо и вода, вода и небо. Но вот несколько темных полосок открываются над горизонтом, — растут, ширятся, растягиваются в длину и, точно подталкиваемые какой то невидимой силой — приближаются. На палубе *Бреслау* следят во что обратятся эти темные тучки; показываются мачты, затем трубы и наконец, серые остовы судна. Неприятель.

Громко призывает труба.

4 истребителя, на некотором расстоянии два крейсера и, наконец, главная сила врага—5 линейных кораблей.

И так 11 кораблей, а мы одни. Все-таки мы не сворачиваем с пути; каких нибудь 12 клм. отделяют нас друг от

[1]) См. «Морск. Сборн.» №№ 6, 7—8, 9—10 и 11, 1918 г.

друга. Короткая вспышка, выстрел—первый привет врага—и сильная кононада потрясает воздух. Мы ложимся на обратный курс, теперь нам нужен простор. Свистя, пролетают над нами снаряды, проносятся мимо нас, большинство недолетов. Но и мы не остаемся в долгу, — несколько залпов и среди передовых судов противника ясно видно какое-то смятение. Огненная «игра» продолжается всего несколько минут; мы принуждены прервать битву.

Густой, черный дым расстилается кругом, винты сверлят воду, машинам дан полный ход. Мы быстро подвигаемся вперед—нам не под силу оставаться вблизи тяжелых орудий.

День клонится к вечеру; мы еще ускоряем ход и скоро исчезаем из виду русских. С наступлением темноты надо остерегаться подводных лодок, поэтому мы часто меняем курс, идя по направлению к берегу. Но с неприятелем можно сыграть еще одну штуку. После полупочи мы полным ходом направляемся к Крыму. На утро 25-го декабря мы находимся в виду полуострова, вдали виднеются знакомые нам тучки дыма, перед нами Севастопольский флот. Далеко впереди дымят истребители и крейсера. Можно себе представить удивление русских при неожиданном появлении в этих местах нашего судна; но они должны почувствовать нашу близость. Раздаются первые залпы. С воем рассекают гранаты воздух, атаковавшие нас неудачно подлодки мчатся назад; густой дым не позволяет ясно различать цель, пролетает еще одна граната, больше мы не можем наблюдать за врагом. Когда дым рассеивается, видно, как русские суда входят в гавань.

В тот же день мы встречаем у Синопа *Гебена*, который собирается войти в гавань, чтобы отпраздновать спокойно наконец Рождественские праздники. Мы же должны идти к Трапезунду, там встретиться с *Гамидие*, обстреливавшим в ночь на 25-го Батум и отвести один из транспортов в Босфор. Перед отходом мы сдаем русских пленных, которых отправляют в Константинополь. Адмирал выражает экипажу признательность за службу; суда расстаются и вскоре исчезают из виду в наступающей темноте. На сле-

дующий день мы встречаем *Гамидие* с тремя транспортами и собираемся войти в залив; однако, приходится вернуться опять в море. И на другой день опять не было покоя, тучки дыма, манившие к погоне, показывались несколько раз на горизонте, но это были все турецкие пароходы.

Густые облака закрывают звезды, застенчиво бросает луна свой голубоватый свет на темную воду. Вдруг что-то подозрительное поднимается из морской глубины.

Тревога.

Команда оживляется; полный ход — и мы мчимся к подозрительной точке. Еще 4000 метр и прожектор освещает цель. Чуть чуть поднимается над водой остов какого то судна.

Отчетливо звучит голос артиллерийского офицера. Огненные молнии, треск и свист разрезают воздух. Ясно видны при красном отблеске орудия.

Лодка исчезает. Поглотили ли ее темные волны? Или, быть может, ей удалось спастись? Мы поворачиваем, этого требует темнота, так как дальнейшие поиски могут навести нас на подводную лодку, если только она не пошла ко дну.

И когда, несколько времени спустя, делается светлее, кругом ничего уже больше не видно. Через несколько дней мы узнаем из газет, что русская подлодка не вернулась из своего предприятия.

В 9 часов утра 28-го декабря мы достигаем пролива и через полчаса входим в бухту. И так, лучшие праздники прошли. Дни, исполненные радости, покоя и тишины на родине, были для нас самыми напряженными днями из всей войны. Но все-таки именно это Рождество останется навсегда в памяти у тех, кто его провел на *Бреслау*, со всеми, как радостными, так и печальными часами этой неумолимо-жестокой отечественной войны. Но конец венчает дело. Два потопленные судна, бой нашего маленького крейсера с флотом, состоящим из 11 судов, наконец, уничтожение лодки— вот Рождественские подарки, которые мы приготовили родине и союзникам в этом году.

---

*

Последний день 1914 г. прощается с нами. С раннего утра до позднего вечера льет дождь. Часы идут заведенным порядком и в этот день.

До 10 часов раздаются песни, веселые и печальные и затем все расходятся по своим местам. Так как время очень серьезно, то празднества запрещены, но на крейсере есть такие укромные уголки, где за пуншем можно ожидать последнего часа этого года. К 12 часам из всех люков выходят на палубу матросы, чтобы на чистом воздухе встретить Новый Год. Глаза всех напряженно следят за секундной стрелкой. 12 часов. 8 склянок. Гулко раздаются удары колокола; в вечность отходит старый год — неизвестен, темен поднимается из волн новый. Сердечные пожелания, крепкое пожатие рук и вот наступил 1915 г.

Уже 2-го января мы вместе с *Берк* и *Гамидие* покидаем Босфор. Нам надо укрепить маленькую, незащищенную ничем от русских гавань. Мы держимся в темноте близко друг от друга. Медленно продвигаемся мы около самого берега. Нависшие дождевые тучи делают неясными очертания судов. В 6 ч. 50 м. вечера раздается сильный треск. Тревога.

Что это? Взрыв мины, подводная лодка? С быстротой молнии проносятся эти вопросы в голове. Сирены воют, сигнальная ракета рассекает воздух.

На одно мгновение освещают наши прожектора окрестность, отыскивая неприятельское судно. В это время, среди минутной суматохи раздается команда «люди за борт». Прожектор скоро отыскал судно, которое борется с волнами, подкидывающими его как мячик. Спасательные круги бросаются через борт. Вскоре доносят, что повреждений нигде нет. Остальные суда и пароход остаются позади, а мы выходим в море. Купанье при такой дождливой погоде было бы конечно неприятно, но счастье нас не оставляет; остальная часть ночи проходит спокойно и на следующее утро мы крейсируем недалеко от берега, в поисках за неприятельскими судами, стоящими в неукрепленных портах.

Но напрасно. Наше неожиданное появление вызвало тревогу среди турецкого населения, как нам сообщил офицер

с тралера. Для успокоения населения мы подходим к самому молу, наполненному людьми, и как только нас узнают, раздаются приветственные крики, а на стоящих на якорях судах поднимаются флаги. Наш оркестр играет марш и затем мы продолжаем наш путь.

Погода стоит дождливая, вахты проходят очень «неуютно». День и ночь миновали без особенных событий; на горизонте не было видно дымных тучек. При наступающем утре небо проясняется. После полночи, от Трапезунда, который рисуется неясно за цепью гор, мы берем курс на Ризе, где мы должны встать на якорь. Ночь холодная, но звездная и сухая.

На берег посылается шлюпка с офицером, чтобы узнать о передвижении транспортов по направлению к Батуму. После возвращения ее мы продолжаем наш путь к турецко-русской границе. Становится светлее, мы идем у самого берега, где оживленно раскиданы маленькие городки и деревушки, верхушки минаретов поднимаются из зелени и теряются в облаках. Вся эта картина напоминает нам наш северный берег, богатый фиордами. Вдруг оживленная стрельба открывается с гор. Пули падают далеко от судна в воду, оказывается это передовые турецкие посты, высказывающие стрельбой радость при нашем появлении.

Но вот белый камень показывает границу; дальше начинаются владения противника. По этой еще стороне расположены несколько белых домов, теперь они пусты, оставлены обитателями. Где находятся те, которые жили здесь? Убиты ли они, взяты ли в плен, или скрылись куда нибудь? Что здесь произошло? Одержал ли неприятельский флот здесь победу над мирными жителями, или это след русских орудий?

Кто может дать ответ на эти вопросы? Но право возмездия остается за нами. Впереди, далеко в море, вдается мыс, дальше лежит Батум. Едва мы приближаемся к городу, как показывается неприятельская подводная лодка. Нас кажется заметили, все наши старания подманить лодку на расстояние выстрела остаются напрасными, она через некоторое время исчезает из виду, чтобы объявить в Батуме о нашем появле-

нии. Теперь там забьют тревогу и приготовят тяжелые орудия, чтобы начать бой с маленьким крейсером. Все это не предвещает ничего хорошего.

Высокий выступ с несколькими, на нем находящимися, окруженными рвами, домами, представляет удобный наблюдательный пункт. Треск, вой и разрывы пуль при падении в воду вызывают тысячное эхо в горах, напоминающее глухие раскаты грома. Только 15 выстрелов раздаются из наших орудий, так как цель слишком высока и трудно следить за попаданиями. Когда дым расходится, мы с западным ветром выходим в море.

Мы соединяемся на следующее утро с *Гамидие* и вместе крейсируем в большой бухте между азиатской Россией и Крымом. По донесению, здесь русские пароходы и крейсера должны переправить транспорты с войсками в Батум. Погода стоит хорошая, вдали за горами виднеется Новороссийск. Что теперь происходит там? Свободные от вахты сегодня после обеда не получают коек, так как близость неприятельских судов может вынудить каждую минуту к бою. В разных направлениях мы пересекаем бухту, но кругом будто все вымерло, нигде ни дымка. Вечером мы отходим к Босфору.

---

5 ч. 30 м. Это время ужина, мы мирно сидим за чаем, посредине стоит бак с маслом. На коленях у каждого приготовлен кусок хлеба; кто смог, тот купил еще чего-нибудь на прибавку. Шарманка заменяет оркестр. Раздается свисток боцмана, вахтенные сменяются. Вдруг... Что это? Полоса тумана? Может быть очертание судна. Во всяком случае нечто подозрительное, каждый уже стоит на своем посту, приготовившись к нападению. В это время что-то сверкает невдалеке, раздаются выстрелы и в следующий миг наши прожекторы освещают окрестность. Наше судно поворачивается почти на месте, так как это единственный маневр, чтобы избежать, если еще не поздно, выстрелов противника. Прожекторы потушены и нас окружает со всех сторон темнота. Можно ожидать столкновения с подводной лодкой. Одна, две синеватые полоски проносятся мимо судна, это след снаря-

дов. Проходят несколько секунд и поднимается адский грохот. По всей вероятности весь русский флот окружает нас полукругом. С шипеньем, свистом и воем летают вокруг нас снаряды, проносятся между мачтами, трубами, над прожекторами и компасом. Полный ход, и мы мчимся со скоростью ветра. Густой, черный дым окружает нас со всех сторон. Все это похоже на какую-то дикую охоту, — справа, слева, сзади и спереди падают снаряды. Один удачный выстрел противника и все наши, до сих пор такие счастливые, походы кончатся навсегда. Но судьба нас хранит, ни один снаряд не задел нас, несмотря на то, что расстояние между нами и неприятелем не превышало 1500 метров. Оно постепенно увеличивается, мы удаляемся и пальба прекращается. Подобно нам, спасся и *Гамидие*. О сне, конечно, в эту ночь никто не думал. Я схожу вниз, там стоит забытый ужин и молчит так редко отдыхающая шарманка. Да, только что мы слышали более серьезную музыку, звуки этого адского концерта еще до сих пор раздаются в ушах.

Мы постепенно уменьшаем ход, теперь можно докончить ужин. Русские оставили преследование. Некоторые устраиваются в углу, чтобы заснуть, а большинство, собравшись группами, рассуждают о пережитом. Наверное не одни руки складывались в эту ночь к молитве и не одна благодарная молитва возносилась к Создателю. Но серьезное настроение продолжается недолго, опять слышатся шутки и смех, особенно когда шарманка снова заводит обычную свою музыку. Сюрприз русских удался в особенности потому, что мы, показываясь несколько раз в виду Крыма, не меняли нашего курса. Неприятельские аэропланы, незамеченные нами, узнали по всей вероятности наше расположение и силу и дали об этом знать их флоту. К полдню мы подошли опять к турецкому берегу и встретились с нашими тралерами. Здесь мы узнаем, что местом нашей стоянки назначен «Золотой Рог». Можно себе представить с какой радостью было принято это известие.

Через день Стамбульские ворота закрываются за нами. Первый же день приносит нам новость, наш командир получает другое назначение. Только кто месяцами пережил вместе горе и радость, тот может вполне оценить слово «товарищество». С наступлением вечера, шлюпка, управляемая старшим офицером, увозит нашего вождя на берег. Собрался весь экипаж в полном составе; потрясающее ура показывает отъезжающему, как неохотно мы расстаемся с ним. Еще раз доносится до нас голос командира: «Победы и счастливого возвращения *Бреслау* и его экипажу». Затем лодка с нашим бывшим вождем исчезает в темноте.

ПОДЪЕМ АМЕРИКАНСКОЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ В 260 ТОНН С ГЛУБИНЫ 90 МЕТРОВ.

25 марта 1915 года на взморье, близ Гонолулу, маневрировали 4 американские подводные лодки, при чем одна из них, *F4*, после полудня в гавань не возвратилась и на ней таким образом погибли 21 человек. Американское Морское Министерство было очень заинтересовано узнать причину несчастия, чтобы впоследствии не повторять ошибки в конструкции или управлении, если бы таковые были найдены, и поэтому решило поднять лодку со дна моря. Подъем был произведен под руководством и наблюдением корабельного инженера Фурера, и при этом было сделано все, что зависело от человеческого разума и матерьяльных затрат.

Для поднимания из воды затонувших судов существуют известные технические приемы; и в прежнее время приходилось в этих случаях иметь дело с подъемом судов с небольшой, сравнительно, глубины и во всяком случае не более, как с глубины до 60 метров, да и то не иначе, как на спокойной воде и в стороне от течений и прибоя. До подъема лодки *F4*, в Гонолулу уже был случай подъема со дна моря маленького буксирного парохода в 125 тонн. Что касается подъема лодки *F4*—столь интересного и поучительного, то в данном случае глубина воды равнялась 90 метрам, а водоизмещение лодки было 260 тонн; место гибели находилось в открытом море, вне Гонолульской гавани, где впрочем свежие ветры довольно редки, но зато зыбь и прибой по временам бывают очень сильны и появляются неожиданно.

Длинные маслянистые пятна на воде все время показывались над местом крушения и пузыри поднимались преиму-

щественно в одной и той же точке. По карте, глубина в этом месте значилась равной 366 метрам, вследствие чего, всякий расчет на успех считался несбыточным; тогда обратили, между прочим, внимание на то обстоятельство, что масло и воздушные пузыри появлялись на поверхности воды как будто с такого места, где глубина воды по лоту оказалась равною только 91 метру, и поэтому решили, что это и есть настоящее местонахождение лодки. После этого стали опускать там морских водолазов, которые доходили до глубины 65 метров, но они не нашли никаких следов погибшей лодки. Тогда приступили к тралению найденной местности помощью двух буксирных пароходов, которые ходили взад и вперед параллельными курсами на расстоянии 120 метров друг от друга; они тащили за собой по дну моря проволочную сеть длиною в 600 метров, и, наконец, после полуторасуточнаго искания, место лодки обозначилось.

Для точнаго определения положения лодки, воспользовались двумя лотами, у которых свинцовые грузы имели на нижних концах длинные металлические иглы, соединенные посредством электрических проводов с телефоном на поверхности воды. Когда иглы на лотах чертили по металлическому корпусу потонувшей лодки, то ток замыкался и подавал наверх электрический звонок.

План спасания лодки заключался теперь уже в том, чтобы ее во время механического поднимания со дна можно было одновременно переводить на более мелкую глубину. Две землечерпательные шаланды, каждая длиной 32 метра и шириной 11 метров, похожие на понтоны, подошли к месту работ и на них были построены два особенно массивных шпиля, барабаны которых, приобретенные на сахарном заводе в Гонолулу, состояли из вальцов толщиною в 38 сантиметров.

Вследствие очень большой глубины не было возможности тали прикрепить непосредственно к корпусу лодки и понадобилось под лодку подвести кабельтовы проволочнаго троса, при чем концы их вывести на шпили. Четыре кабельтова в 65 миллиметр. в поперечнике были употреблены в дело;

каждые два кабельтова отстояли на $^1/_3$ длины лодки от носа и от кормы, когда их подвели под нее. Моторы для вращения шпиля оказались слабыми, вследствие чего пришлось в помощь им заложить тали. Шпилевые барабаны, в 380 миллим. в диаметре, получали свое вращение через роульс в 1200 м./м. в поперечнике и этого разложения сил было достаточно для того, чтобы подымать груз; тормазом или палом у роульса служил никкелево-стальной болт, который после каждой четверти оборота шпилей вводился в одно из четырех углублений у основания шпиля. Стопорные клинья дали бы, конечно, большее число таких стопорок, но вследствие нежелания осложнять устройство шпиля, введены не были.

Шпили стояли на чугунных основаниях, покоившихся на 75 сантим. брусьях, закрепленных в середине и концах. Концы кабельтовов были пропущены вверх через отверстия в шаландах и затем накинуты на барабаны шпилей, где их закрепили толстыми железными болтами и кроме того еще прихватили канатными стопорами или скобами, чтобы таким образом воспрепятствовать скольжению их.

Подводка кабельтовов под подводную лодку производилась буксирными пароходами, при чем концы их выводились на землечерпалку, у которой цепь черпаков была снята. Чтобы увеличить силу остойчивости и сопротивления шаланд, поставили между ними разоруженную землечерпалку, которая была снабжена сильной машиной.

Самым трудным делом при подъеме подводной лодки было набрасывание кабельтова на требуемое место: подводная лодка представляла собой для накидывания петли на глубине 90 метров слишком малую цель; и кроме того положение ее на дне моря представляло собой пространство не более 30 метров.

После многократных промахов удалось наконец подвести кабельтовы и концы их вывести на шаланды. Эта работа продолжалась от 10 до 21 апреля. 22 апреля начался самый подъем лодки наворачиванием кабельтовов на шпилях, при чем стали одновременно подтягивать шаланды к берегу. Не успели поднять лодку и на 8 метров, как вдруг задул силь-

ный тропический шторм и кабельтовы один за другим сползли с лодки; вся месячная работа закончилась лишь тем, что лодку удалось перевести на 84 метровую глубину. После этого работа началась снова, при чем в дело применили цепи длиной в 30 метров в виде накидных петель, а уже за них были заложены тали; в соприкосновении с лодкой теперь находились только цепи. После целаго ряда новых затруднений лодку удалось перенести на 15-ти метровую глубину.

Подъем лодки сам по себе был произведен довольно скоро, и только один раз пришлось приостановить работу для того, чтобы отрезать части навороченных на шпили кабельтовов, лишние шлаги мешали вращению шпилей. Каждый шлаг на шпилях равнялся длине 17,40 метр. Отрезание концов проволочных кабельтовов производилось помощью кислородо-ацетиленовой горелки.

В самый разгар работы по подъему начался очень сильный морской прибой и крупная волна стала покрывать и переливаться через все спасательные приспособления. Землечерпалка еще кое-как держалась в равновесии, но шаланды бросало в стороны как спички. Подвешанная под ними подводная лодка сильно раскачивалась и по временам с силой ударялась о дно моря. Скоро лопнули один за другим давно трещавшие тали, за исключением одних и перерванные концы обматывали собой шпили. Одна из шаланд затонула, а другая, с висящей на ней лодкой, на уцелевших еще талях, стала страшно раскачиваться; манильский трос, толщиною в 250 м./м., связывавший вместе шаланды и землечерпалку, при этом также лопнул как нитка.

Чтобы окончательно не испортить всего дела, пришлось отдать еще уцелевший кабельтов, а позже, когда совсем стихло, послали водолазов осмотреть лодку.

Водолазы нашли подводную лодку в весьма критическом положении: цепи и кабельтовы врезались в корпус лодки, так что если бы вздумали еще продолжать выхаживать шпили, то носовая часть лодки могла бы быть совершенно отрезана. В виду этого, нашли нужным продолжать дальнейший подъем

лодки помощью шести понтонных воздушных цилиндров. Цилиндры были длиной 10 метров и имели в диаметре около $3^1/_2$ метров. Общая подъемная сила цилиндров равнялась 420 тоннам; 160 тонн этой силы было собственно употреблено на то, чтобы вырвать лодку из ила.

Каждый цилиндр был снабжен несколькими поперечными переборками, разделявшими его на части и в дне находились 100 м./м. впускные и выпускные клапаны. В верхней части цилиндров были поставлены клапаны для сжатого воздуха, служащего для выдувания из них воды, а также клапаны для выпускания через них воздуха из отдельных отсеков при погружении цилиндров.

В одном отсеке, в расстоянии 2,4 метров от оконечности, имелись клюзы, с цилиндрическими трубами сквозь цилиндр, с диаметром в 12 сантиметров.—Цилиндры были снаружи обшиты деревом, что, к счастью, оказалось весьма важным при операции подъема лодки, т. к. иначе они наверно бы потекли.

Цилиндры или, как будем мы их называть, понтоны, были установлены под лодкой попарно и погружены в воду, при чем цепи от лодки были пропущены сквозь клюзы в понтонах. При погружении понтонов их перевязали между собой 125 м./м. манильским тросом, дабы они не могли изменять своего положения. Когда водолазы уже справились с приклепыванием цепей к корпусу лодки и к понтонам, в последние стали нагнетать сжатый воздух сквозь толстые 16 м./м. шланги в соответствующие клапаны на верхних частях понтонов, чтобы таким образом изгнать из них воду.

21 августа начали подводить цепи под лодку и к 25 августа все было уже на надлежащих местах. 29 августа понтоны наполняли сжатым воздухом, при чем эта последняя операция продолжалась лишь два часа времени. Вся эта операция в большей части своих деталей не могла бы быть произведена при первоначальном местонахождении лодки на огромной глубине в 90 метров, между тем как погружение понтонов при глубине лишь 15 метров, равно как обнос цепей вокруг лодки и прикрепление их к понтонам, не представляли собой

особенно больших затруднений. Американские водолазы работали от 21 по 29 августа ежедневно от 5 до 9 часов времени, при чем: подводили цепи под лодку, приклепывали цепи к понтонам, когда последние уже находились под водой, закрывали данные водяные и воздушные клапаны и, наконец, привертывали воздухонагнетательные шланги в верхних частях понтонов для выдувания воды. Этих тяжелых работ они не могли бы выполнить на глубине 90 метров.

30-го августа подводная лодка уже стояла в гавани Гонолулу на пловучем доке, т. е. почти ровно через 5 месяцев после катастрофы.

МАСЛООХЛАДИТЕЛИ.

С введением на судах турбинных двигателей с большим числом оборотов, явилась необходимость обратить особое внимание на смазку подшипников. Методы смазки, применявшиеся у медленно вращающихся поршневых машин, оказались неудовлетворяющими условиям работы турбинных установок. Очень незначительное изнашивание подшипников турбины может отозваться весьма вредно на работе ее, в виду большой точности установки зазоров лопаток, колец думмисов, сальников и т. п.

Поэтому при таких установках почти исключительно применяется так называемая система форсированной смазки. Она нашла также применение у двигателей внутреннего сгорания и некоторых вспомогательных механизмов.

В общих чертах эта система смазки состоит в нижеследующем. Масло из подшипников стекает по трубопроводу в отстойную или сточную систерну, где оно должно освобождаться от содержащейся в нем воды (попавшей в него в виде конденсата пара в сальниках и т. п.). Из этой систерны масло забирается помощью насоса и подается в маслоохладитель. В нем циркулирует холодная вода, подаваемая отростком от циркуляционной помпы или отдельным паровым насосом. Отсюда охлажденное масло расходится по трубопроводу к отдельным подшипникам. Для очистки масла в соответствующих частях трубопровода включены сетки и фильтры.

Масло распределяется по всей поверхности подшипника и окружает шейку вала кольцевым слоем, который, устраняя непосредственное соприкасание металлических поверхностей шейки вала и вкладыша, уменьшает потерю энергии на трение и вызываемое этим нагревание подшипника. Стекая

обратно из подшипников в систерну, нагретое масло уносит с собой часть теплоты, в которую превращается работа трения подшипников, а также некоторое количество теплоты, передаваемой подшипникам частями турбин, соприкасающимися с паром. Эти потери энергии в турбине оцениваются в 1—3% полной мощности ее.

Главнейшим условием исправной работы подшипников является, помимо надлежащего качества и чистоты масла, поддержание определенной, выработанной практикой температуры масла в подшипнике. Для выполнения этого условия необходимо обеспечить непрерывную подачу достаточного количества сравнительно холодного масла. Чтобы не происходило даже кратковременного перерыва в подаче масла, насосы, трубопроводы, фильтры и т. п. устанавливаются в двойном количестве. При повреждении насоса или части трубопровода можно тотчас же пустить в ход другой насос или переключить трубопровод, пока будет производиться исправление повреждения.

Для понижения температуры масла, вытекающего из подшипников, служат, как было уже упомянуто, особые маслоохладители. В современной практике считается нормальным, чтобы температура масла, подаваемого в подшипники, была около 27° Цельсия, а при выходе из подшипников около 49° Цельсия.

Несмотря на все то важное значение, которое имеют маслоохладители в работе всей турбинной установки, в настоящее время существует много весьма разнообразных по устройству типов маслоохладителей, имеющих каждый свои преимущества и недостатки, но еще не выработано такой конструкции, которой можно было бы отдать безусловное предпочтение перед другими. При выборе системы маслоохладителя для установки на каком-либо судне, необходимо считаться не только с конструктивными особенностями того или иного типа, но и с весом и размером отводимого для него места, что иногда представляет не малые затруднения. Поэтому представляют большой интерес результаты сравнительных испытаний различных систем маслоохладителей вместе с данными об их размерах, весе и т. п.

Весьма ценные сведения такого рода недавно опубликованы итальянским инженером M. Boella, произведшем испытания пяти различных типов маслоохладителей. Прежде чем перейти к описанию этих маслоохладителей, следует упомянуть о тех общих условиях, которым должны удовлетворять эти принадлежности турбинной установки.

Конструкция маслоохладителей должна быть так разработана, чтобы был легкий доступ для осмотра и чистки трубок. Следует применять только цельнотянутые трубки для уменьшения опасности утечки масла. По той же причине число соединений в трубках должно быть по возможности меньше. Приток масла и воды должен происходить в обратном направлении, чтобы масло постепенно приходило в соприкасание все с более и более холодными частями трубок. В большинстве маслоохладителей масло находится внутри трубок, а вода снаружи. При таком устройстве давление масла бывает больше давления воды и поэтому, в случае утечки, масло попадает в воду, а не наоборот. Это очень важно, так как присутствие воды в масле может сильно ухудшить его смазочную способность и вредно отозваться на работе подшипников.

В виду способности масла, увеличивающейся с повышением температуры, проникать через мельчайшие поры и неплотности в соединениях, желательно производить испытания маслоохладителей перед установкой их на место в горячем состоянии. Удовлетворительное испытание в холодном состоянии не всегда оказывается гарантирующим исправность действия маслоохладителя во время работы. Так как на судах применяется для охлаждения соленая морская вода, то должны быть приняты обычные меры против разъедания трубок маслоохладителей вследствие могущих образоваться гальванических токов.

Процесс охлаждения масла связан с некоторыми практическими затруднениями, вызываемыми физическими свойствами масла. Действие всех систем маслоохладителей основано на передаче теплоты от соприкосновения масла с металлической стенкой, поддерживаемой при низкой температуре притоком холодной воды.

Для успешности таковой теплопередачи необходима постоянная смена слоя масла, соприкасающегося с металлической стенкой. Вязкость масла увеличивается с понижением температуры и вызывает стремление к образованию на металлической стенке более или менее толстого слоя масла, который пристает к нему и тем уменьшает коэффициент теплопередачи. Поэтому в маслоохладителе не только имеет значение величина охлаждающей поверхности, но должно быть обращено внимание на форму поверхности и все обстоятельства, которые могут влиять на быстроту передачи тепла.

Испытанные инженером M. Boella маслоохладители изображены на прилагаемых чертежах. На фигуре 1 представлен вертикальный разрез маслоохладителя с естественной циркуляцией масла. Крышка маслоохладителя с двойными стенками разделена вертикальными перегородками на три камеры, так что вода проходит по трубкам два раза. Направление течения масла и воды указано на фигуре стрелками. Охлаждающая поверхность образована известным числом трубок, изогнутых в виде буквы U и укрепленных во внутренней стенке крышки. Опорожнение маслоохладителя производится через помещенный внизу клапан.

Был также испытан маслоохладитель промежуточного типа между маслоохладителями с естественной и искусственной циркуляцией масла. Он состоял из гнезда трубок небольшого диаметра, впаянных своими концами в две трубные доски и заключенных в цилиндрический корпус, в котором циркулирует масло. Охлаждающая вода проходит внутри трубок. Часто соединяют несколько таких охладителей вместе, как и было сделано при испытании, где было взято три группы трубок. Обе эти системы маслоохладителей имеют большую вместимость и могут быть использованы в качестве сборных систерн для масла. Это является до некоторой степени преимуществом их перед другими системами, но составляет вместе с тем то неудобство, что сборные систерны, будучи загромождены гнездами трубок, становятся мало доступными для осмотра и содержания в исправности. У маслоохладителя, представленного на фигуре 1, поверхность охлаждения

очень мала сравнительно с занимаемым им объемом; но его преимуществом является U-образная форма трубок, допускающая свободное расширение их от нагревания, благодаря чему плотность в местах соединения с трубкой доски остается ненарушенной. Система второго испытанного маслоохладителя имеет преимущества другого рода: расположение и размер трубок дозволяют получение большой охлаждающей поверхности в незначительном объеме. Но вследствие спаивания трубок с досками, скрепленными неподвижно с корпусом, они лишены свободы расширения и поэтому маслоохладитель легко может сделаться неисправным. M. Boella считает, что коэффициент передачи тепла у маслоохладителей с естественной циркуляцией масла зависит от равномерности пускания горизонтальных слоев масла. Он тем выше, чем медленнее скорость течения масла. Но с другой стороны передача теплоты между двумя жидкостями, разделенными стенкой, происходит тем энергичнее, чем больше скорость жидкостей в местах соприкасания их со стенкой. Так как оба эти условия противоречат друг другу, то коэффициент передачи теплоты в таких маслоохладителях не может быть большим. Другими словами, эти маслоохладители должны иметь большую охлаждающую поверхность, вследствие чего они становятся тяжелыми, громоздкими и дорого стоющими. Представленный на фигуре 1 маслоохладитель относится к судовой турбинной установке в 8.000 лош. сил. Диаметр его равен 800 мм., а высота 1 м.; вес в порожнем состоянии 350 кгр., а охлаждающая поверхность составляет только 2.60 кв. метра. Производительность масляных насосов около 7 тонн в час. В виду незначительности коэффициента передачи теплоты, температура масла при выходе из маслоохладителя остается высокой. Поэтому подшипники турбины снабжены в данном случае водяным охлаждением. Горизонтальный маслоохладитель второго типа, применялся для охлаждения масла судового двигателя внутреннего сгорания в 850 лош. сил. Он состоит из трех равных частей, соединенных последовательно друг с другом; диаметр его 350 мм., а общая длина — 2,8 метра, он весит без масла и воды 560 кгр. и имеет

полную охлаждающую поверхность в 45 кв. метров. Такая большая поверхность дает в результате сильное охлаждение масла; но оно достигается за счет излишка веса и исправности работы. Очень большое число трубок (до 1700) является частой причиной течи в местах соединения их с трубными досками.

В маслоохладителях с искусственной циркуляцией не принимается во внимание увеличение плотности масла по мере охлаждения. Поэтому положение маслоохладителя и направление течения масла внутри его не имеют значения. В этих маслоохладителях, как и в первых типах, имеется стремление к образованию инертного слоя масла, уменьшающего передачу теплоты, но оно вызывается другой причиной. Для устранения его следует прогонять масло с большой скоростью в змеевиках по извилистому пути, чтобы сила течения утончала слой масла, протекающий к охлаждающей поверхности. Этому условию удовлетворяет маслоохладитель, изображенный на фигуре 2; масло протекает по змеевичку со скоростью 4—5 метров в секунду. Маслоохладитель этого типа для двигателя внутреннего сгорания в 800 лош. сил занимает по длине около 3 метров при диаметре 400 мм. Он может передать 200, даже 250 калорий в час на кв. метре охлаждающей поверхности на 1 градус Цельсия разницы температуры масла и охлаждающей воды. Такая передача теплоты удовлетворительна, но занимаемое маслоохладителем место довольно велико. Кроме того, вследствие большой скорости масла и значительной длины совершаемого им пути требуется поддержание большого давления в отливном трубопроводе насоса и соответственное увеличение его мощности.

Другой тип маслоохладителя с искусственной циркуляцией, часто применяемый в судовых турбинных установках, показан на фигурах 3—4. Он состоит из гнезда прямых трубок, закрепленных в трубных досках помощью нарезных втулок с набивкой и заключенных в цилиндрический корпус.

Его конструкция сходна с конструкцией обыкновенного холодильника. Масло циркулирует внутри трубок и благо-

даря устроенным в донышках перегородкам совершает четырехкратный оборот. Вода проходит между трубками и имеет двойной оборот. Масло протекает по трубкам с умеренной скоростью. Течение масла ограничивается главным образом центральной частью трубок; поэтому охлаждение его происходит очень медленно. Средством для проталкивания вперед слоя масла, пристающего к трубкам, и для усиления охлаждения является устройство ретардеров внутри трубок. Они изготовляются в виде трубок меньшого диаметра, чем охлаждающие, закрыты на обоих концах и снабжены через правильные промежутки поперечными шпильками, предназначенными для удержания их в центре охлаждающих трубок. Эта теоретически правильная идея не дает в практике очень хороших результатов. По мнению M. Boella, эти ретардеры не производят надлежащего перемещения слоев масла, а не вполне точное центрирование их является причиной образования путей наименьшего сопротивления, по которым и проходит значительная часть масла. Этот тип маслоохладителя дает очень слабое охлаждение масла, гораздо ниже, чем маслоохладители с змеевиками, и даже ниже маслоохладителей с естественной циркуляцией. Маслоохладитель этого типа, так называемого «холодильникового типа», показанный на фигурах 3—4, относится к судовой турбине в 8.000 лош. сил. Наружный диаметр его около 600 мм., длина—1,70 метра, а весь в порожнем состоянии—70 кгр. Производительность масляного насоса составляет 9 тонн в час, а охлаждающая поверхность доходит до 19 кв. метров. Маслоохладитель с трудом производит понижение температуры масла на 6—8° Цельсия; наибольшая температура его остается около 48° Цельсия. При обычной температуре охлаждающей воды это соответствует приблизительно коэффициенту передачи теплоты 70 калорий в час на кв. метре охлаждающей поверхности на 1° Цельсия разницы температуры масла и воды, что бесспорно очень мало. В отношении веса и занимаемого места этот тип не имеет преимуществ перед предшествующими, а вследствие изготовления целиком из бронзы стоимость его больше.

Улучшенный тип маслоохладителя изображен на фигуре 5. Сплющенные трубки расположены вертикально, укреплены в двух трубных досках и заключены в цилиндрический корпус, в котором циркулирует охлаждающая вода. Короткая длина трубок облегчает их производство. Верхняя трубная доска закреплена неподвижно, нижняя же соединена с подвижной крышкой, внизу которой установлена труба для отвода масла. Это устройство обеспечивает свободное расширение трубок и допускает легкую съемку и замену всего гнезда трубок. Охладительная способность этого прибора гораздо выше, чем у предшествующих систем маслоохладителей. Небольшой прибор этого типа, весом 37 кгр. и охлаждающей поверхностью 1.50 кв. метра, уменьшает приблизительно на 20° Цельсия температуру масла, протекающего в количестве 2.000 кгр. в час, поддерживая его при наибольшей температуре 60° Цельсия.

Помещенная ниже таблица дает сравнительные сведения о различных маслоохладителях, испытанных инженером

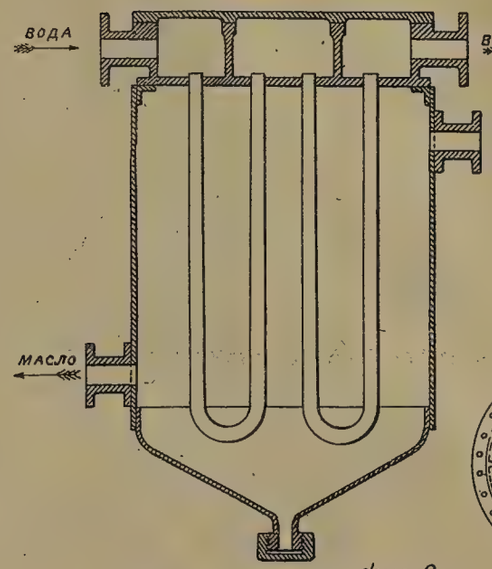
Тип маслоохладителя.	Вес в кгр.	Диаметр в метрах.	Высота или длина в метрах.	Занимаемое место в куб. метрах.	Охлаждающая поверхность в кв. метрах.	Вес в кгр. на 1 кв. метр охлаждающей поверхн.	Занимаемое место в куб. м. на 1 кв. метр охлажд. поверхности.	Коэффициент передачи теплоты в калориях на 1 кв. метр охл. поверхн. на 1° Цельсия.
Фиг. 1. . .	350	0,800	1,00	0,502	2,60	135,0	0,190	90—160
Со впаянн. трубками.	560	0,350	2,80	0,270	45,00	12,5	0,006	—
Фиг. 2. . .	450	0,400	3,00	0,380	20,00	22,5	0,019	180—200
Фиг. 3—4.	700	0,600	1,70	0,482	19,00	36,8	0,025	70—95
Фиг. 5 [1]) .	120	0,320	1,40	0,065	5,76	20,8	0,011	370—490

[1]) Из 2 элементов.

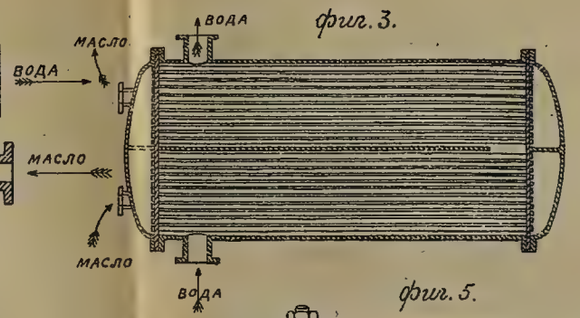
Эти опыты были произведены, в силу существовавших обстоятельств, не в очень большом масштабе и их результаты нуждаются в подтверждении. Тем не менее, они показывают, что в конструкции маслоохладителей могут быть введены существенные улучшения. В виду того значения, которое маслоохладители оказывают на удовлетворительную работу смазочных приспособлений, являясь одной из важных частей их, следует отдать должное внимание всем работам, имеющим целью увеличить охлаждающую способность этих приборов.

М. Я.

фиг. 1.

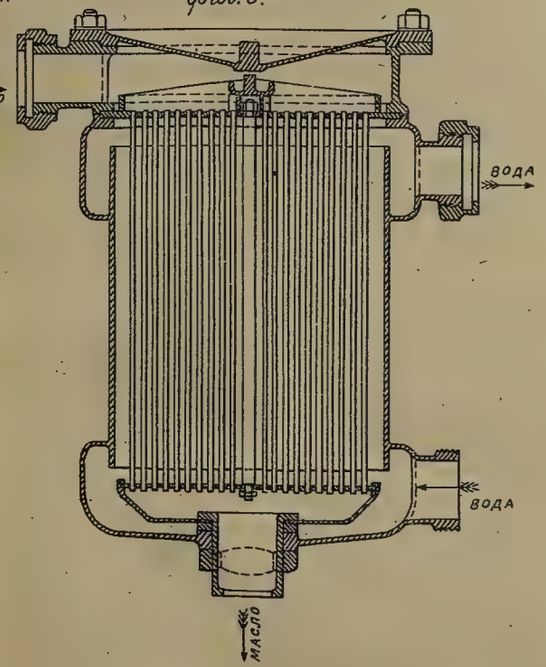


фиг. 3.

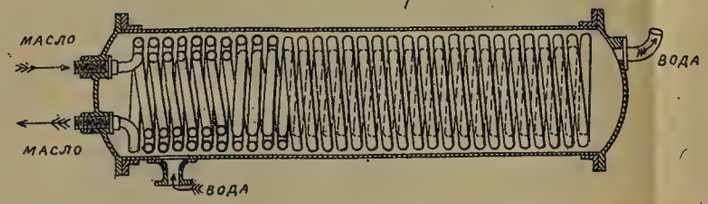


фиг. 4.

фиг. 5.



фиг. 2.



ХРОНИКА.

Когда совершался переход от комплектования флота на началах всеобщей воинской повинности к комплектованию его по вольному найму, представлялось совершенно очевидным, что эта новая система комплектования, несомненно имеющая весьма серьезные достоинства, имеет вместе с тем и крайне важные неблагоприятные стороны, при чем, среди последних, на первое место мы поставили крайнюю затруднительность обезпечить потребность в надлежаще обученном и дисциплинированном личном составе. Этот минус свойственен вообще комплектованию по вольному найму, что наглядно подтвердил опыт великой войны. В мирное время, в условиях нормальной жизни и нормального развития своих воруженных сил, англосаксонския страны широко применяли этот способ комплектования, тем более, что применение его в значительной мере облегчалось для них сравнительной незначительностью их военной потребности в людях для укомплектования флотов, вообще не требующих значительного личного состава, и своих совершенно незначительных для нашего милитаристического века армий мирного времени. Но вот наступила война. На полях сражений появились многомиллионные армии, а потребности флотов также возросли превыше всех расчетов мирного времени. И при изменившихся условиях те силы, которые были в распоряжении Англии и Америки, оказались совершенно недостаточными, а возможность их увеличения в соответствующей степени, при сохранении существовавшей системы комплектования по вольному найму, оказалась совершенно исключенной. Шли сотни тысяч там, где требовались миллионы, миллионы—где требовались десятки миллионов, Англия и Америка принуждены были прибегнуть к введению *воинской повинности*. В настоящее время и мы проделали тот же опыт. Введя комплектование вооруженных сил по вольному найму, Республика, при первом столкновении с реальными требованиями войны, увидела себя вынужденной прибегнуть к мобилизациям, принудительным наборам, обязательной военной службе, иными

словами к возстановлению *воинской повинности*. Между прочим, были призваны на действительную службу и моряки, как для укомплектования судов, так и для использования на суше. Нельзя не отметить, что в данном случае Правительство Республики имело весьма благоприятные условия для экстренного развития своих вооруженных сил. В то время, как западныя страны, вынужденные перейти от вольнонаемного комплектования к общеобязательной воинской повинности, принуждены были сначала браться за обучение поступивших в войска людей, у нас оказался громадный запас уже военно-обученных. Но нельзя не подумать о том, что обстановка могла бы сложиться и менее благоприятно. Стоит только допустить, что необходимость призыва возникла бы не теперь, а лет так через десять, то есть когда люди старых армий и флота уже потеряли бы с военной точки зрения всякую ценность, а свежего запаса не было бы. Нам кажется вопрос слишком серьезен, чтобы отнестись к нему без должного внимания, урок слишком показателен, чтобы можно было им пренебречь. Наоборот, необходимо учесть и использовать его в полной мере, а прежде всего принять все меры к обезпечению нашего флота необходимым запасом военно-обученных людей на то время, когда имеющийся запас истощится. Нельзя не отметить, что, в деле получения подобного запаса, наш флот находится в несравнимо менее благоприятных условиях, чем армия. В то время, как последняя может подготовить для себя необходимый запас военно-обученных людей самым широким применением всеобщего военного обучения, флот не может получить для себя пополнения тем же способом. Для флота нужны только специалисты и притом специалисты стоящие на высоте современных требований, получившие законченную систематическую теоретическую и практическую специальную подготовку, в виду значительности требований, предъявляемых к специалистам флота. Такую подготовку нельзя дать в порядке всеобщего военного обучения по самой технике последнего. Для этого необходимо изыскать другие способы, применить другие меры, если только есть таковые помимо введения компромиссной системы комплектования флота: кадров—по вольному найму, переменного состава, назначаемого для образования запаса—по повинности.

В отчетный период последовало распоряжение о ликвидации Морского Инженерного Училища. Ликвидация последнего явилась

естественным продолжением аналогичной меры, проведенной по отношению к Морскому Училищу и Отдельным Гардемаринским классам. В отношении к Инженерному Училищу она была даже более применима, чем к остальным учебным заведениям, готовившим специалистов командного состава флота, ибо как ни бедна техническими силами Россия, все же флоту легче получить со стороны инженер-механика и корабельного инженера (в особенности при существовании для подготовки последних специального отдела в Петроградском Политехническом Институте), чем военного моряка оперативной специальности. Поэтому создание соответствующей школы является вопросом первейшей необходимости для флота. При расформировании Морского Инженерного Училища, были приняты меры к предоставлению возможности воспитанникам выпускного класса довести до конца прохождение училищного курса, для чего они были оставлены в училище с необходимым для ведения занятий педагогическим составом. Благодаря этой мере, затраты, сделанные государством на подготовку будущих инженеров, не пропадут даром, а с другой стороны и продолжительное изучение воспитанниками Училища своей специальности получит необходимую полноту и законченность.

Курсы командного состава начали функционировать после торжественного открытия, имевшего место 6 октября. Задержка по сравнению с предположенным ранее начала занятий находит себе объяснение в тех затруднениях, с которыми пришлось иметь дело при наборе курсантов. Первое время, несмотря на весьма широкое оповещение в газетах и по флоту о предстоящем открытии курсов, набор будущих курсантов шел очень туго. Лишь отдельные, более предприимчивые личности шли по новому, еще не проторенному пути, расспрашивали, знакомились ближе с организацией и задачами курсов и затем, в большинстве случаев, записывались на курсы. Но все это были единицы. В связи с значительной ограниченностью тех источников комплектования, на которые рассчитывали при организации курсов, начинало возникать опасение, что курсы не удастся укомплектовать. Эти опасения подтверждались вынужденными за недобором курсантов отсрочками начала занятий на курсах. Однако, после довольно продолжительного промежутка времени, понадобившагося массам, чтобы понять и оценить значение и преимущества

курсов, дело пошло на лад. Вслед за первыми, более предприимчивыми товарищами, потянулись, наконец, и массы. Работа по укомплектованию курсов пошла более быстрым темпом. Но и здесь скоро обнаружилось весьма неблагоприятное и нежелательное явление, к сожалению не новое для флота, а наблюдавшееся обычно и в прошлом, при комплектовании учебных отрядов и школ: в то время, как радиотелеграфный, электротехнический, механический и штурманский отделы командных курсов начали заваливаться прошениями, курсы по чисто военным специальностям артиллерийской и минной, привлекали лишь единичных людей. В то время, как не чисто военные отделы курсов оказались переполненными и даже пришлось, идя навстречу определившейся потребности, увеличить общее число курсантов на на 100 чел., доведя таковое с 300 до 400, на специально военных отделах оставался сильный недобор, который несомненно был бы еще значительней, если бы не было принято и проведено в жизнь запрещение принимать специалистов не по специальности, при чем гальванерные и минно-машинные специальности были отнесены не к элетротехнической и механической, а соответственно в артиллерийской и минной. Тем не менее не только к моменту открытия курсов, но даже к моменту окончательного закрытия приема—1-му ноября—артиллерийский и минный отделы не были сполна укомплектованы. Это обстоятельство должно было бы, по нашему мнению, побудить изыскать какие либо меры для борьбы с отмеченным явлением. Конечно, эти меры не должны носить характера принуждения, так как с одной стороны можно заставить учиться, но нельзя заставить научиться, а с другой—подобные меры никогда не явятся необходимо радикальным решением вопроса. Скорее всего можно было бы разрешить эту задачу путем известных компенсаций в в пользу тех, кто изберет одну из этих специальностяй, по характеру чисто военных и не могущих быть использованными вне флота.

В виду последовавшего расформирования Морского Инженерного Училища, временно помещавшегося в здании Морского Училища, явилась возможность разместить курсы целиком в этом здании, что несомненно представляет значительные преимущества по сравнению с размещением, как ранее было предположено частью на учебном судне *Петр Великий*, частью в здании Училища. В настоящее время курсы функционируют еще слиш-

ком мало времени, чтобы имелась возможность делать какие либо окончательные выводы об успешности или неуспешности этого первого опыта подготовки командного состава из специалистов флота. Однако, уже в настоящее время можно сказать с полной определенностью, что ранее намеченный четырех-месячный срок прохождения командных курсов слишком незначителен, для возможности приобретения необходимо солидных познаний по специальностям—по теории,—а при функционировании курсов в течение зимняго времени, не дает возможности дать хотя бы необходимейшую практику. Этот срок не только слишком, но нам кажется и безпричинно, необоснованно короток, и свободно мог бы быть продлен до начала навигации будущего года. Тогда же, в первый период навигации, можно было бы дать курсантам и учебно-практическое плавание. До тех пор, пока не вскроется Балтика и Нева, нет оснований, как нам кажется, ожидать острой потребности в увеличении командного состава флота, между тем как увеличение продолжительности курсов на два-три месяца, несомненно должно в высшей степени благотворно отразиться на подготовке курсантов к несению службы в командных должностях.

В настоящее время в Петрограде же организуются соединенные классы для подготовки специалистов высшего командного состава с более солидным и разносторонним специально техническим образованием и с необходимыми для лиц этого состава оперативными сведениями. Эти классы находятся еще в стадии организации, почему подробнее мы поговорим о них в следующей хронике. Пока же отметим, что в общей схеме военно-морской школы эти классы должны занять место аналогичное специальным классам, бывшим в Кронштадте.

В связи с событиями переживаемого исторического момента, во флоте возник ряд речных флотилий и баз, которые имеют чисто временное и преходящие значение. Не можем, однако, не отметить исключения, а именно значения, которое имеет для флота Шлитсельбургская база и которое она сохранит и в будущем, вплоть до того момента, когда все Ладожское озеро окажется опять не существующим в качестве вероятного или даже только возможного театра военных операций или вследствие всеобщего разоружения или по другим каким либо причинам вполне опре-

деленно и надежно исключающим возможность появления противника на этом озере. До тех же пор, пока господство на Ладожском озере является несомненно одной из вполне очевидных и несомненных задач нашей морской силы, до тех пор и Шлиссельбургская база, благодаря выгодам своего военно-географического положения, сохранит свое значение. Находясь на единственном водном пути, соединяющем Ладожское озеро с Финским заливом, Шлиссельбург—недаром в старину сильная и стратегическая важная крепость—является ключем Ладожского озера и наиболее подходящим местом для базы в этом районе. Поэтому, считаясь с тем, что Финляндия вероятно сохранит свою независимость и в будущем необходимо обратить внимание на Шлиссельбург и его базу, при чем должно учитывать, что значение его не является временным, зависящим от обстановки данного момента, а более устойчивым и несомненно серьезным. Поэтому и в деле создания и развития Шлиссельбургской базы необходимо не стремиться к лишней в подобных случаях и необоснованной экономии, а обратить все внимание на целесообразность и соответствие ее устройства, оборудования и организации.

В настоящее время положено начало делу изучения и описания великой войны на море учреждением для это цели специальной военно-исторической комиссии. Нельзя не признать исключительной значительности и трудности предстоящей этой комиссии задачи. С одной стороны небывало грандиозные размеры самой войны делают задачу описания ее чрезвычайно трудной, а с другой—участие в этой войне почти всех народов и всех без исключения великих держав мира—до крайности осложняют задачу даже при ограничении ее описанием действий только нашего флота и на наших изолированных театрах морской войны. Пожелаем комиссии успеха в ее трудной задаче и выразим, воспользовавшись случаем небольшое пожелание: получить в возможно скором времени быть может не научное, не детальное, но все же достаточно полное описание действий нашего флота в минувшую войну, доступное для широкой публики. Еще никогда борьба не велась под столь тщательно задернутым покровом военной тайны, еще никогда в то же время она не была столь «народной», захватывающей интересы и внимание всего народа. Выпуск такого описания—долг перед флотом, который может не скрывая рассказать о своем участии в войне, а также

долг и перед народом, который имеет право теперь, когда возникла возможность, узнать, что сделал флот [1]).

В великом круговороте событий, свидетелями и современниками которыхъ мы являемся, рухнуло построенное германским воинствующим милитаризмом зданіе Брестского мира. Распались стены темницы, в которой пытались на века заключить великий народъ, лишив его воздуха и света, отрезав его от простора морей и от великих мировых путей, оторвавъ от него такие источники современной жизни, какъ уголь, нефть и т. п. И года не просуществовало здание, построенное на песке, здание свидетельствующее о безумной самоуверенности строителей, которые не будут уже строителями... Круговоротъ событий унес и ихъ, с их самоуверенной самонадеянностью и непостижимым легкомыслиемъ.

Совершенно исключительную роль играет аннулированіе Брестского мира для нашего флота. Нужно ли говорить, сколь тяжелы для последнего были условия этого мира. Всего лишенный в настоящем, он был обречен и на безотрадное, безнадежное будущее. Для него была создана обстановка, при которой он не мог ни жить, ни дышать...

Зато теперь, когда спали оковы Бреста—для нашего флота снова наступаетъ время работы, время возрожденія, время великого пробуждения к новой и деятельной жизни. С вновь открывшимися возможностями легче дышится, легче работается, ибо не безнадежна работа, ибо впереди мерещатся достойныя награды за сверхчеловеческие труды и преодоленные преграды.

И уже на суше и на море сказывается и проявляется крушение Бреста. В то время, как на путях к Нарве шло наступление сухопутных войск, суда нашего флота появились у Гунгербурга и, успѣшно высадив десант, выполнили свою задачу. И на суше, и на море были пройдены те черты и нарушены те границы, которыя начертала в Бресте Новой Россіи победоносная милитаристическая Германия, также ушедшая уже в прошлое.

В. Новицкий.

---

[1]) Как мы уже упоминали, труды комиссии при первой же возможности, появятся на страницах «Морского Сборника» в 1919 году. *Ред.*

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Хотя формально мир еще и не заключен, но уже нет и не может быть никаких сомнений в том что война окончилась. 52-х месячная небывалая и неслыханная борьба, охватившая собою всю планету, заставившая мир остановить свою продуктивную деятельность, направив все целиком силы и все средства индустрии, транспорта и политики к умерщвлению одних людей другими,—эта борьба исчерпала теперь самое себя и подошла к финалу очевидно и бесповоротно.

Борьба не может продолжаться потому чтовесь боевой стан одной из враждующих сторон разгромлен, брошен на землю, обезоружен, деморализован и дезорганизован самым совершенным и законченным образом. Германия и ее союзники потеряли абсолютно все возможности сопротивления до такой степени, что оказываются ныне вынужденными принять любые—даже неисполнимые условия мира. Небывалая война оканчивается небывалым разгромом.

Могущественнейшая военная организация армии и флота; изумительная стойкость и дисциплина нации; тщательно проведенная в жизнь и заблаговременно организованная подготовка войны в стратегическом, военном, хозяйственном и административном отношениях; результатом этой подготовки—тысяча и одна победа; результатом этих побед—полное и всеисчерпывающее поражение, вдруг и внезапно осознанное вчера еще гордым победителем.

1918-й год закончил собою ту беспокойную и тревожную главу истории, которая началась 18 января 1871 года, когда в зеркальном зале версальскаго дворца неожиданно заблистала новорожденная императорская корона, украшенная рыцарской цепью Черного Орла.

Испуганная и удивленная Европа увидела в этот год среди доминирующих над нею серых фабричных труб высоко поднятое знамя асканийских герцогов средневековья. Герольды торжественно провозгласили зарождение новой религии железа и крови. У подножья молодого трона встали на стражу старинные призраки, одетые в латы и шлемы со сверкающими гербами. Перед укреплявшейся уже в то время демократией девятнадцатого века развернулось изумительное зрелище императора, окруженного блестящей свитой королей, графов, князей, баронов, и заявляющего о своем божественном праве стоять во главе страны, которая будет во главе мира.

Этот анахронизм дополнялся видением воскреших валкирий, которые своей мистической боевой песнью заглушали свист заводских гудков, рев маховиков, приводов и стук стальных молотов по кузнечным наковальням.

Казалось, что старое, давно забытое и похороненное в пыли манускриптов библиотечного музея,—вдруг неожиданно воскресло. И не только воскресло, но еще и въявь дерзко подняло свой грозный меч над новым миром. Шелест тяжелых шелковых складок на знамени Генриха-Льва, лязг рыцарских лат, топот росбаховских коней великого Фридриха, рев осенних пушек Седана и высокомерные речи Мольтке ночью в Доншери—сложились здесь в одну симфонию, величавую, грозную и властную. Над небом Европы засверкали те звезды, которые по мнению ученых историков давно уже должны были находиться под горизонтом. Отжитые легенды внезапно обрели действенность. То, что на первый взгляд казалось мечтою или сном, стало ко всеобщему ужасу и смятению выявлять все симптомы настоящей реальности. Призраки деловито уселись за бухгалтерские книги, вошли на заводы и чертежные мастерския, взялись за молоты, стали строить огромные океанские пароходы, двенадцатидюймовые орудия, фабрики, паровые прессы и железные дороги. Они произвели подсчеты военных и морских программ и деятельно начали осуществлять их. Они послали своих торговых агентов, банкиров, дипломатов и коммивояжеров за границу, и заставили там работать для осуществления

своей мечты. Они заговорили с трибуны рейхстага, и речи их были дельны.

Они оказались на кафедрах университета, у печатных станков типографии, в редакциях газет и журналов. И все, и вся работа их непреклонно, упрямо сосредоточенно, настойчиво и энергично направлялась в одну сторону, в одно устремление — Германия, под верховным главенством почти божественного императора на троне, по ступеням которого стоят подчиненные ему вассалы, должна повелевать миром. Рыцарство не умерло. Не отжило своей роли. Не исполнило еще своего великого предначертания. Оно должно возродить мир и вернуть его, совращенного в болото демократических затей, на правильный путь. Такова воля германского бога. И валкирии громко пели миру свою о том песню.

В 1914 году призраки решили, что день настал и что под грохот чудовищных орудий, под стон и вопли великого кровавого боя откроется возможность повернуть назад колесо истории человечества. Должно совершиться чудо.

Но чудо, как мы то теперь знаем, не совершилось. Колесо повернуть не удалось.

Сегодня мы ясно видим, что хотя мир формально еще и не заключен, но уже нет и не может быть сомнения в том что война окончилась, потому что она потеряла свой смысл; потому что колесо истории с удвоенной силою устремилось вперед; потому что грандиознейшая мечта величайшего безумия рухнула; потому что призраки могли надеяться только на быстроту и внезапность своей атаки; потому что после первой же неудачи, обрекшей их на длительность войны, фантастический план сразу оказался приговоренным к фиаско; потому что в политике не бывает чудес воскресения, и история никогда не идет назад: потому что даже самые смелые и дерзкие призраки бессильны свергуть реальность созревшую и современную. Власть Вотана давно окончилась и этот могучий некогда бог—уже век тому назад умчался в какие то надзвездные миры со всем своим славным воинством. Его гордым неистовым дечерям нечего было делать в XX веке. Они должны были улететь. И действительно валкирии улетели.

Они улетели бесповоротно и окончательно. Тревожная и беспокойная глава истории, начавшаяся в 1871 году, закончилась, и перед нами теперь новая глава, в преисполненный тайны первый лист которой сосредоточенно вперило лихорадочные воспаленные глаза уставшее после своей великой судороги человечество.

Мы не знаем, что будет написано на этом первом листе, и не имеем ни права, ни намерения занимать наши страницы пророчествами. Как бы обоснованы ни были теперь предсказания, все-равно они останутся недостоверными перед лицом предстоящих великих изменений. Однако, для вдумчивого наблюдателя уже и сегодня есть полная возможность проставить на этом белом листе некоторые несомненные точки будущего силуэта.

С категорической несомненностью мы вправе сказать во первых, что Германии Вильгельмов I и II завтра не будет и значит не будет того беспокойнаго соревнования в морских и военных вооружениях, которое являлось главным фактором европейской и отчасти мировой политики в довоенное время. Если мы вспомним все сложнейшие перипетии политики военных программ с их парламентской борьбой, интригами, чудовищными бюджетами, с огромной военной промышленностью, с ежегодными хроническими отзывами миллионов людей от продуктивной работы к обязательной службе под знаменами и гафельными флагами, со всеми драмами секретной службы и с головокружительными арабесками внешнеполитических осложнений,—то пожалуй облегченно вздохнем, сознавая сегодня, что эпоха этого соревнования окончилась потому что окончилась Германия Вильгельмов I и II.

Разумеется, мы никоим образом не имеем в виду утверждать, что после заключения мира не будет вообще никаких больше вооружений, что крепости будут срыты, мечи перекованы на орала, армии сведутся к полиции, и эскадры к таможенным флотилиям. Для такого оптимизма пока еще нет оснований. Однако, мы знаем, что эпоха напряженного милитаризма, которая в сущности говоря, началась в своем настоящем виде только после 1871 года и которая своей причиною имела

германское действие и противодействие ему—эта эпоха, как таковая, исторически окончилась сегодня и завтра не начнется по той простой и всеисчерпывающей причине, что вчерашней Германии завтра не будет.

Для наших морских профессиональных интересов это обстоятельство имеет очень большое значение, так-как оно—уже одно и само по себе—предопределяет значительное успокоение той лихорадочной военно-морской строительной работы, в которой мы жили целыми годами до войны.

Вопросы о содержании морских программ утратят свою остроту. Боевые флоты утратят то первостепенное значение, которое они имели в общегосударственной политике. Внимание к военно-морскому делу ослабится. Довольно вероятным представляется, что боевые флоты выиграют в качественном отношении и резко потеряют в количественном. Заботы о непременном увеличении численности людей, проходящих службу во флоте заменятся заботою об увеличении знаний и морского опыта людей, находящихся на службе—надо думать, что немногочисленные и сокращенные в судовом составе боевые флоты будут в главной массе своего личного состава комплектоваться людьми специально посвящающими себя профессиональной службе на военном корабле; всеобщая воинская повинность начнет играть для военно-морского дела значительно меньшую роль. На ряду с этим можно предвидеть еще одно обстоятельство: военные флоты (особенно в таких государствах как Россия) постепенно будут сближаться с флотами торгового мореплавания путем непрестанного обмена людей—боевой флот от времени до времени будет отпускать своих офицеров и матросов для службы на торговых кораблях. Пожалуй что, не совсем лишенным основания было бы даже предположение о возможности учреждения единой общей администрации военного и торгового флота на подобие того, как сие было устроено и до войны в Италии и во Франции.

Правдоподобие наших предположений подтверждается не только неизбежностью факта ослабления морских международных соревнований, но еще и соображениями фискального

свойства, которые после тяжелой и раззорительной войны окажутся на первом месте всех государственных планов. И наконец, — the last, but not the least — надо думать, что предстоящий мирный конгресс сумеет установить такие нормы внешней мировой политики и создаст такую внешнеполитическую обстановку, при которой опасность новых вооруженных столкновений будет значительно ослаблена для ближайших по крайней мере лет.

С точки зрения военно-морской географии, перемены будут конечно огромными. На Балтийском море появится новая морская держава, Польша с базами в данцигской бухте, Гданском (любопытно, что немцы уже и в настоящее время пользуются названием *Гданск* для Данцига), Пиллау и Эльбингом. Россия повидимому сохранит свои побережья, курляндское, лифляндское и эстляндское; что касается северного берега Финского залива, то по этому поводу сказать что-либо определенное пока еще трудно.

Военно-морское положение Германии в южной и западной части Балтики, так же как и в Северном море, будет резко ослаблено; Кильский канал вероятно окажется демилитаризованным; укрепления на Гельголандской позиции, судя по частным сведениям, будут срыты; судовой состав боевого флота, естественно уменьшившийся за время военных действий, еще уменьшившийся по условиям десятого пункта договора о перемирии, потерею ряда боевых единиц будет дальше опять и опять уменьшен в силу натуральных условий фиска: содержание сколько нибудь значительного флота окажется совершенно не под силу Германии, раззоренной и ввергнутой в бездну катастрофической государственной задолженности. Уже в настоящее время, нами получены известия о том, что после подписания перемирия, германское правительство сделало распоряжение о выходе из отечественных баз для сдачи следующих судов: корабли *Маркграф*, *Кениг*, *Гроссер Курфюрст*, *Кайзер*, *Кайзерин*, *Кениг Альберт*, и *Фридрих-дер-Гроссе;* линейные крейсера *Дерфлингер*, *Гинденбург* и *Зейдлиц*; крейсера *Нюренберг*, *Кельн*, *Дрезден*, *Франкфурт*, *Бремен*, *Карлсруэ* и *Альтбруннен*; кроме того,

50 эскадренных миноносцев новейшего типа и все подводные лодки. Таким образом, мы действительно имеем дело с настоящим и полным разгромом великой вчера еще морской силы фатерланда. Восстановление этой силы в сколько-нибудь ближайшем времени очевидно будет невозможно. Германия фактически выходит из состава великих морских держав.

В Средиземном море, исчезнет австрийский флот по той причине, что уже окончательно исчезла сама Австрия, как государство; существовавшие доселе боевые единицы габсбургских эскадр (по крайней мере, новейших типов) выданы союзникам и останутся в составе их флотов; базы в Триесте, в Поле и в Фиуме будут переданы юго-славянам и отчасти Венгрии; побережье восточной Адриатики частью окажется в руках новой морской державы, Сербии, а частью войдет в состав венгерской территории и частью в состав территории организующегося юго-славянского государства.

На востоке Средиземного моря, насколько мы можем судить, произойдет резкое усиление морского (военного и торгового) влияния Франции за счет бывшего турецкого и германского влияния; проливы Босфора и Дарданелл, демилитаризованные, останутся официально в руках турок, но будут открыты для плавания торговых и военных судов всех наций. Без особенного греха в сторону чрезмерного оптимизма, можно полагать, что через несколько лет русское морское влияние (опять-таки, и торговое, и военное) на восточной части средиземноморского бассейна вполне определенно займет доминирующее положение. Черное море окажется колыбелью возрождения и расцвета будущего русского флота и русской морской торговли.

Обращаясь теперь к другим сторонам предстоящей мировой морской обстановки, мы прежде всего должны констатировать наличие всех данных к обоснованному предсказанию об исключительно могучем росте сил, средств и влияния флотов по ту сторону Атлантики и по обе стороны Тихого океана: Соединенные Штаты Северной Америки и Япония усилятся на морях настолько же, насколько ослабленною выходит ныне

из войны Европа. Военно-морская и морская-хозяйственная мощь мира уже переместилась из баз нашего континента и в дальнейшем только укрепится на своих новых позициях. По этому поводу небезынтересно отметить любопытнейшее мнение, высказанное с самой полной откровенностью одним из влиятельнейших публицистов западной Европы: ...«Виды Великобритании на будущее печальны. Соединенное Королевство вступило в великую европейскую войну, стремясь к тому чтобы уничтожить тягостного для нее конкурента на мировом рынке, но кончать войну англичанам приходится при возникновении гораздо более серьезного и могучего соперника»... «Соединенные Штаты Северной Америки безусловно развиваются в первоклассную военную державу. Внутренние условия в стране для этого развития существовали уже очень давно: многочисленное народонаселение, на редкость цветущая промышленность и благоустроенные финансы Штатов ясно предопределяли для нее возможности любой ligne de conduite направленной к океанской гегемонии. С постройкой Панамского канала, Соединенные Штаты Северной Америки безусловно отошли от своего прежнего положения державы исключительно американской и сразу заняли видное место между государствами, стремящимися к всемирному господству. Теперь, после своего вступления в войну, Соединенные Штаты Северной Америки стремительно шагают вперед по пути милитаризма. Созданный и все усиливающийся североамериканский боевой флот на океанах Атлантическом и Тихом—никак не может уже считаться флотом предназначенным для целей мирной, пассивной или только оборонительной политики. Последняя цель этих грозных эскадр лежит само собою разумеется вне морей омывающих побережье Штатов».

Характерно, что именно в настоящее время, когда война окончилась и когда общественное мнение мира склоняется в сторону идеи о возможном сокращении военных расходов—Штаты именно в настоящее время проводят у себя новую программу боевого судостроения, включая в нее срочную постройку ряда крупных кораблей.

Неосторожным было бы сомневаться в том, что Америка готовится теперь принять из рук Англии ее вековое наследие Нельсонов и Коллингвудов морское и значит мировое могущество. Сиявшее со времен Фемистокла над нашим маленьким материком солнце—тускнеет. Взамен того ярко разгораются лучи солнца на той стороне Атлантики. Европа отходит на задний план сцены. Америка решительными шагами выходит к самой рампе. Судьба повидимому призывает Вильсона осуществить ту странную мечту, которую в начале 18 века Фонтенелль вкладывал в уста Монтезумы на остроумных страницах «Dialogues des morts». В этих диалогах старик Фонтенелль заставляет несчастного последнего властелина мексиканского государства Анагуака меланхолично вздыхать перед Кортецом: «Ah! Que n' avions-nous des vaisseaux pour aller découvriz vos terres et que ne nous avisions-nous de décider pu'elles nous appartenaient»!

Теперь, эти американские корабли для открытия и завоевания Европы нашлись, и если им не пришлось фактически открывать материка Европы, то по крайней мере они оказались в состоянии создать такую военную, политическую и хозяйственную обстановку, при которой Америка безусловно получает возможность завоевывать Европу столь же полно, сколь Кортец завоевывал Америку. Разница будет только в форме делопроизводства. И, разумеется, иго будет легче. Некоторые знающие люди утверждают даже, что это иго будет благо, а результаты окажутся в конечном итоге прямо-таки благоприятными для новооткрытого материка Европы. Американский гений при всей своей деловитости и кажущейся сухости,—сантиментален. Древний завет Помпея «самое счастливое государство, это то, которое имеет своей границею справедливость»,—этот завет решительно популярен среди государственных деятелей и в общественном мнении Штатов...

На ряду с несомненным ростом мировой мощи Северо-Американских Соединенных Штатов нужно также отметить и неизбежный рост мощи другой тихоокеанской державы. Япония сумела самым широким образом проэксплоатировать

выгоды обстановки, создавшейся для нее за то время, когда народы Европы настойчиво занимались взаимным истреблением друг друга.

Умною, сосредоточенною и энергичной политикой транспорта и морской торговли Япония достигла того, что уже начиная с 1915 года она достигла исполнения своей самой заветной мечты, а именно превращения японского пассивного торгового баланса с баланс активный с резким превышением стоимости экспорта над стоимостью импорта.

Если в 1913 году японцы ввезли в свою страну товаров на сумму в 729.000.000 иен, а вывезли с островов всего только на 633.000.000 иен, то сие печальное соотношение между экспортом и импортом, начиная с 1915 года, являет картину уже совершенно отличную. Действительно мы видим, что положение японского внешнего товарообмена определяется здесь следующими в высшей степени интересными цифрами:

Стоимость в миллионах иен:

	Ввоз.	Вывоз.
1914 г.	595	591
1915 г.	532	708
1916 г.	756	1.127
1917 г.	1.036	1.603

Следующие любопытные данные показывают нам картину, как именно развивался внешний торговый оборот Японии за три отчетных года войны и как распределялись вывоз и ввоз товаров между различными странами и рынками островного мореплавания:

Европа.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость товаров в миллионах иен).	
1915 г.	126	79
1916 г.	216	103
1917 г.	335	82

Австралия.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость в миллионах иен).	
1915 г.	25	32
1916 г.	38	47
1917 г.	39	39

Северная Америка.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость в миллионах иен).	
1915 г.	212	104
1916 г.	356	206
1917 г.	496	362

Южная Америка.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость в миллионах иен).	
1915 г.	2	3
1916 г.	3	7
1917 г.	8	15

Азия.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость в миллионах иен).	
1915 г.	341	301
1916 г.	505	368
1917 г.	704	475

Африка.

	Япония сюда посылает:	Япония отсюда получает:
	(стоимость в миллионах иен).	
1915 г.	2	6
1916 г.	10	9
1917 г.	21	39

Вышеприведенные цифры заслуживают самого серьезного внимания. Особенно интересно резкое повышение японского экспорта в Азию; здесь Япония стремительно завоевывает рынки Китая (увеличение экспорта за три года выражается тут переходом от цифры в 141 мил. иен к цифре в 318 мил. иен), Гонконга, британской Индии, Филиппинских островов и Голландской Ост-Индии. Почти везде в Азии страдающим лицом оказывается союзная с Японией Великобритания. Япония богатеет за ее счет.

Нельзя не придать весьма большого значения и тем цифрам, которые относятся к японо-европейскому товарообмену. В то время как по сравнению между 1915-м и 1917-м годами мы видим рост японского импорта достигающим едва трем миллионам иен,—рост экспорта выражается огромной разницей между цифрами в 126 и в 335 миллионов иен. Особенно резко увеличивает Япония свой вывоз в Англию, Италию и во Францию.

В высшей степени знаменательным приходится признать и тот факт, выясняющийся из анализа самого товарообмена, что Япония ввозит к себе главным образом сырье, а вывозить—фабрикаты. Основным объектом японского импорта в конце концов оказывается железо. На Островах, как известно руды собственной нет. Вот главное горе Японии. Тщетно пытается она восполнить этот недостаток и внести сюда корректив разработкою рудников в Корее—дело это встречает ряд препятствий и подвигается вперед слишком медленно. И вот мы видим, что японцы вынуждены увеличить ввоз железа за три вышеуказанных года *в три раза*. Этот громадный рост потребности в железе объясняется прежде всего *необходимостью увеличить судостроение*.

Успешность развития судостроения предопределит успешность развития всего народного хозяйства страны. Япония должна строить морские суда. Но главным затруднением тут будет недостаток собственной руды. Руду надо выписывать. Но вывоз руды из других стран оказывается далеко не простым делом. Тут недостаточно отправить заказ и перевести соответствующий вексель. Надо получить еще разрешение

правительства той страны, которое может продать японцам нужное для них железо. А разрешение это дается не всегда легко, просто, и не всегда даром.

В этом отношении характерна история недавнего американо-японского договора о морских делах. Япония выработала чрезвычайно солидную программу судостроения для своего торгового флота и энергично принялась за ее выполнение. Программа сия была намечена в размере 600.000 тонн ежегодно. Собственное производство стали (включая корейскую добычу) достигает только 80.000 тонн. Сталь надо значит выписывать. Откуда? По условиям международного рынка в данный момент продавать сталь японцам может главным образом Америка. Но правительство Штатов отнюдь не расположено покровительствовать японской судостроительной индустрии. Скорее наоборот.

В ответ на усиление японского спроса на сталь вашингтонское правительство издает закон о запрещении вывоза стали. Чтобы выйти так или иначе из тяжелого своего положения японцы принимают самые решительные меры к увеличению собственной добычи железа. На ряду с этим они стараются переходить к деревянному судостроению. Но это конечно—не есть радикальное разрешение вопроса. Для радикального разрешения его Япония вступает в дипломатические переговоры с правительством Соединенных Штатов. Америка, оказывается, согласна разрешить вывоз стали в Японию, но за это требует, чтобы токийское правительство увеличило количество тоннажа представляемого Японией державам Согласия. Япония предлагает 150.000 тонн. Америка признает эту цифру недостаточной. Переговоры не удались.

Несколько позже Соединенные Штаты соглашаются возобновить переговоры и в силу некоторых соображений военной транспортной политики, делают известную скидку со своих первоначальных требований. Япония вынуждена изъявить согласие и только этой крупной ценою она получает разрешение на ввоз американской стали, столь нужной для ея судостроения.

Вот—слабое место японской экономики и, значит, японской политики. С ним стране Восходящего Солнца приходится считаться теперь и придется считаться всегда до тех пор, пока человечество будет нуждаться в руде для удовлетворения своих хозяйственных потребностей, для добычи энергии необходимой к поддержанию и развитию его жизни, для созидания силы и для осуществления фантазий своего честолюбия. Здесь—граница, здесь—неустранимое затруднение, здесь—досадные, но несбрасываемые путы на ногах.

Это конечно очень обидно, но тем не менее японские государственные люди, оценивая всю совокупность внешней обстановки, не имеют причин особенно сетовать. В прибыльном столбце общего бухгалтерского расчета Япония имеет огромные плюсы. И говорить не приходится об исключительной выгодности географического положения Островов, аналогичного таковому Англии. Вместе с тем серьезнейшему учету должны подлежать спесифические свойства национального характера островитян с его выдающимся трудолюбием, энергией, настойчивоссью, выносливостью в работе и—главное—способностью к систематическому проведению в жизнь намеченных мероприятий.

Однако, и география, и духовные качества расы, смогли проявить себя только в тот момент, когда обстановка оказалась к таковому проявлению благоприятной. Европейская война создала эту благоприятную обстановку. Поскольку европейская конкуренция создавала препоны японскому обмену, индустрии и транспорту, постольку японское народное хозяйство не могло сдвинуться с точки своего стояния и не могло приобрести нужных запасов промышленного и финансового капитала. Европейская конкуренция временно прекратила за годы войны свое задерживающее влияние, и японцы с изумительной энергией использовали благоприятную для себя обстановку.

Не надо думать, что окончание войны остановит начавшееся развитие японской промышленности и транспорта. Легкомысленно было бы надеяться, на то что Европа сумеет вернуть потерянное. Япония стала твердой ногою на захва-

ченных ею позициях, и с них не сойдет—она имеет теперь полную возможность оставить за собой и право на путь, и привиллегию продвижения по нему. То что Европа потеряла—она потеряла. То что приобрела Япония—сохранится за нею.

Токийское правительство отлично отдавало себе отчет в том, чего не хватало народному хозяйству страны для того чтобы сойти с мертвой точки и начать эволюцию развития. Оно отдавало себе отчет и в трудностях устранить существующий недостаток. Когда началась великая война, то открылись новые возможности, исключительно благоприятные, но неповторимые больше. Их надо было решительно и энергично использовать или же—если бы они остались упущенными—отказаться уже навсегда от всякого политико-хозяйственного и военно-политического тщеславия. Правительство Японии не имело намерения отказываться и потому начало действовать. Результаты его работы превзошли все ожидания. Европейская война сегодня заканчивается под знаком великого и, если можно так выразиться,—принципиального усиления страны Восходящего Солнца. Эта страна теперь, в первый раз за всю свою историю, превратилась в страну Солнца Взошедшего.

Усиление мощи Японии на ряду с усилением американской мощи—вот главные результаты Европейской войны, если в их числе не считать приобретения Европой новых страниц великолепного эпоса и новых сверкающих лавров на золотом венке военной славы. Впрочем, по мнению некоторых оптимистов, в числе результатов войны надо учитывать еще исцеление нашего материка от опасной болезни, которою он был болен последние пол-века, и в связи с этим исцелением—надежду. Быть может, это и так, и обоснованную исцелением надежду действительно следует также числить в списке результатов войны, но о надеждах пока они не оформлены рассчетом и планом—говорить вперед не следует.

Борис Доливо Добровольский.

БИБЛИОГРАФИЯ.

J. Hutter. Les Sous Marins. 1917. Librairie Militaire Berger-Levrault, Paris. 114 стр. Цена 90 сантимов.

Эта популярно изложенная книжечка является одним из многочисленных выпусков под названием *Pages d'histoire 1914—1917.* Будучи по счету сто тридцатой брошюрой этого издания, или, вернее, ряда серий издания,—Les Sous Marins являются лишь третьей или четвертой книжкой посвященной морской войне.

Прежде нежели говорить о данной книжке, являющейся, как мы уже отметили одной небольшой частью всего издания, не мешает привести, для лиц коим придется изучать мировую войну, общий план Pages d'histoire в том виде, как он был намечен издательством в 1914 году. Предполагалось весь издаваемый материал распределить по 10 сериям, содержание которых видно из следующего перечня:

1-я Серия. Разрыв, как он был наблюдаем на Восточной границе (23 июля—5 августа 1914).
2-я Серия. Дипломатические переговоры.
3-я Серия. Официальные Сообщения Французскаго Правительства.
4-я Серия. Атлас театров войны.
5-я Серия. Приказы об отличившихся.
6-я Серия. Пангерманизм.
7-я Серия. Возмущение цивилизованного мира.
8-я Серия. Война и Мировая печать.
9-я Серия. Жизнь во время войны.
10-я Серия. Военные операции.

Этой широкой, но не слишком систематической программе издательство Berger-Levrault следовало и в последующие годы войны, выпуская различные брошюры, которые без сомнения послужат ценным сырым материалом для будущего историка Мировой войны. «Синие», «оранжевые», «желтые», «серые» и

прочих цветов дипломатические сборники разных держав, сборники официальных военных сообщений и донесений, выдержки из «Бюллетеня французских армий», отчеты об исторических заседаниях палат и ученых обществ чередуются со сборниками «военной» жизни, анкетами о войне среди писателей и общественных деятелей и завершаются рядом статей популярного характера, имеющих целью разъяснить читателю условия современной войны и свойства современного оружия.

Вот в числе этих последних, наряду с брошюрами *G. Crouvezier*,—*La guerre aérienne*, *Henry de Varigny* — *Explosions et explosifs*, его же — *Mines et tranchées* и *Th. Schloesing fils*—*Le „75“. Notions sur le canon de 75*, вышла в 1917 году и книжечка *J. Hutter*,—*Les Sous marins*.

Автор ее—один из главных корабельных инженеров французского флота, служащий в центральном управлении Морского Министерства сжато, но разносторонне и интересно выполнил свою работу по следующей программе: 1) Исторический очерк развития подводного плавания, 2) Описания лодок воюющих держав, 3) Применение подводных лодок, 4) Двигатели, 5) Оружие лодок, 6) Средства противолодочной защиты и 7) Описание подвигов лодок «Согласия».

Брошюра может быть с интересом прочтена не только широкими слоями читающей публики, которые найдут в ней почти все то, что нужно для сознательного отношения к событиям подводной войны на море, но и более специальными чисто морскими и даже военно морскими читателями.

Хотя об истории подводного плаванья не мало написано на разных языках, первая глава «Les sous marins» интересна и специалисту, она ярко очерчивает историю Фультоновского изобретения, за коим последовали французские *Plongeur*, *Gymnote* и *Gustave*, *Zédé*, наступление новой эры подводного судостроения, ознаменовавшееся изобретением в 1896 году Лобефовского *Narval* (первая submersible) и дальнейшее развитие, несколько различное в разных странах, этого основного типа современной подводной лодки. Простое и интересное изложение этой главы заставляет мысленно перебрать все этапы последовательного совершенствования подводного оружия.

2-я, 3-я, 4-я, 5-я и 6-я главы менее интересны специалисту, содержа в себе больше общеизвестных фактических данных.

В 7-й главе приведено несколько описаний, в свое время, в большинстве, появившихся в печати, но тут собранных во едино, отдельных подвигов подводных лодок «Союзников» в Дарданеллах, Мраморном море, Адриатике, (в частности у Катарро и Полы) и в Балтийском море. Хотя пишущему эти строки достаточно известны многие эпизоды подводной войны за время с 1914 по 1917 год, описания двух случаев в Адриатике, первого—с анонимной французской лодкой в одном из каналов в шхерах Далматинского побережья, второго—с погибшей французской лодкой *Монж*, в тех деталях с которыми они изложены, явились новыми.

Первая лодка, попав под артиллерийский огонь австрийцев, ныряет. Скрыв перископ, лодка пытается замести следы резкими изменениями курса под водой и выныривает в виду неприятельского военного транспорта идущего под конвоем миноносцев. Удачно атаковав транспорт, и услышав взрыв мины, п. л. подвергается атаке бомбами со стороны конвойных миноносцев. Несколькими близкими взрывами бомб лодке причиняется серьезная течь через боевую рубку, с которой экипажу все-таки удается справиться. Однако слишком большой и непредвиденный «водяной баласт» неудержимо тянет ее ко дну. Манометр указывает уже предельную для прочности корпуса глубину погружения, когда командир успевает все-таки отдать предохранительные свинцовые грузы. Остановив дальнейшее погружение, с заполненной водой боевой рубкой и без предохранительного свинцового киля, лодке, несмотря на исключительныя трудности, удается в подводном положении выйти из канала на свободную воду и благополучно вернуться в свой порт.

Гибель п. л. *Монж* была, повидимому, следствием течи полученной ею от удара при столкновении с одним из неприятельских миноносцев. Лодке неудержимо погружавшейся на дно удалось сначала остановить дальнейшее погружение, а затем и всплыть на поверхность, где она увидела себя окруженной неприятельскими миноносцами. Приказав личному составу спасаться (люди все были подобраны австрийцами) командир *Монжа* Roland Morillot, остался на своем посту и потопил свое судно, дабы оно не попало в руки врага. Одна из новых французских лодок носит теперь его имя.

Из других брошюр «Pages d'histoire» морскому делу или, точнее, участию французских моряков в войне посвящены вы-

пуски 50 и 83 под названием «*Nos Marins et la Guerre*». Вторая брошюра заканчивается 14 августа 1915 года.

До некоторой степени к морской войне относится описание известной «Гонки к Морю», в которой приняли участие воюющие на Западном театре армии в течение сентября—ноября 1914 года. Эта книжка называется «*Le Course á la Mer et la bataille des Flandres*».

Впрочем, надо оговориться и указать, что обзор наш поневоле ограничивается периодом февраля — марта 1917 года, а за истекший с того времени почти двухгодичный срок издательство Berger—Levrault могло значительно пополнить морской литературой свои «Историческия странички». Чтобы быть точным, надо упомянуть, что не мало морских документов можно найти в выпусках той же библиотеки, содержащих «*Les Communiqués officiels*», вышедших, до указанного срока в количестве 30 брошюр.

Иностранные журналы за 1918 год продолжают быть редкими случайными явлениями в русской действительности. Таким счастливым исключением является апрельский номер «*The Geographical Journal*», единственный из двенадцати за 1918 год, полученный редакцией «Морского Сборника». В этой книжке издания Британского Королевского Географического Общества имеются две статьи, о которых нельзя умолчать в отделе «Библиография» Морского журнала.

Первая из них, — «*The Drift of the Endurance*» написана участником Шекльтоновской трансантарктической экспедиции лейтенантом J. M. Wordie и представляет собой доклад его сделанный в заседании общества 17 декабря 1917 года. Сопровожденная, как и все аналогичные отчеты о докладах читаемых в Бр. Географическом обществе, стенографической записью обмена мнений присутствовавших членов этого ученого общества, статья проливает свет на научную работу экспедиции Шекльтона ведшуюся на судне *Эндюранс* во время дрейфа последнего в полярных льдах моря Ведделя с 18 января по 27 октября 1915 года (дата гибели судна) и дальнейшего дрейфа льдов с экипажем *Эндюранса* с этого последнего времени по 12 апреля 1916 года.

Эпизодическая сторона этой экспедиции в кратких чертах будет приведена, на основании данных отчета J. M. Wordie, в печатаемой в ближайшей книжке «М. Сборника» нашей статье

под названием «Трансантарктическая Экспедиция Шекльтона»; здесь же мы ограничимся краткой ссылкой на материалы, которые могут быть почерпнуты интересующимися из статьи «*The drift of Endurance*». Автору ее J. M. Wordie было поручено ведение океанографических работ, поэтому, совершенно естественно, в ней и можно найти более всего материала в этой области знания. После краткого введения, имеющего целью осветить вопрос изучения Ведделева моря с точки зрения его истории, Уорди переходит к описанию обстановки, при которой судно было затерто льдами, и дальнейшим наблюдениям над развитием ледяных образований, окончательно сковавших *Эндюранс* в южную зиму 1915 года, отличавшуюся особой беспримерной суровостью. Попутно делаются ссылки на метеорологические, магнитные и биологические наблюдения, ведшиеся другими членами экспедиции на *Эндюрансе*. Кроме наблюдений над льдами, в статье приведены данные о характере рельефа дна моря Ведделя, в изучение которого наблюдениями с *Эндюранса* внесено немало нового и о сомнительной до сего времени «Земле Морреля», существование которой, видимо, отныне может почитаться опровергнутым; далее приводится сравнение дрейфа *Эндюранса* с аналогичным дрейфом судна Германской Экспедиции Фильхнера в 1912 году и описание вскрытия морского льда южной осенью 1916 года, принудившего участников экспедиции прибегнуть к дальнейшему плаванию на север уже на шлюпках. К статье приложена карта в 1/7,500,000 (около 120 м. миль в дюйме) иллюстрирующая дрейф *Эндюранса* и результаты наблюдений предыдущих исследователей этой полярной области.

Другая статья в *Geographical Journal* под названием «*British interests in Spitsbergen*» (Британские интересы на Шпицбергене) заслуживает внимания русских читателей, не только с точки зрения специально морской, но и с некоторых других.

Дело в том, что в декабре 1916 года Совет Королевского Географического общества вынес резолюцию в январе 1917 года, пересланную Британскому Министру Иностранных дел, о необходимости принятия со стороны Англии немедленных шагов для поддержания британских политических, стратегических и экономических интересов на Шпицбергене путем скорейшего заключения соглашения между Англией и ее союзниками о будущих судьбах этого острова. Исходя из общеизвестной оценки значения

этого полярного архипелага, простирающего, как из сравнительной близости его к Британским островам и важному торговому пути между Англией и русским севером, так и вследствие наличия в недрах острова ценных залежей каменного угля и иных минералов, Британское Географическое Общество поднимает этот вопрос в связи с некоторыми пунктами Брестского договора, которыми предрешается участие Германии в международной организации Шпицбергена намеченной в конференции, прерванной началом мировой войны. Действительно, в русско-германском дополнительном договоре, заключенном в Брест-Литовске 3 марта 1918 года глава девятая, состоящая из одной тридцать третьей статьи предусматривает, что «обе договаривающиеся стороны» должны стремиться к тому «чтобы в намеченной на Шпицбергенской конференции 1914 года международной организации Шпицбергенского архипелага обе стороны были поставлены в одинаковое положение».

Оставляя в стороне эту международно правую формальную сторону вопроса, тем более, что Брестскому договору, повидимому, не суждена долгая жизнь, обратимся к тем обоснованиям, которые приводятся Советом Британского Географического Общества в подтверждение высказываемых им положений. «С исторической и географической стороны», говорится в письме председателя Географического Общества, «вопрос (о предоминирующих английских интересах на Шпицбергене) представляется весьма простым. В приложении, составленном сэром Мартином Конуэй приведен хронологический перечень событий ранней истории архипелага. Из него ясно, что Великобритания в продолжение целого полустолетия (1614—1670 г.г.) осуществляла фактическую и признанную оккупацию южной половины главного острова от бухты Кинг-бей к югу. В этой области, являющейся наиболее удобной для эксплоатации человеком, находятся главные угленосные районы. В том же самом веке Голландия заявила право на северную часть главного острова. В первой половине 19-го столетия русские промышленники посещали как британскую территорию о-ва, так и восточный остров. «Таким образом», говорит председатель Геогр. общества, «безусловные исторические права Великобритании на Шпицбергенские о-ва представляются высшими (или близкими к тому), нежели право других наций. Ни одна из других стран не имеет на острове ничего, кроме

коммерческой собственности и прав, проистекающих из оккупации и права лица пользующегося (user)».

«В географическом отношении, наиболее важным обстоятельством в положении этой обширной группы островов является доступность их для судов в течение 4—5 месяцев ежегодно (а с помощью ледоколов, быть может, и круглый год) и, как следствие этого, возможная их обитаемость. Острова, недра которых содержат большие залежи ценного каменного угля, не уступающего по своим качеством лучшим сортам Уэльского угля (*по нашему — кардифа. Прим. переводчика*) расположенные в расстоянии 60—72 часового перехода от портов Шотландии находятся вне чьей бы то ни было определенной юрисдикции. Шпицберген—terra nullius (ничья земля); собственность, приобретаемая по праву первой заявки, находится в зависимости от силы вновь явившегося; право—в силе и против неправильно действующего нет никакой управы. Раздоры и столкновения проистекающие из за такого положения вещей между английскими, американскими, норвежскими, шведскими и русскими горнопромышленниками и охотниками, заявляющими права на о-в привели к созданию международной конференции, начавшей свои работы в Копенгагене незадолго до начала Мировой войны. Конференция имела целью учреждение некоего Соединенного Международного Управления островом, на подобие того, как это было в свое время неудачно испробовано на островах Тихого океана. Работы конференции не были доведены до конца, ибо члены ее не смогли придти к общему решению, что в широкой степени было следствием претензий, заявленных делегатом Германии».

В виду неуспеха Шпицбергенской конференции положение дел на архипелаге осталось прежним и, по мнению Совета Общества, этот срочный и важный вопрос должен быть разрешен возможно скорей.

Путь к такому разрешению, по мнению Совета, лежит через заключение такого соглашения с союзниками Англии, которое привело бы к объявлению суверенитета Великобритании над всей группой островов или над той частью архипелага, над которой осуществлялась английская аннексия в семнадцатом веке.

Необходимость срочного решения вытекает не только от вышеуказанных неудобств (говоря мягко), приводящих к раздорам

между промышленниками, но и вследствие других опасностей политического и стратегического характера. Еще до войны Шпицберген был использован Германией для устройства радиостанции, она же предполагала создать на острове свою гавань и несомненно заинтересована в организации там теперь базы для подв. лодок для действия ими на торговых путях на русский север и в Сибирь.

«Совет не закрывает глаз и на обратную сторону принятия определенных и решительных мер в этом деле», выражающуюся в нежелательности расширения сферы английских морских операций и риске возможных обострений со скандинавскими нейтралами, но затяжка решения до конца войны может быть чревата дальнейшими осложнениями. «Последния русския действия, предпринятые по отношению к другим островам Арктического океана [1]), могут дать указания на то, что наши союзники намерены использовать переживаемое время для обеспечения своих интересов в области таких территорий, на которые или не заявлено никаких прав, или таковые являются спорными.

Подп. Президента Общества

Дэглас В. Фрешфильд»

На это письмо Британский Министр Иностр. Дел ответил 7 марта 1917 года,—признавая, что Шпицбергенский вопрос не единственный, по которому было бы желательно принять определенное и скорое решение, Министр считает, что по условиям момента поднимать его теперь не представляется возможным; важность его не упускается из вида и при всяком решении необходимость охраны британских интересов будет тщательно принята во внимание.

В виду безусловного интереса для России в том или ином разрешении Шпицбергенского вопроса мы привели содержание английской статьи «The British Interests in Spitsbergen» почти без пропусков, остается только добавить к ней перевод приложенного к письму Президента Геогр. Общества Хронологического перечня событий из ранней истории острова.

---

[1]) Вероятно речь идет об архипелаге Франца Иосифа, на котором экспедицией Ислямова в 1914 году был поднят русский флаг.

Приложение.

Источник: Книга Сэра Мартина Конуэй (Sir Martin Conway) «Безлюдная земля» (No Man's Land) Cambridge University Press, 1906.

17 июня 1596. Шпицберген открыт Голландскими судами под командой Вильяма Барентца. голландцы высадились на берег 21-го в Фрейгавене, где и установили Голландский герб. Дальнейших попыток со стороны голландцев к использованию сделанного открытия не было.

27 июня 1607. Шпицберген вторично открыт, на этот раз английской экспедицией Генри Гудзона, которая высадилась в Кинг-бэй. Прямым следствием этого путешествия было то, что английская компания торговых предпринимателей сделала из Шпицбергена базу для китобойного промысла и пользовалась ею в течение нескольких лет. Увлеченные барышами англичан, голландцы также последовали их примеру, вследствие чего возникли трения и голландцы заявляли свои права на остров, ссылаясь на первенство открытия.

1610 г. Первая английская китобойная экспедиция на Шпицберген. В одном из разветвлений б. Кинг-бей устроена база.

1611 г. Вторая английская экспедиция, на этот раз снабженная грамотой Privy Council, дававшей ей исключительные права (under charter of Exclusive rights from the Privy Council).

1612 г. Третья английская и первая голландская китобойные экспедиции. Голландцы добираются до о-ва при помощи английских лоцманов перебежчиков из числа участников первых экспедиций.

1613 г. Компания под названием Muscovy Company получает от короля Якова I монопольные права на Шпицбергенские рыбные промыслы. Большое число голландцев и иных иностранцев занимаются контрабандным ловом, что приводит к ряду боевых столкновений.

1614 г. Голландцы, создав сильную китобойную компанию *фактически* (de facto) овладевают и удерживают за собой бухту и острова на Сев. Зап. оконечности Шпицбергена, где строят довольно значительное летнее поселение.

Англичане *фактически* (de facto) с этого времени удерживают за собой бухты, лежащие от группы Кинг-бэй к югу до пролива Хорн-Зунд. Отдельные выходцы из Гамбурга, датчане и французы случайно появляются в сфере голландских владений, но никогда не заходят в английские. В течение этого года англичане формально овладевают различными областями, на которые отныне распространяется сфера их влияния. *В этом году король Яков формально аннексирует Шпицберген и присваивает ему имя Ньюланд (Newland).*

Голландцы отказываются признать английскую аннексию и силой поддерживают частичное обладание территорией острова в северо-западной его части. Неформально, на практике, с этого года устанавливается молчаливое между англичанами и голландцами соглашение на

основе вышеуказанного разграничения. Хотя между обоими нациями в течение ближайших лет происходит трения, но в практическом разграничения осложнений не наблюдается.

1618 г. После новых недоразумений голландские представители зимой посылаются в Англию для продолжения дипломатических сношений.

Июль 1619 г. В Merchant Taylor's Hall объявляется решение короля Якова. Придерживаясь ранее объявленной аннексии, он соглашается на трехлетнее перемирие при условии, что и англичане и голландцы остаются в соответствующих, практикой установленных границах. Голландцы — на С. Зап. оконечности, англичане — в бухтах Западного берега. В атласе Сэра Мартина Конуэя, находящемся в Картографической комнате Королевского Геогр. Общества имеется карта с установленным в 1634 году официальным разграничением обеих областей (by Michae-Harmensz. Middelhoven, 1634, in Rijks Archiv, The Hague, № 2).

1626 г. Около этого времени и позже между Лондонцами и Гулльцами, а также и другими английскими горожанами происходят пререкания по поводу разграничения прав в английской области Шпицбергена. Отныне англичане удерживают владение западными бухтами без практического вмешательства со стороны других национальностей. Список гаваней, считавшихся английскими в 1653 году имеется в State papers, Demestic, Interregnum, vol. 179, Jan. Feb. 1658, № 11 (2). Оккупация Шпицбергена прекращается со времени прекращения боя китов возле него.

В девятнадцатом столетии Шпицберген посещается только научными и охотничьими экспедициями, из числа которых некоторые там зимуют. Все это, однако, только кратковременные посещения не могущие влиять на старинные и длительно осуществлявшиеся английские права на остров.

Таковы исторические обоснования английских прав на Шпицберген, приведенные в «British Interests in Spitsbergen».

Не задаваясь ни в какой степени целью оспариванья цитированных положений статьи, ибо задачей нашей является только библиографическое описание данного труда, мы не можем, однако, не указать на существующие в литературе о Шпицбергене [1]) иные указания на первенство открытия Шпицбергенского архипелага. Эти указания сводятся во-первых к преданию, согласно которому еще до 1435 года предки вологодского крестьянина Старостина, происходившие из Новгородских выходцев, имели на западном берегу Шпицбергена (Грумант) избы в гавани называемой Старостинской (она же Кломбэй), а во вторых к на-

[1]) *Шпицберген в русской истории и литературе.* Краткий историч. очерк русск. плаваний и подр. указатель литературы по этим вопросам. Сост. А. Ѳ. Шидловский. С.-Петербург, 1912 г.

личию в Копенгагенском Cancellie-Register подлинного письма датского короля Фридриха II от 11 марта 1576 г., в котором упоминается о русском кормщике Павле Нищеце, посещавшем остров.

Таким образом одни эти данные, свидетельствуя о возможном посещении Шпицбергена русскими в 16-м или даже 15-м веке, могут в известной мере опровергнуть высказанные в «Geographical Journal» соображения английского географического общества. Что же касается до экономической заинтересованности России в Шпицбергенском вопросе, то и об ней существует немалая литература (см. «Шпицберген в русской истории и литературе»), последним же сочинением в этой области, вышедшим в свет в 1917 году надо считать брошюру—*А. Ф. Зайцева. Шпицбергенский уголь.* Издание Управления постройки Мурманской жел. дор. Склад Т-ва М. О. Вольф, цена 1 рубль. 23 стр.

Впрочем, время от времени, в повременной печати появляются краткия заметки о Шпицбергене. За последнее время такие между прочим были: в журнале «Русское Судоходство» № 3—5 1918 г. стр. 16-я *Перспективы снабжения Шпицбергенским углем Севера Европы*, в «Торгово-Промышленной газете» от 20 июля, 18 августа и 10 сентября с. г. в «Финансах и Нар.-Хозяйстве» от 3 октября с. г. № 13.

Е.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ E 14 И E 11.

Нынешняя война похожа на ледяную гору. Мы видим только восьмую часть ее, выдающуюся над водой. Остальное скрыто от наших глаз, и, подобно тому, как о размерах горы мы можем судить лишь по отдельным огромным глыбам льда, оторвавшимся от какой нибудь скрытой под водой вершины и всплывшим на поверхность где-нибудь за четверть мили от нее, так и в этой войне выплывают на свет Божий случайные рассказы, свидетельствующие о деятельности судов в разных местах земного шара.

Одно время в Мраморном море действовали подводные лодки типа *E*. Путь к району их операции был усеян опасностями, воды буквально кипели «глазами», не дававшими им покоя, а всякие изъяны и аварии могли быть исправлены только по возвращении к базе. Полный рассказ о их действиях, вероятно, никогда не увидит света, хотя кое-какие отрывки изредка и попадаются в специальной печати. Адмиралтейство дает только «скелет» официальной истории жизни корабля, но и этот скелет не совсем еще лишен мяса.

Под огнем и под водой.

Отправляясь в Мраморное море, *E 14*, подобно своим сестрам, «следовала» через Дарданеллы, пользуясь газовым двигателем. А газовый двигатель ночью среди отвесных скал— это, по словам обитателей жилой палубы, все равно, что «полный духовой оркестр в туннеле». Один форт сейчас же высмотрел ее прожектором и стал обстреливать, но неудачно. Она нырнула под минное поле, заграждавшее вход в пролив,

а когда на рассвете вынырнула в узкой его части, имеющей всего около полутора мили ширины, то подверглась обстрелу уже со всех фортов. Пролив кишел паровыми сторожевыми судами. *E 14* выбрала среди них турецкую канонерку и пустила в нее мину.

Покушение на глаз E 14.

Едва успев заметить большой столб воды, взлетевший вровень с верхушкой мачты канонерки, она должна была тотчас же снова погрузиться, так как «люди с маленького парохода, перегнувшись через борт, пытались схватить за кончик моего перископа», рассказывал впоследствии командир лодки.

Заметил ли он под водою смутные очертания днища маленького парохода сквозь стекла иллюминаторов?

Или же коварный пароход неожиданно выплыл в поле его зрения из за кормы, и протянутый смуглый кулак внезапно затемнил перископ *E 14*?

Был ли этот пароход единственным, или входил в состав целой стаи мелких плещущихся и шумливых судов?

Может быть командир был слишком занят, чтобы заметить все это: ведь со всех сторон окружали патрули; впереди простиралось минное поле причудливых очертаний и неопределенного протяжения, а спереди и сзади его усердно старались поймать паровые тралеры.

И вот, проведя шесть часов в мучительной агонии, *E 14* увидела, что Мраморное море покрыто мелкими судами; почти все время она должна была держаться под водой, не могла и спокойно заряжать свои батареи, так что в конце второго изнурительного, тревожного дня, проведенного в беспрестанных подъемах и погружениях—что естественно дурно влияет на настроение—она решила покинуть эти зараженные прибрежные воды и направиться куда нибудь в сторону от проезжих дорог.

В результате, после продолжительного, жаркого бега (не пошедшего в пользу моторам), она вернулась к своему дозору, где усмотрела три контр-миноносца, сопровождавших три транспорта.

На море стояла зеркальная гладь и миноносцы погнались за лодкой.

Горящий транспорт.

Она выпустила мину в один из транспортов и нырнула, не успев удостовериться в результате. Она оправдывается тем, что один из ее перископов накануне был поврежден— не людьми, свесившимися с маленького парохода, как можно было бы предположить, а случайным выстрелом—калибр не указан.

— «Таким образом,—говорит *E 14*,—мы не могли рисковать, так как и последний наш перископ погнулся».

Однако, она слышала гул, и измерили—большие стрелки на белых дисках «дрогнули»,—а под водой это тоже верный признак катастрофы. Поднявшись снова на поверхность, она увидела миноносец, отводивший горящий транспорт к ближайшему берегу.

В тот же день она встретила подводную лодку (ныне покончившую свои дни), которая сообщила, что осталась почти без мин, и они уговорились встретиться на следующий день, но «прежде чем могли подробно условиться, нам пришлось погрузиться, и мы ее больше не видели».

Много, должно быть, происходит в море таких встреч под всякими небесами: в условленном месте всплывают одна подле другой две лодки для обмена новостями и материалами; голоса перекликаются, в то время как глаза говорящих безотрывно устремлены на горизонт, и вся команда на чеку, готовая в любой момент погрузиться, хотя-бы посредине фразы.

E 14 действовала возле линии прохода судов.

Неизвестный пароход, точно с трудом тащившийся по зеркально-гладкому морю, был предусмотрительно прогнан обратно в Константинополь: *E 14* обстреляла его с носа.

«Весь день под огнем»,—философски замечает *E 14*. Самая природа ее работы делала такое состояние неизбежным. Она все время находилась среди сторожевых отрядов, державших ее значительную часть времени под водой и подвергавших

тяжелому испытанию ее батареи, а когда она поднималась, чтобы зарядить их, береговые дозоры зажигали нефтяные огни или же разводили на холмах дымные костры в зависимости от освещения. В том и другом случае, на нее устремлялись стаи всевозможных сторожевых судов, от паровых баркасов до канонерок.

Добрая лодка.

Подводные лодки ни в ком не возбуждают нежных чувств, но *E 14* совершила несколько деяний, снискавших им популярность. Она освободила караван пустых барж, влекомых буксиром, который поспешно удрал обратно в Константинополь; остановила два парохода с беженцами, тоже направлявшихся в Константинополь; «очень обрадовались, что им разрешили следовать дальше», а не «лузитанировали», вопреки их ожиданиям.

Третий пароход с беженцами, спасшийся Бог весть от каких ужасов, она загнала в порт Родосто, где, хотя никаких войск и не было видно, по ней открыли сильный ружейный огонь.

Сквозь черту опасности.

Израсходовав все свои мины, *E 14* намеревалась вернуться домой тем же путем, каким и прибыла—другого не имелось—и была прогнана в Галлиполи смешанной компанией, состоявшей из канонерской лодки, миноноски и буксира.

«Они провожали меня до Галлиполи,—говорит она,—двое по сторонам, один сзади, рассчитывая, очевидно, что я запутаюсь в протянутых там сетях».

С крайней осторожностью она проделала затем часов в восемь или около этого обратный путь по проливу, обходя на глубине сильные течения, погружаясь, когда огонь с фортов становился черезчур настойчив, проверяя свое положение и расположение минных заграждений, и все время ведя запись обо всех замеченных судах; наконец, около пяти часов дня увидела в море, у входа в пролив, свою эскадру

и поднялась на поверхность на траверсе у французского броненосца, который приветствовал ее громкими криками.

Она пробыла в работе ровнехонько три недели; какой-то любезный миноносец проводил ее до ее базы, где мы ее и оставим на время, а сами займемся операциями *E 11* в тех же водах и приблизительно в то же время.

Глухие и немые въ непріятельскихъ водах.

E 11 «проследовала» обычным путем с обычным сопутствием вражеских миноносцев в проливе, и встретилась с обычными затруднениями при заряжании батарей во время перехода. Беспроволочный телеграф ее, разумеется, пользуется случаем, чтобы подбавить ей хлопот, и *E 11* остается глухою и немою где-то посреди Мраморного моря, спасаясь под водой от неприятельских миноносцев, а в промежутки пытается выяснить, какой именно грех случился с ее аппаратом.

Затем она направляется к Константинополю, натыкается возле порта на турецкую канонерку и топит ее; перископ ее разбит шестифунтовым снарядом, она удаляется, пристраивает к перископу новый «глаз» и в 10 ч. 30 м. утра подает свисток: «Все купаться». Можно себе представить, с каким удовольствием был встречен этот приказ.

Освежившись, *E 11* в конце концов кое-как налаживает безпроволочный телеграф и может сообщить начальству, где она находится и чем занята.

В это время—неподалеку от Родосто—появляется маленький пароход, который не останавливается, вопреки приказу, поэтому в него дают «несколько залпов». Экипаж, когда ему приказывают покинуть судно, бросается в шлюпки с такой поспешностью, что из трех шлюпок две опрокидываются.

«К счастью,—говорит *E 11*,—удалось подобрать всех».

Выступление Сайласа О. Суинга.

Можно представить себе общую суматоху, пестрые одежды и всякий хлам, всплывшие вокруг шлюпок, разноголосные

крики, огласившие воздух над светлой, вспененной водой. Но чего нельзя себе представить, так это следующее: «В это время,—доносит лодка,—на верхней палубе появился американец, который сообщил нам, что его зовут Сайлас К. Суинг, из «Солнца Чикаго», и что он очень рад с нами познакомиться. Потом сказал, что пароход следовал в Чанак, и он не знает, есть ли на нем какие нибудь припасы».

Если бы в наше время что либо могло удивить подводников, то можно бы пожалуй подумать, что появление м-ра Сайласа Суинга («Очень рад с вами встретиться, господа») должно бы заставить сдвинуться с места одну или две заклепки в обшивке *E 11*. Но она даже и не дрогнула.

В числе ее команды состоял лейтенант по имени Д'Ойлей Юз, специалист по подрывным работам. Он отправился на борт парохода и донес о нахождении некоторого количества «припасов»—как то: о шести-дюймовой пушке, привязанной поперек носового люка (Сайлас Суинг, повидимому, не особенно наблюдательный журналист); второй шести-дюймовой пушке, стоящей в носовом трюме; о подушках для 12-фунтовых орудий, разложенных вместо подстилки под товарами; о кормовом трюме, наполненном шести-дюймовыми снарядами, и о множестве других предметов. Он заложил патрон между шести-дюймовыми снарядами, и через несколько минут все пошло ко дну.

«Одновременно с потоплением судна,—продолжает *E 11*,—в восточном направлении был замечен дым». Это был пароход, видевший взрыв и торопившийся в Родосто. *E 11* преследовала его, пока он не пристал к молу—тяжелый грузовой пароход, до верху заваленный ящиками с кладью и тут пустила в него мину. Глубина здесь маленькая и хотя *E 11* все время ударялась о дно, значительная часть ее единственного перископа все же была видна; ружейный огонь с берега порядочно зазубрил его, но, по счастию, не испортил.

Выходя из бухты Родосто, она увидела гребное судно, груженное колючей проволокой и остановившееся на оклик; однако, «когда мы поровнялись с ним, оно сделало попытку протаранить нас, но не успело, благодаря нашему превосход-

ству в скорости». Затем, «весьма разумно» она устремилась к берегу, повернувшись кормой к *E 11*, и село на мель у прибрежных утесов. Минеры только что собрались приступить к делу, как «на вершине скал показался отряд всадников, который открыл сильный огонь по нашей командной башне». *E 11* отошла, но, по случаю мелководья, не сразу могла настолько погрузиться, чтобы пустить мину. Корма сидящего на мели судна—мишень небольшая, и мина взорвалась на берегу. Тогда *E 11* «зарядила вновь батареи и медленно проследовала к Константинополю, держась на поверхности». Все это произошло в обычные присутственные часы, между 10-ю утра и 4-мя пополудни.

„Невидимой".

Запись о работе следующего дня начинается так, как не осмелился бы начать ее ни один романист со слабой фантазией: «Пробравшись незамеченными в Константинополь, усмотрели...»

Наблюдения ее были, впрочем, затруднены бурной погодой, илом и течениями, а также капризами одной из мин, которая перевернулась вверх дном и беспорядочно закрутилась. Во что-то попала, также, и выпущенная вторая. Вообще, в водах около Константинопольского Арсенала не обеспечено безопасное пребывание; там с легкостью настолько переполошишь все морские силы, так что ничего не останется, как «повернуть к выходу».

Султанша в мешке.

Дальше дело обстояло немногим лучше, и *E 11* во время своего рискованного перехода уподоблялась красавице из гарема, посаженной в мешок и брошенной в Босфор

Она тяжело стукнулась о дно, подскочила на 30 фут, опять погрузилась при помощи маневра, над которым легче содрогнуться, чем описать его, а когда, наконец, смогла спокойно расположиться на дне, то заметила по компасу, что она

вращается. «Стали с большим интересом следить за компасом». И пришли к заключению, что судно (*E 11*—одна из немногих субмарин, величающих себя «судном» и «лодкой») лежит на банке под Башней Леандра, и ее вращает течение.

Кое-как справившись, пустили в ход двигатели, и «тихонько нырнули вниз на глубину 85 футов», столько же зная о том, куда их приведет этот нырок, как и упомянутая султанша в мешке.

Дни мойки.

Следующий день был употреблен на «отдых на середине Мраморного моря». Это было их излюбленное место между операциями, потому что давало возможность почистить судно и самим искупаться, а они были чистоплотный народ и в приемах и в личных привычках.

Подойдя к маленькому судну и не найдя на нем ничего достойного внимания, «расстались, обменявшись сердечными пожеланиями» и *E 11* «отлично помылась».

Она подробно приводит причины; «визиты в Константинополь, блуждание по проливам—все это рядовая работа, но исполнять ее грязными—дело другое». Под конец заметили, что воздух в лодке стал очень тяжел, несомненно, по причине того, что «накопилось много грязного белья, а также потому, что недостаток пресной воды вынудил ограничить личные омовения команды».

Отсюда и «середина Мраморного моря»; все вволю поплескались за бортом, а остальное время, сколько позволили срок стоянки и служба, пошло на мытье и стирку. Кстати, вот одна из причин, по которой мы со временем опять будем дружить с турками: они разделяют многие наши понятия о благопристойности и чистоте.

Снова мины.

В надлежащий срок *E 11* вернулась к своей базе. Она открыла способ дважды употреблять неиспользованные мины, чем очень удивила неприятеля, и чуть-чуть не была пото-

плена судном, которое, как ей показалось, уходило от нее. На самом же деле (она сделала это открытие, находясь от него на расстоянии всего 3000 ярдов), незнакомец на всех парах шел прямо на нее. «Неприятель тогда должен был отметить довольно рискованный нырок на полном ходу с поверхности на глубину 20 фут и во столько же секунд. На этот раз он действительно повернул вспять, и мы его больше не видали».

Проходя проливами, она заметила пустой транспорт на якоре, но приберегла свои мины, в надежде наткнуться дальше на какой нибудь броненосец. Не найдя их в узкой части пролива, она повернула обратно и потопила транспорт, «после чего продолжала путь вниз по проливу».

Сумасшествие подлодки.

Около Килид-Бара что-то случилось: она точно потеряла равновесие и чуть было не опрокинулась, не успев дойти до надлежащей глубины. Должно быть в дело замешался подводный смерч, или что нибудь другое. Рассказывают же об одной лодке, которая «сошла с ума» в этих самых водах и по причинам, которых невозможно было установить изнутри, нырнула на глубину, недопускаемую техническими условиями; потом взметнулась вверх, как меч-рыба, и, без сомнения, так и продолжала бы до самой своей гибели, еслиб что-то, с чем она сцепилась, не оторвалось, и так дало ей возможность придти в себя.

Проводы мины.

Час спустя «услышали шум, какой бывает, когда лодка царапает о дно. Зная по месту нахождения лодки, что это невозможно, поднялись на 20 футов для исследования и заметили большую мину, плывшую футах в двадцати впереди перископа; повидимому, цепи ее мертвых якорей зацепились за левый гидроплан (Гидропланы—это плавники у носа и кормы, регулирующие погружение лодки). А мина весит от ста фунтов до полу-тонны.

Иногда она взрывается, не успеете вы о ней и подумать; а иногда вы можете колотить по ней, как по пустой сардиночной коробке, и она кротко это переносит; ни в коем случае она не предназначена для подвешивания к гидроплану. Они не отважились подняться на поверхность, чтобы отвязать ее, «опасаясь береговых батарей», и подталкивали опасную гостью перед собою, пока не вышли из Кум-Кале. Тогда они дали полный задний ход и открыли кормовые цистерны, отчего нос опустился, и в этом положении поднялись на поверхность»: напор воды, вызванный работой винтов, в соединении с задним ходом помогло мине отделиться от судна».

«Только безумец,—сказал д-р Джексон,—взялся бы описать это приключение».

Повреждения и починки.

Прежде чем передавать дальнейшие приключения подводной лодки *E 14* и ее товарки *E 11*, расскажем о поистине из ряда вон выходящем происшествии с лодкой *E 12* в Мраморном море.

Главные двигатели ее с самого же начала сплоховали, и она оказалась калекой, повидимому, на большую часть своего рейса.

Она заметила два маленьких парохода, один буксировал два, а другой три парусных судна, всего, следовательно, семь судов. Остановив первый пароход, она заметила, что на нем много товаров, а кроме того, что весь его экипаж—шлюпок при нем не было—стоит на палубе в спасательных поясах. Не видя пушек, *E 12* подошла ближе и приказала старшему лейтенанту осмотреть пароход. Тогда пароход пустил в *E 12* бомбу, которая, по счастию, не разорвалась, и открыл огонь из ружей и скрытой пушки. *E 12* ответила из орудия. Оба парусника на буксире сделали попытку повредить винты *E 12* и также открыли ружейный огонь.

Это была самая настоящая восточная хаотическая битва, какую только можно вообразить:—старший лейтенант и при-

зовая команда дерутся на пароходе, *E 12* сцепилась нос к носу с пароходом, а с ней в свою очередь сцепились парусники; шестифунтовые снаряды методически дырявят пароход с носа до кормы; пушка с парохода и ружья с парусников обстреливают лодку вдоль и поперек; у *E 12* один работоспособный мотор обнаруживает «легкие дефекты» разумеется именно в тот момент, когда способность маневрировать была так существенна.

Отчет почти так же запутан, как, вероятно, беспорядочна была и сама схватка. Во всяком случае, пушка вызвала взрыв снарядов на пароходе, вследствие чего он затонул в четверть часа, дав *E 12* возможность избавиться от него и затопить оба парусника. Затем она пустилась преследовать второй пароход, который перерезал три своих буксирных каната и устремился к берегу. *E 12* щедро угощала его снарядами, пока он удирал, видела как он, ярко вспыхнув, выбросился на берег, а потом, так как с берега открыли огонь из 1500 ярдовой пушки, удалилась подлечить свои двигатели и сделать запись в шканечном журнале. Она одобрила поведение своего старшего лейтенанта «в очень трудных обстоятельствах» (это относится, вероятно, к взрыву снарядов ее пушкой, несомненно задевшему и абордировавший отряд), одобрила и «пушкарей», которые все действовали очень хорошо под огнем ружей и мелкокалиберной пушки «на расстоянии около 10 ярдов». Но она ни словом не выдает своего истинного мнения о своих двигателях.

Схватка у мола.

Теперь проследим различные действия *E 14*, выступавшей или в единственном числе, или в качестве флагманского судна в эскадре, состоявшей из нее самой и лодки командира Нэсмита, *E 11*. Июнь месяц выдался хлопотливый, и она близко познакомилась со всякого рода судами—вроде двухтрубной канонерской лодки возле Сар-Киои, которая «выстрелила и, по обыкновению, промахнулась»; с госпитальными судами, беспрепятственно выходившими из Константинополя и вхо-

дившими туда, и с другими старыми друзьями и на море и на суше.

Когда экипаж турецкой, тяжело груженный кладью бригандины, по ее приказанию пересел на шлюпки, а потом «все встали и ругали нас», *E 14* не потеряла самообладания, хотя и очень неприятно было стоять возле покинутого судна. Она приказала лейтенанту Р. В. Лауренсу отправиться вплавь на бригантину, что он и исполнил, и после «беглого осмотра»— нельзя же несколько часов разыгрывать Шерлока Холмса в костюме Адама,—поджег ее «воспользовавшись ее собственными спичками и керосином».

Затем у *E 14* была схватка с пароходом, имевшим желтую трубу с синим верхом и черной полосой, стоявшим у мола, среди рыбачьих шхун. Берег принял участие в игре, действуя мелкокалиберными пушками и ружьями, и в то время, как *E 14* маневрировала, согласно приказа, на рейде, произошел внезапный непонятный взрыв, который жестоко встряхнул ее. «Я думаю,—размышляла она,—что во время поворота зацепила кормой за канаты мины, и она взорвалась. Возможно что это разорвался над нами и какой нибудь крупный снаряд, но мне представляется это маловероятным, так как мы находились в эту минуту на глубине 30 футов». Эта лодка— большой философ, она всегда озабочена выяснением причины фактов, и когда судьба против нее, откровенно это признает.

Потом заметили какое-то неизвестное судно, в несколько сот тонн водоизмещения: «издали оно казалось не особенно воинственным», но когда стали его преследовать, внезапно выпустило два шестифунтовых снаряда, и еще «дало по нас дюжины две залпов, раньше чем мы погрузились. Некоторые снаряды падали всего в 20 ярдах от нас». А когда какой-то лукавый пароход, пройдя вдоль берега, встал перед городом, первое судно «стало невозможным отличить от домов», и, таким образом, оно спаслось, потому что мы не нападаем на незащищенные города.

Шедшие под парусами шхуны с зерном подлежали уничтожению. Однажды, дожидаясь *E 11*, на долю *E 14* выпало три таких случая: «люди были доставлены на берег, и мы дали

им сухарей, мяса и разбавленного рома, потому что они порядочно промокли». Пассажирские пароходы пропускались беспрепятственно, так как на них «было множество людей обоего пола», и поступить иначе было бы некультурно.

А вот еще пример настроения и взглядов моряков. Проходит пустая шхуна, которую *E 14* решила было пропустить с миром, но тут ей показалось, что у шхуны «какой-то заброшенный вид» а в воде как будто мелькнули две головы. И вот она возвращается на пол-мили назад, подбирает двух совершенно измученных людей, перепуганных почти до потери сознания, поит и кормит их и доставляет обратно на их судно. Людей, бросающихся за борт, приходится подбирать, даже если, как было в одном случае, их насчитывается до двадцати, и один из них—директор германского банка, везущий большие деньги для банка в Чанаке. Госпитальные суда окружаются тщательным наблюдением и беспрепятственно пропускаются по назначению, но они являются порядочной помехой, потому что *E 14* и другим лодкам приходится при виде их погружаться в то время, как они подкарауливают дозволенную добычу. Госпитальных судов было много, и насколько можно понять, они все действовали прекрасно. *E 11* пристала к одному и «нашла все в порядке».

Странные сотрапезники.

Профану трудно на основании отчетов составить впечатление о том, какая из обязанностей требовала больше труда и напряжения—постоянная ли очистка моря от транспортов, шхун и парусных судов, обычно встречаемых по близости от вооруженного пушками и бдительного берега, или столь же постоянные нападения на всякого рода вооруженные суда. Но во всех операциях перед командой подводных лодок всегда вставал вопрос о дальнейшей судьбе экипажа потопленных судов. Если при шхуне не имеется шлюпок и нельзя найти свободных по близости, приходится брать людей на лодку где они страшно мешают и еще усиливают духоту атмосферы—вроде тех «девяти человек, в том числе двух глу-

боких старцев», которых *E 14* пришлось иметь почетными членами своей компании в течение нескольких часов, пока с наступлением темноты не удалось высадить их на берег. К великому своему изумлению, они «не смогли ничего от них выведать». Представьте себе девять сбитых с толку мусульман, внезапно свалившихся в дымные, грохочущие недра фабрики, явно построенной самим шайтаном, и окруженных его приспешниками. Но наши моряки—просвещенные люди, а не пожирающие всякую нечисть кафры, и я готов побиться об заклад, что эта маленькая компания высадилась на берег в куда лучшем настроении, чем спускалась в люк командной башни.

Были причудливые земноводные битвы с войсками, которых приходилось бомбардировать во время их перехода к Галлиполи по береговым дорогам.

E 14 вышла вместе с *E 11* ранним утром, и обе выбрали себе определенные участки местности. Трижды *E 14* открывала огонь, полагая, что видит пыль, вздымаемую пехотой, но «каждый раз это оказывались телята». Когда бомбардировка кончилась, надо полагать, что войска, шедшие по этой дороге, рассеялись. Турки выдвинули среди дня—правоверные никогда не торопятся,—полевую пушку, которая отогнала обе лодки, и им пришлось удалиться. На следующий день *E 14* поменялась местами с *E 11*, которой посчастливилось нагнать и потопить броненосец возле Галлиполи. Этот был *Барбаросса*. Тем временем *E 14* потопила транспорт с продовольствием в 5000 тонн, а несколько позже подожгла парусник, груженный 200 тюками листового и резанного табаку—турецкого табаку. Неудивительно, что *E 11*, говорит *E 14*, «подошла к нам под вечер и пробыла около часа»—вероятно набивая папиросы.

Починки в затруднительных обстоятельствах.

После этого *E 14* вернулась к своей базе. Ей пришлось вытерпеть адские муки в Дарданеллах из за сетей; разумеется, ее обстреливали с фортов, она едва спаслась от мины, пущенной с берега, наткнулась сама на мину, а когда

освободилось время для обследования, нашла, что электрические минные провода обмотались вокруг ее винтов, а весь корпус поцарапан и носит следы от проволоки. Но это все входило в обычную рядовую работу. Единственный пункт, который *E 14* выделяет, это то, что она пробыла 70 дней в Мраморном море, не имея иной более надежной базы для ремонта, кроме середины этого моря, и за все это время «не было ни одного дефекта в машинном отделении, который не был бы исправлен наличными техническими силами лодки». Командир и третий офицер некоторое время хворали, старший лейтенант заболел и не вставал с постели (посмотрели бы вы на эту постель) до конца нашего пребывания в Мраморном море», но «лодка ни разу не выбыла из строя». Заслуга этого приписывается «превосходным качествам старшего механика, имя коего сообщается начальству» на благоусмотрение в видах повышения в чин штурмана».

Семьдесят дней под угрозой всевозможных опасностей снаружи и изнутри в судне, которое все представляет минное отделение, за исключением тех мест, где оно является лазаретом; пройдено двенадцать тысяч миль со времени последнего технического смотра, и ни одного выбывания из строя. Артисты, подобные механику лодки, являются теми механиками-чудодеями, из за которых командиры пускаются на всякие интриги, чтобы заполучить их на свое судно; в рассказах о разных приключениях подводных судов их имена всегда фигурируют на первом месте.

Мне неизвестна точная демаркационная линия между артиллерийскими и машинными починками, но она мне представляется тонкой и бледной. Например: *E 11*, помогая *E 14* бомбардировать выбросившийся на берег пароход, наполовину разбила арматуру своей пушки; «лафет выбросило за борт и пушка чуть было не последовала за ним». Однако, беду исправили в течение ближайших суток, что, принимая во внимание ограниченность палубного пространства, означает, что всей команде пришлось нарочно поработать. Надо надеяться, что им не слишком часто приходилось погружаться во время этого занятия.

Но худшее впереди. *E 2* имела укрепленную снаружи пушку, которая, во время подводного перехода через Дарданеллы, зацепилась за проволоки и штаги сети и повисла на них. *E 2* увидела это сквозь люк командной башни на глубине 80 фут—один проволочный канат обмотался вокруг пушки, другой вокруг башни и так далее. Над головой у нее все время раздавался треск слабых взрывов, которые она принимала за выстрелы сторожевых судов, охраняющих сети. Взвесив свое положение, она дала задний ход, повысила скорость, ринулась вперед, и одним безумным броском разделалась со всей этой историей. Представьте себе крышу плювучей дачи после того как труба ее порвала телеграфные проволоки, и вы получите слабое представление о том, что происходит с корпусом сумбарины, применившей свою пушку для разрыва проволочных канатов.

Беспокойная пушка.

Весь остаток своего рейса *E 2* представляла из себя отсыревшую, надорванную и неуютную лодку. Она топила пароходы, поджигала шхуны, ее тревожили миноноски, она смело и часто ударялась о дно; заставляла умолкать форты, обстреливавшие ее с пустынных берегов, давала понять деревням, которые могли бы примкнуть к этой игре, что им лучше заниматься своими полевыми работами; бомбардировала железно-дорожные линии и станции; бомбардировала бы и мол, но увидела что на одном конце ее находится госпиталь и «потому не могла открыть огонь»; встретила несколько шхун, переполненных беженцами, которым «разрешила следовать дальше», за что получила в презент несколько кур; но среди всех этих перипетий, главные ее заботы были направлены на борьбу с непокорной пушкой. Когда нет других дел, она кисло записывает, что «работали над пушкой». Один из философов жилой палубы по этому поводу выразился так: «Тут суть не в том что *делаешь*, а в том, что *приходится делать*». «Другими словами: не работа убивает, а забота».

Пушка *E 2* сделала все, что от нее зависело, чтобы привести всю команду в отчаяние. Негодное орудие пришлось два раза перемещать: один раз потому, что удерживающие ее болты сломались (проволочный канат должно быть порядочно сдвинул его с места), и вторично, потому что обшивка под ним дала течь от давления. *E 2* погрузилась, чтобы в этом убедиться. Но она так усердно сверлила, подтачивала и пригоняла что требовалось, что в короткое время пушка опять стала действовать и наносила смертельные раны пароходам, как ей и полагалось. Между тем, стала протекать и вся лодка. Все доски под местом прежняго нахождения пушки на носу дали течь; с кормы она протекала сквозь поврежденные окна для наблюдения за гидропланами, и на обратном пути домой, пробираясь между сетями, ей приходилось откачивать воду ручными насосами. Помимо наружной течи, она протекала и изнутри, цистерны сообщались между собою, так что керосин попал в главный резервуар с питьевой водой, и команду пришлось посадить на ограниченный рацион. Последнюю пинту воды роспили, находясь в самой узкой части пролива, а это такое место, где и без того поминутно пересыхает в горле.

На этом отчеты пока заканчиваются. Мне было довольно трудно воздержаться от какого-либо выбора среди имевшагося передо мною материала. Отнюдь не выдвигая и не превознося ни одного случая, я скорее недооценивал их; но я надеюсь, мне все же удалось показать, что в быстрой смене всех этих многообразных действий, когда жизнь и смерть и разрушение висят, можно сказать, на волоске, ни один мирный житель не был лишен жизни сознательно.

Редиард Киплинг.

(Пер. А. Жихарева).

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В «МОРСКОМ СБОРНИКЕ» ЗА 1918 ГОД.

(При заглавии каждой статьи указан № книжки, где она помещена).

Администрация.

Приказы и циркуляры по флоту и Морскому ведомству. № 1 и в приложениях к №№ 2—3 и 4—5.

Приказы и циркуляры по флоту и Морскому ведомству.

Приказ по Военному Ведомству—21—XI. О порядке заключения на фронтах перемирий. № 1.

Декрет об упразднении Адмиралтейств-Совета и замене его Морской Секцией Центрального Исполнительного Комитета. № 1.

№ 1—14—XI. Обращение Верховной Морской Коллегии к служащим в Морском Ведомстве. № 1.

№ 2—14—XI. Утверждение Комиссаров и их помощников при Отделах Морского Министерства для санкционирования всех дел. № 1.

№ 4—14—XI. Учреждение Военно-Политического Отдела из пяти лиц выборных членов при Верховной Коллегии Управления Морским Министерством. № 1.

№ 9—16—XI. Предписание всем служащим Морского Ведомства приступить к исполнению своих обязанностей. № 1.

№ 10—16—XI. О выдаче жалования не ранее 20 числа каждого месяца. № 1.

№ 12—16—XI. Об увольнении воинских чинов флота срока службы 1905—1906. № 1.

№ 13—16—XI. Отмена временного положения об офицерских чинах резерва Морского Ведомства. № 1.

№ 23—19—XI. Об оплате работ команд в дореволюционное время за время войны. № 1.

№ 31—22—XI. Прекращение издания газеты «Обзор Иностранной Печати». № 1.

№ 37—25—XI. Назначение по Управлению Петроградского Порта Коллегии из 6 лиц. № 1.

№ 39—26—XI. Порядок посылки в Морской Генеральный Штаб телеграмм № 1.

№ 41—28—XI. Временная приостановка производств и наград. № 1.

№ 42—28—XI. IO ремонтных работах на кораблях. № 1.

№ 49—29—XI. О передаче всех дел и документов по покупке *Чесмы*, *Пересвета* и *Варяга* в Верховную Следственную Комиссию по Морским Делам. № 1.

№ 50—29—XI. О подчиненности Петроградских морских команд. № 1.

№ 51—29—XI. Назначение Комиссии для проверки дела обучения специалистов в учебных отрядах и школах Балтийского моря. № 1.

№ 52—29—XI. Назначение лейтенанта Ильина (Раскольникова) ответственным редактором «Морского Сборника» и «Свободного флота». № 1.

№ 54—29—XI. Перевод журналов «Морской Сборник» и «Свободный Флот» введение Морского Генерального Штаба. № 1.

№ 55—29—XI. О пополнении некомплекта матросов на судах и береговых частях флота. № 1.

№ 56—29—XI. Об отпуске военнослужащих. № 1.

№ 57—30—XI. Об отчислении Учебного отряда подводного плавания от дивизии подводных лодок Балтийского моря. № 1.

№ 73—1—XII. Штат Штаба Верховной Морской Коллегии вместо упраздненного Походного Штаба Морского Министра.

№ 75—2—XII. Упразднение военных и морских судов всех наименований. № 1.

№ 77—2—XII. Упразднение Комиссии по наблюдению за постройкой кораблей в Балтийском море. № 1.

№ 78—2—XII. О транспортировании грузов военных и частных на Балтийском море. № 1.

№ 82—4—XII. Прекращение переводов офицеров военного ведомства в морское. № 1.

№ 83—4—XII. Отчисление из резерва офицерских классных и медицинских чинов по п.п. 1, 2, 5 и 6. № 1.

№ 84—4—XII Прекращение переименования офицеров Адмиралтейства в чины военного времени. № 1.

№ 355—17—XI. Список (№ 18) матросов, погибших при гибели эскадренных миноносцев *Казанец* и *Доброволец*. № 1.

№ 360—23—XI. Положение о капитале для выдачи пособий лицам, служащим и служившим в морском полигоне и их семьям. № 1.

№ 368—30—XI. Обязанность всех прибывающих в Петроград офицеров Морского Ведомства являться в Гулисо в день их прибытия. № 1.

№ 86—6—XII. Упразднение должности командующих флотом и их штабов. № 1.

№ 89—7—XII. Назначение Комиссии для разработки проекта о реорганизации военно-морских учебных заведений. № 1.

№ 90—7—XII. Положение об оплате труда судовых команд за работу. № 1.

№ 91—7—XII. Назначение Комиссии для определения возможности использования судов флота для нужд торгового мореплавания. № 1.

№ 92—11—XII. Упразднение Центрального Авиационного Комитета. № 1.

№ 98—9—XII. Табель окладов содержания вольнонаемных служащих на судах морского и военного ведомств на Балтийском море. № 1.

№ 99—12—XII. Прекращение эвакуации всех заводов и фабрик из Ревеля. № 1.

№ 101—12—XII. Исключение из народного флота военно-морского агента в Дании капитана 2 ранга Безкровного за отказ исполнять распоряжение Морского Министерства и Советской власти.

№ 108—13—XII. Переименование Дома Инвалидов имени Павла I в Дом Инвалидов Свободного флота Российской Республики.

№ 117—14—XII. Об отпуске денег частям флота и выборным организациям. № 1.

№ 118—14—XII. Ликвидация Комиссий судостроения в Ревеле и Финляндии. № 1.

№ 119—14—XII. Об увольнении с 16/XII призывавшихся к исполнению воинской повинности в 1900 и 1901 г.г. № 1.

№ 120—14—XII. О назначениях и перемещениях личного состава флота. № 1.

№ 372—2—XII. Список № 19 матросов, погибших и умерших от ран при гибели крейсера *Пересвет* 22/XII 1916 г. № 1.

№ 378—7—XII. Изменение формы приказов об увольнении со службы. № 1.

№ 379—9—XII. О доставлении отзывов с мест прежней службы на всех служащих, принятых в Центральные Учреждения и Петроградский Порт.

№ 106—13—XII. Об эксплоатации и ремонте автомобилей и мотоциклов Учреждения Морского Ведомства. № 2—3.

№ 124—14—XII. Оклад содержания Народного Комиссара по Морским Делам. № 2—3.

№ 129—18—XII. Упразднение звания охотников флота. № 2—3.

№ 137—18—XII. О довольствии береговых команд морской провизией. № 2—3.

№ 139—18—XII. Положение о командируемых от военно-морских организаций и учреждений Морского Ведомства по делам службы. № 2—3.

№ 142—18—XII. Об отпуске револьверов военным морякам. № 2—3.

№ 143—19—XII. Отмена трехмесячных вычетов разницы между прежним и новым окладами при увеличении содержания. № 2—3.

№ 145—19—XII Упразднение денежных наград. № 2—3.

№ 149—21—XII. Переименование Штаба Верховной Морской Коллегии в Управление делами ее и Политического Отдела—Управлением Политической Частью Морского Министерства. № 2—3.

№ 156—21—XII. Отчисление в свои части матросов, несущих службу ординарцев, сторожей, истопников и замена их вольнонаемными. № 2—3.

№ 157—21—XII. О содержании исполняющих обязанности. № 2—3.

№ 166—19—XII. О постановлениях Верховной Морской Коллегии. № 2—3.

№ 167—19—XII. О представлениях в Законодательный Совет Морского Ведомства. № 2—3.

№ 176—22—XII. Отмена выдач денег взамен бинокля выходящим из военно-морских учебных заведений офицерам. № 2—3.

№ 177—24—XII. Отпуск 300 рублей инвалидам Инвалидного Дома Свободного Флота Российской Республики на три дня праздников. № 2—3.

№ 178—24—XII. Выдача всем чинам флота двойной харчевой порции на три дня праздников. № 2—3.

№ 180—24—XII. Об увольнении в отпуск портовых служащих. № 2—3.

№ 187—28—XII. О форме бумаг, препровождаемых в Законодательный Совет. № 2—3.

№ 188—28—XII. О порядке распубликования по флоту и Морскому Ведомству постановлений Совета Народных Комиссаров, а также и других законодательных постановлений и распоряжений. № 2—3.

№ 189—30—XII. Образование музыкального хора IV разряда для учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота. № 2—3.

№ 385—13—XII. О выдаче права на ношение огнестрельного оружия всем чинам центральных учреждений Морского Ведомства. № 2—3.

№ 390—16—XII. Правила о порядке составления и утверждения актов о выводе в расход самодвижущихся мин. № 2—3.

№ 391—16—XII. Назначение Комиссии для сдачи Морского Инженерного Училища и его имущества Кронштадтскому Городскому Самоуправлению. № 2—3.

№ 4—3—I. Об увольнении служащих Главного Военно-Морского Судного Управления и Главного при нем Суда, отказавшихся работать при Верховной Морской Следственной Комиссии. № 2—3.

№ 6—3—I. Увольнение от службы военных цензоров. № 2—3.

№ 9—8—I. Дополнение к приказу Верховной Морской Коллегии от 19—XI—1917 г. за № относительно порядка и условий оплаты работ судовых команд в дореволюционное время во время войны. № 2—3.

№ 10—10—I. О представлении точных списков всех служащих по всем Отделам Морского Ведомства. № 2—3.

№ 11—8—I. Положение о демократизации флота. № 2—3.

№ 13—3—I. Предоставление Комитетам судовых и береговых команд расходов на изготовление ленточек и шитье сапог. № 2—3.

№ 15—3—I. О довольствии матросов, командируемых по делам службы. № 2—3.

№ 16—3—I. Дополнение Положения об оплате труда судовых команд. № 2—3.

№ 17—3—I. О довольствии команд Балтийского и Черноморского флотов в 1918 г. № 2—3.

№ 19—7—I. Отсрочка проведения в жизнь приказа № 79 от 2/XII—1917 г. об уничтожении института строевых офицеров и матросов. № 2—3.

№ 23—10—I. Упразднение должности Главноначальствующего городом Архангельском и Беломорским водным районом и состоящих при нем должностей. № 2—3.

№ 24—10—I. Преобразование Главного Гидрографического Управления. № 2—3.

№ 31—12—I. Уравнение лазаретных служащих в денежном довольствии с флотскими чинами на кораблях. № 4—5.

№ 34—12—I. Отправление в ряды флота всех саботирующих служащих. № 4—5.

№ 35—14—I. О собирании и хранении документов текущей войны и революционного периода. № 4—5.

№ 36—14—I. Окончание кампании линейным кораблем *Гражданин* и крейсерами *Россия* и *Громобой*. № 4—5.

№ 38—14—I. О расходовании в портах провизии Морского Ведомства только для надобностей флота. № 4—5.

№ 43—14—I. Присоединение к Морскому Генеральному Штабу Центрального Архива Флота и Морского Ведомства, Морского Музея и Библиотеки Морского Министерства. № 4—5.

№ 52—19—I. Сформирование при 2 Балтийском флотском экипаже команды в 150 человек для сопровождения грузов с продовольственными грузами для флота. № 4—5.

№ 53—19—I. Передача портового здания № 65 в городе Николаеве в распоряжение председателя О-ва изящных искусств имени В. В. Верещагина для устройства народной Академии Искусств. 4—5.

№ 56—17—I. Отмена удержания в доход Казны с состоящих на Государственной Службе лиц трехмесячной разницы при увеличении содержания. № 4—5.

№ 57—17—I. Предоставление Центральным Комитетом морей решения вопроса об увольнении команд различных сроков службы и сокращения, в связи с этим, количества судов действующего флота. № 4—5.

№ 59—23—I. Распоряжение всем военным морякам, уволенным по болезни в отпуск, явиться в свои части к 1 февраля. № 4—5.

№ 61—23—I. Увольнение в запас флота военных моряков сроков службы 1907, 8, 9 и 10 г.г. № 4—5.

№ 63—23—I. Прекращение выдачи содержания всем священнослужителям, исключение их из списков флота и переход всего церковного имущества в собственность Российской Советской Республики. № 4—5.

№ 65—21—I. Расформирование Политического Отделения Командующего сухопутными войсками при Штабе Командующего Флотом Балтийского моря. № 4—5.

№ 74—24—I. Отстранение от должности Командующего Черноморским флотом Немитца. № 4—5.

№ 78—21—I. О начале действий ликвидационных комиссий. № 4—5.

№ 81—24—I. О ремонте судов и пополнении снабжения. № 4—5.

№ 83—24—I. О передаче капитала имени графа С. А. Строганова в Управление Делами Верховной Морской Коллегии. № 4—5.

№ 87—26—I. Отмена приказа по флоту и Морскому Ведомству № 23 от 10—I. № 4—5.

№ 91—25—I. О приостановке всех оборонительных и необоронительных работ Морского Ведомства. № 4—5.

№ 98—26—I. Запрещение частным лицам посещать корабли и части флота. № 4—5.

№ 99—26—I. Устав Всероссийского Союза Лоцманов. № 4—5.

№ 102—30—I. Положение об организации Социалистического Рабоче-Крестьянского Красного Флота. № 4—5.

№ 103—30—I. Самораспущение Законодательного Совета Морского Ведомства в связи с роспуском флота. № 4—5.

№ 14—25—I. О представлениях в Морской Совет и Коллегию Морского Комиссариата. № 4—5.

Бундас. Морские силы и народное хозяйство при Петре Великом. № 12.

Панаев. Флот Соединенных Штатов. №№ 7—11.

Соколов, А. Личный состав современного французского флота. №№ 4—6.

Положение об отдыхе чинов французского флота. № 2—3. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Увеличение содержания чинов английского флота. **В. Э.** № 2—3. Иностранное обозрение.

Артиллерия.

Р., Б. Снаряды для стрельбы по воздушным целям. № 1.

Р., Б. Исследование движения и действия снарядов при помощи кинематографии на дневном свету. № 6.

Военно-морские науки.

Штенцель, А. История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики. Вторая часть. «Библ. М Сб.» №№ 1 и 2.

I. Карфаген и Рим. № 2—3.

II. Война с морскими разбойниками. № 2—3.

III. Агриппа как морской вождь. № 2—3.

IV. Венеция и Турция. №№ 2—3 и 7—8.

V. Период перехода к парусному судоходству. № 7—8.

VI. Роль Германии на море. Гандзейский союз. № 7—8.

VII. Эпоха Великой Армады. № 7—8.

Война.

А., Б. Пленник зеленой лодки. № 1 (с отдельной нумерацией страниц).

Вогак. Последние дни канонерской лодки *Кореец*. № 7—8.

Гибель подводной лодки *Барс*. № 2—3.

Е. Один из выводов из наблюдений над германской подводной блокадой. № 4—5.

Е. О подводной войне. (Новая Жизнь). № 11. Библиография.

Мысли адмирала Дегу и его оппоненты, № 11. **В. Э.** Библиография.

Киплинг. Приключения Е 11 и Е 14. № 12.

Olivier Guihené. La bataille navale de Jutland. № 45. **В. Э.** Библиография.

Оценка потерь морских сил воюющих держав. № 1. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Новицкий, В. Хроника. №№ 9—12.

Переделка парохода *Фатерланд* в военный транспорт. № 1. **В. Э.** Иностранное обозрение.

The Royal Navy List, 1917. № 1. **В. Э.** Библиография.

The Times Documentary History of the war. № 11. **Е.** Библиография.

Подерни. (Певевод под редакцией). Немецкие подводные лодки в Северном Ледовитом океане. (С отдельной нумерацией страниц). №№ 2—5.

Последние новости о германском подводном флоте. № 4—5. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Постройка канонерских лодок на реке Тигре. № 4—5. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Указание войны торговому флоту. № 7—8. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Улучшение поворотливости торговых судов. № 7—8. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Усиление британского флота по германским сведениям. № 1. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Усиление японского флота. № 1. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Участие японского флота в войне. № 7—8. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Холодняк, Ал. (Перев. с немец.) *Бреслау - Мидилли.* №№ 6—12.

Хэрд, Арчибальд. Статьи:

1. Что сделал бы Нельсон во время этой войны?
2. Бесполезность активных действий британского флота у немецких берегов.
3. О Дарданелльской экспедиции.
4. Тень голода на континенте.
5. О недостатке личного состава для английского военного и торгового флота. № 1. **В. Э.** Библиография.

Hutter Pages d'histoire (1914—1917). № 12. **Е.** Библиография.

Шаверновский, С. Переход на подводной лодке *Дейчланд.* № 1.

Воспитание и образование.

Г., Н. Вопросы морского образования. № 9—10.

Маяк. Теоретическая подготовка судоводителей и механиков. № 9—10.

Подерни. О минном классе высшего командования. № 12.

География, путешествия, открытия.

Блинов, В. Поход к берегам Студеного моря. № 2—5.

Блинов, В. В Японии в 1915 году. № 9—10.

Е. В поисках «Земли Крокера». № 6.

Е. Дополнение к статье в поисках «Земли Крокера». № 9—10.

Е. Остров Св. Пасхи. № 9—10.

Е. Британские интересы на Шпицбергене. № 12. Библиография.

Е. The drift of *Endurance*. № 12. Библиография.

Егорьев. Экспедиция Амундсена. № 12.

Ислямов, И. Экспедиция для поисков старшего лейтенанта Седова и его спутников. №№ 7—11.

Иностранное обозрение.

Димович. Туннель под Ламаншем. № 9—10.

Доливо-Добровольский, Борис. Иностранное обозрение. №№ 9—12.

Егорьев. Панамский канал. № 11.

Новицкий. Наша политика и высшая стратегия на Дальнем Востоке перед русско-японской войной 1904—1905 гг. № 12.

Э., В. Значение Панамского канала во время войны и мира. № 2—3. Иностранное обозрение.

Э., В. Иностранное обозрение. №№ 1—5 и 7—8.

История.

Гончаров, В. Капитан Конон Зотов. № 7—8.

Гончаров. Русская экспедиция на остров Готланд в 1808 году. № 9—10.

Змигродский, К. А. Польский военный флот. № 6.

Лазарев, М. П. Письма к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии. №№ 1—12.

Мертваго, Д. Из записок. № 12.

Новицкий, В. Памяти Бориса Петровича Страхова. № 2—3.

Обвинительный акт по делу лейтенанта Шмидта. № 2—3.

Раскольников, Р. Восстание в немецком флоте. № 1.

Раскольников, Ф. Революционный Кронштадт. № 2—3.

Севастопольское восстание (1905). № 7—8. Библиография.

Международное право.

Коровин, Е. Современная французская призовая практика. №№ 6—8.

Минное дело.

Мина 533 m/m. № 11. **Е.** Библиография.

Подводное дело.

Подерни. Подлодки в мирное время. № 11.

Решение связанных с подводным плаванием задач. № 4—5. **В. Э.** Иностранное обозрение.

(Еще см. отдел «Война» и «Техника»).

Судостроение.

Мазик, Э. Примеры из истории постройки сторожевых катеров в Америке. №№ 2—5.

Мазик, Э. История развития и современного положения постройки железо-бетонных судов. № 7—10.

Попов, Ф. Успокоительные систерны Фрама. № 9—10.

Постройка военных судов для Англии в Японии. № 7—8. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Стандартизированное судостроение. № 11. **Е.** Библиография.

Улучшение поворотливости торговых судов. № 7—8. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Эволюция линейных крейсеров. № 4—5. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Техника.

Laws, B. C. Остойчивость и равновесие плавающих тел. № 1. Библиография.

Лосев, А. Два слова о делении линии на части. № 1.

Фрейман, И. Приложение электрического реле в радиотелеграфном деле. № 1.

Х., В. (Перев.) Гироскоп и его применение. № 1.

Х. (Перев.) Стабилизация летательных аппаратов и судов. № 4—5.

Яковлев. (Перев.) Подъем американской подводной лодки въ 260 тонн с глубины 90 метров. № 12.

Я., М. Воздушные насосы. № 6.

Я., М. Доклад Silinge о дизелях. № 11.

Яновский. Маслоохладители. № 12.

Торговый флот.

Доливо-Добровольский. Вольная Гавань. № 6.

Маяк. Использование части демобилизованного флота для целей торгового мореплавания. № 6.

О французском торговом флоте. № 2—3. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Плавания судов прибрежной службы (С. Ш.). № 7—8. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Реорганизация управления торговым флотом во Франции. № 1. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Рет, Н. Из прошлого торгового флота. №№ 7—11.

Стандартизированное судостроение. № 11. **Е.** Библиография.

Стандартизированные торговые суда. № 7—8. **В. Э.**

Судостроение и морская торговля после войны. № 2—3. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Указания войны торговому флоту. № 7—8. **В. Э.** Иностранное обозрение.

Смесь.

Библиография. **Э. В.** №№ 1, 4—5 и 11.

Библиография. **Е.** №№ 7—12.

Гарин, Сергей. Лейтенант Мосягин. Повесть. №№ 1—8.

Лоти. Матросы Франции. Речь. № 12.

Миланези, Гвидо. Морская рапсодия. № 4—5.

От редакции. № 7—8.

От редакции. № 12.

Каталог Книжного Склада Морского Ведомства. №№ 1 и 10.

Систематический указатель статей, помещенных в «Морском Сборнике» за 1917 год. № 1.

То-же за 1918—№ 12.

Указатель авторов и переводчиков за 1918 г.

Авторы.	№№ журнала.	Страница указателя.
Блинов, В.	2—5, 9—10, 12.	10, 12.
Бундас.	12.	7.
Б., А.	1.	8.
Вогак.	7—8.	8.
Гарин, С.	1—8.	12.
Гончаров, В. . . .	7—8, 9—10.	10.
Г., Н.	9—10.	9.
Димович	9—10.	10.
Доливо-Добровольский Б.	6, 9—12.	10, 12.
Е.	4—12.	8—11.
Змигродский . .	6.	10.
Ислямов, И. . . .	7—11.	10.
Киплинг	12.	8.
Коровин, Е. . . .	6—8.	11.
Лазарев, М. П. . .	1—12.	10.
Laws, В. С. . . .	1.	11.
Лосев	1.	11.
Лоти	12.	12.
Мазик. Э.	2—5, 7—10.	11.
Маяк	6, 9—10.	9.
Мертваго, Д. . . .	12.	10.
Миланези, Гвидо .	4—5.	12.
Новицкий, В. . .	2—3, 9—12.	8, 10.
Olivier Guihené . .	4—5.	8.
Панаев	7—11.	7.
Подерни	2—5, 11, 12.	9.
Попов, Ф.	9—10.	11.
Раскольников, Р. .	1.	10.
Раскольников, Ф. .	2—3.	10.
Рет, Н.	7—11.	12.
Р., Б.	1, 6.	8.
Соколов, А. . . .	4—6.	7.
Фрейман	1.	11.
Холодняк, Ал. . .	6—12.	9.
Хэрд, А.	1.	9.
Х., Б.	1.	11.
Х.	4—5.	12.
Шаверновский, С.	1.	9.
Штенцель, А. . .	Приложение к 2—3, 7—8,	8.
Яковлев	12.	12.
Я., М.	6, 11, 12.	12.
Э., В.	1—5, 7—8, 11.	7—12.

Вышли из печати и рассылаются подписчикам №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 журнала

„ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ"

Органа Главного Управления Водного Транспорта.

СОДЕРЖАНИЕ: **Официальный отдел** (декреты, постановления и циркуляры касающиеся Водного Транспорта). **Деятельность организации по водному транспорту. Статьи. Иностранный отдел. Обзор печати. Хроника. Справочный отдел. Библиография.**

В журнале принимают участие, специалисты по экономическим и техническим вопросам вообще и по вопросам водного транспорта в частности.

Цена в отдельной продаже—**1** руб., на станциях жел.-дор.—**1** руб. **25** коп. Журнал выходит выпусками в 2—3 печатных листа большого формата.

Подписная цена: на 12 м.—**32** руб.; на 6 м.—**16** руб.; на 3 м.—**8** руб. Подписка на журнал принимается в Москве в конторе журнала «Водный Транспорт» (Кузнецкая, 14), в конторе журнала «Народное Хозяйство» (Мясницкая, Златоустинский пер. Сибирская гост.) в редакции «Изв. Областного Управления водным транспортом Московско-Окского бассейна (Чистые Пруды, д. 8), в книжном магазине т-ва М. О. Вольф (Кузнецкий мост), в квартире заведующего к-рой журнала (Ермолаевский пер. д. 18 кв. 3. от 5—7 ч. вечера, тел. 4-90-75), в к-ре редакции газеты «Финансы и Народное Хозяйство» (Мясницая, 24), а также во всех областных и районных управлениях водного транспорта.

В главной к-ре журнала «Водный Транспорт» (Кузнецкая, 14, тел. 5-66-58) и в квартире зав. к-рой журнала (Ермолаевский пер., д. 18, кв. 3., тел. 4-90-75 от 5—7 ч. веч.), в к-ре редакции газеты «Финансы и Народное Хозяйство» (Мясницкая, 24) принимаются объявления для помещения в журнале. Плата за объявления впереди текста—3 руб. за строку нонпарели, позади текста—2 руб. за строку нонпарели, (в странице 3 колонны × 130 стр.—390 стр. нонпарели).

Объявления на 6 №№ принимаются со скидкою 5%, на 12 №№—10% и на 24 №№—20%.

~~6139~~
14573
27502
Ф. Б. У. Т. Б.
У. О. П. Д.

0-50